
ОГОНЁК
№ 46 НОЯБРЬ 1949
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В степной части Крыма создается крупнейший виноградарский совхоз «Степной». Для рабочих совхоза выстроены новые, удобные дома, в каждом доме — электричество. Заканчивается радиофикация совхоза. Радиотехник И. Т. Сердюк проводит радио в дом рабочего В. Коваленко.

Фото Л. Яблонского

На первой странице обложки: Семен Васильевич Чугунов — знатный сталевар литейно-механического завода имени Л. М. Кагановича. Люблино, Московской области.

Фото Дм. Бальтерманца

На последней странице обложки: в Тирипонской долине, вблизи Гори, строится одна из крупнейших сельских гидроэлектростанций Грузии. Инженер-гидротехник Ксения Цикаришвили производит съемку местности. Ей помогает колхозник Артем Коблиашвили.

Фото Георгия Зельма.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 46 (1171) 13 НОЯБРЯ 1949

27-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Торжественное заседание Московского Совета 6 ноября 1949 года. Товарищ Г. М. Маленков выступает с докладом о 32-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Фото Дм. Бальтерманца

Москва, 7 ноября 1949 года. На трибуне мавзолея. Слева направо: Н. Д. Яковлев, А. В. Хрулев, С. М. Штеменко, Н. Н. Воронов, П. Ф. Жигарев, Л. А. Говоров, С. М. Буденный, В. Д. Соколовский, А. М. Василевский, Н. А. Булганин, К. Е. Ворошилов, В. М. Молотов, Г. М. Маленков, Л. П. Берия, А. А. Андреев, Л. М. Каганович, Н. М. Шверник, А. Н. Косыгин, М. А. Суслов, Г. М. Попов, П. К. Пономаренко и М. Ф. Шкирятов.

Фото В. Ковригина (Фотохроника ТАСС)

Демонстрация единства и силы

С исключительным воодушевлением отпраздновали 32-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции все народы Советского Союза.

В столице нашей Родины Москве, в столицах союзных республик, в Ленинграде и других крупнейших городах страны состоялись военные парады. Повсеместно прошли мощные демонстрации трудящихся.

Накануне вся страна слушала передававшийся по радио доклад тов. Г. М. Маленкова на торжественном заседании Московского Совета, посвященном 32-й годовщине Великого Октября. С чувством глубокой патриотической гордости восприняли советские люди итоги своего труда, своей борьбы за победу коммунизма, за мир, за демократию.

Эти итоги нашли яркое отражение в праздничных демонстрациях трудящихся нашей страны.

В Москве, на Красной площади, состоялся традиционный парад войск Московского гарнизона и демонстрация трудящихся.

На трибунах, расположенных вдоль Кремлевской стены, присутствовали многочисленные представители трудящихся столицы, а также гости Советского Союза — посланцы стран народной демократии, Китайской народной республики, миролюбивой, демократической Германии и Корейской народно-демократической республики.

Бурными, долго не смолкавшими аплодисментами встретили все присутствовавшие на площади появление на трибуне ленинского мавзолея руководителей партии и правительства — товарищей В. М. Молотова, Г. М. Маленкова, Л. П. Берия, К. Е. Ворошилова, Н. А. Булганина, Л. М. Кагановича, А. А. Андреева, Н. М. Шверника, А. Н. Косыгина, М. А. Суслова, П. К. Пономаренко, Г. М. Попова, М. Ф. Шкирятова.

В эту торжественную минуту, когда куранты Спасской башни отбивали десять мерных ударов, возвещающих час начала парада, мысли и чувства миллионов советских людей обращались к товарищу Сталину — великому вождю и учителю трудящихся, вдохновителю и организатору всемирно-исторических побед коммунизма, гениальному руководителю самого мощного движения народных масс, какое только знала история — движения за мир, за демократию, за обуздание поджигателей новой войны.

Парад частей Московского гарнизона принимал Министр Вооруженных Сил СССР маршал Советского Союза тов. А. М. Василевский. В параде участвовали слушатели военных академий и курсанты военных училищ, моряки, пограничники, воспитанники суворовских и нахимовских училищ, пехота, конница, артиллерия, бронетанковые части, авиация — все роды войск могучих Вооруженных Сил советского государства.

После окончания парада началась многолюдная демонстрация трудящихся столицы. Она продолжалась около пяти часов, в ней приняло участие более миллиона москвичей.

Демонстранты двигались через Красную площадь широким нескончаемым потоком — колонны двенадцати районов столицы одновременно проходили перед трибунами. Яркое и красочное оформление колонн отражало дела и помыслы советских людей, их замечательные трудовые победы в борьбе за досрочное выполнение послевоенной пятилетки, за дальнейшее укрепление могущества нашей великой советской Родины, за построение коммунизма.

Высоко подняты над рядами демонстрантов портреты товарища Сталина и его соратников—руководителей партии и правительства—знамена, плакаты и транспаранты с начертанными на них призывами Центрального Комитета ВКП(б). Несмолкаемо звучат любимые советские песни, марши, возгласы «ура», тысячеустые приветствия в честь партии большевиков, советского правительства, в честь товарища Сталина.

Демонстранты несли многочисленные плакаты, картины, панно, отражающие великую вдохновляющую, организующую роль товарища Сталина во всех победах нашего народа.

Сотни коллективов заводов и фабрик встретили великий праздник рапортами о досрочном выполнении плана послевоенной пятилетки, об освоении новой техники, о росте социалистических накоплений, об успехах, одержанных в борьбе за использование многочисленных и богатейших внутренних резервов, которыми располагает наша социалистическая промышленность.

Накануне праздника в докладе на торжественном заседании Московского Совета тов. Г. М. Маленков говорил о том, что на всех фронтах нашего великого социалистического строительства, во всех отраслях народного хозяйства, науки, техники ведущим началом является передовое, новое, прогрессивное. Демонстрация трудящихся 7 ноября служила еще одной замечательной иллюстрацией этого важнейшего преимущества нашего советского строя. Коллективы сотен предприятий вышли на демонстрацию с портретами своих передовых людей — лучших стахановцев, новаторов, рационализаторов, прославившихся своей патриотической инициативой.

Истекший 32-й год Великой Октябрьской социалистической революции войдет в историю, как год выдающихся побед лагеря социализма и демократии, год мощного развертывания во всех странах борьбы народных масс за мир, против поджигателей новой войны. Праздничная демонстрация наглядно показала, с каким вниманием и сочувствием следят советские люди за успехами стран народной демократии, вступивших на путь строительства социализма, за историческими победами великого китайского народа, за строительством миролюбивой демократической Германии, за достижениями народа демократической Кореи, за хозяйственными и культурными успехами старого друга Советского Союза — Монгольской народной республики. В колоннах демонстрантов были многочисленные портреты руководителей стран народной демократии, Китайской народной республики, миролюбивой демократической Германии, Кореи, Монгольской народной республики.

Демонстранты несли также портреты руководителей коммунистических партий Франции, Италии, Соединенных Штатов Америки, Испании, Англии. Это была красочная иллюстрация органической, неразрывной связи успехов строительства коммунизма в нашей стране с успехами коммунистического и рабочего движения в капиталистических странах, иллюстрация непоколебимой верности народов СССР ленинско-сталинским идеям пролетарского интернационализма.

Демонстрация трудящихся столицы наглядно показала несокрушимое единство и могучую силу советского народа, его уверенность в своем завтрашнем дне, его решимость идти все дальше вперед, по начертанному товарищем Сталиным пути строительства коммунизма.

С исключительным подъемом прошли праздничные демонстрации во всех городах Советского Союза. В Ленинграде перед военным парадом и демонстрацией трудящихся состоялся большой морской парад на Неве.

На фото внизу: парад частей Московского гарнизона.

Фото А. Гостева и М. Савина.

В демонстрации участвовали 736 тысяч трудящихся города Ленина. В столице Украины Киеве демонстрировало более 300 тысяч, в Минске — более 150 тысяч, в Риге — 300 тысяч, в Баку и Ташкенте — также по 300 тысяч, в городе-герое Сталинграде — более 130 тысяч и т. д.

Все народы нашей страны демонстрировали в день 32-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции свою беззаветную преданность нашей славной советской Родине, партии Ленина — Сталина, любимому учителю и вождю товарищу Сталину, свою верность непобедимому знамени Великого Октября.

Вечером 7 ноября в столице СССР Москве, в столицах всех союзных республик, в Калининграде, Львове, Хабаровске, Владивостоке, Порт-Артуре, в городах-героях Ленинграде, Сталинграде, Севастополе, Одессе прогремели артиллерийские залпы праздничного салюта.

Отпраздновав 32-ю годовщину Октября, народы СССР с новым подъемом приступили к осуществлению великих созидательных задач, поставленных перед нашей страной партией большевиков, мудрым вождем и учителем партии и народа товарищем Сталиным.

* * *

— Внимание! Говорит Пекин!

Миллионы советских людей с волнением слушали первую радиопередачу, транслировавшуюся 7 ноября из столицы Китайской народной республики. Они слушали далекий и в то же время близкий, уверенный голос великого Китая.

7 ноября во всех крупных городах освобожденного Китая состоялись митинги, торжественные собрания и демонстрации в честь 32-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Демонстранты вышли на празднично украшенные улицы Пекина, Шанхая, Харбина, Мукдена, Амоя, Гирина и многих других китайских городов с лозунгами и плакатами, прославляющими Народно-освободительную армию, коммунистическую партию и вождя трудящихся всего мира товарища И. В. Сталина. Повсюду в этот день можно было услышать мелодии популярных советских песен. На митингах и собраниях, организованных Всекитайским обществом китайско-советской дружбы, ораторы рассказывали об историческом пути советского народа, его борьбе и успехах и призывали крепить дружбу китайского и советского народов.

* * *

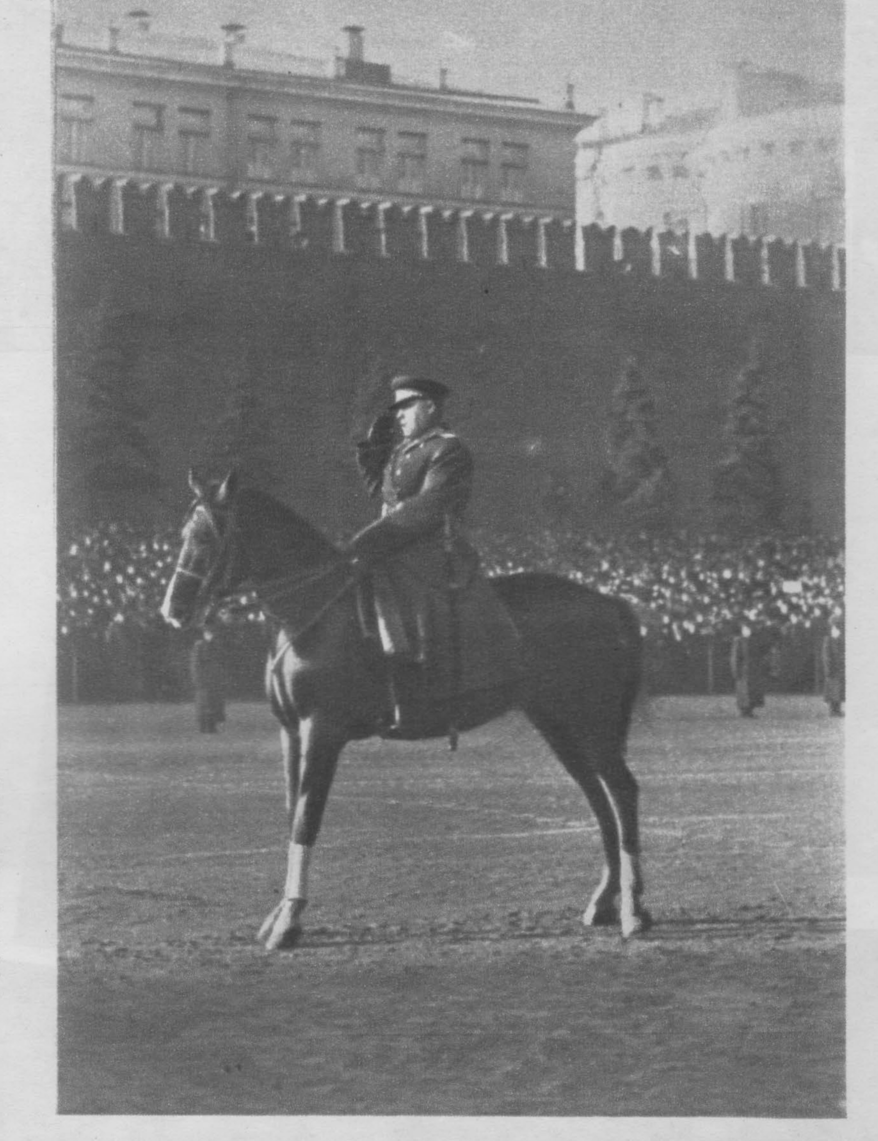
8 ноября редакция журнала «Огонек» связалась по телефону со столицей Германской демократической республики — Берлином. Президент Германо-советского общества дружбы, профессор Ю. Кучинский сказал:

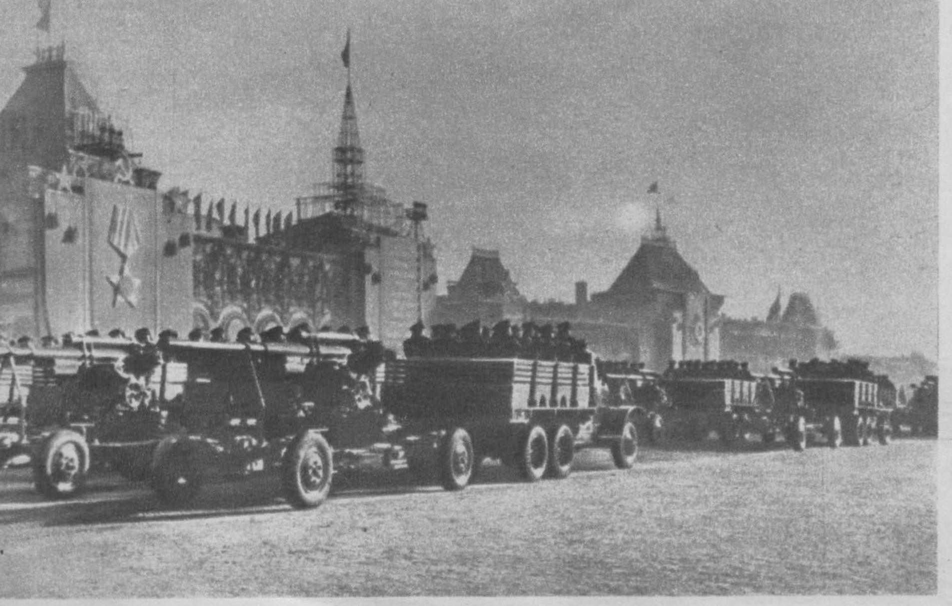
— 7 ноября 1949 года Германия впервые в своей истории широко и свободно праздновала 32-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции в СССР. Миллионы немцев, получившие много доказательств дружбы и великодушия советского народа, отмечали 32-ю годовщину Великого Октября с огромным воодушевлением и твердой верой в светлое будущее Германской демократической республики.

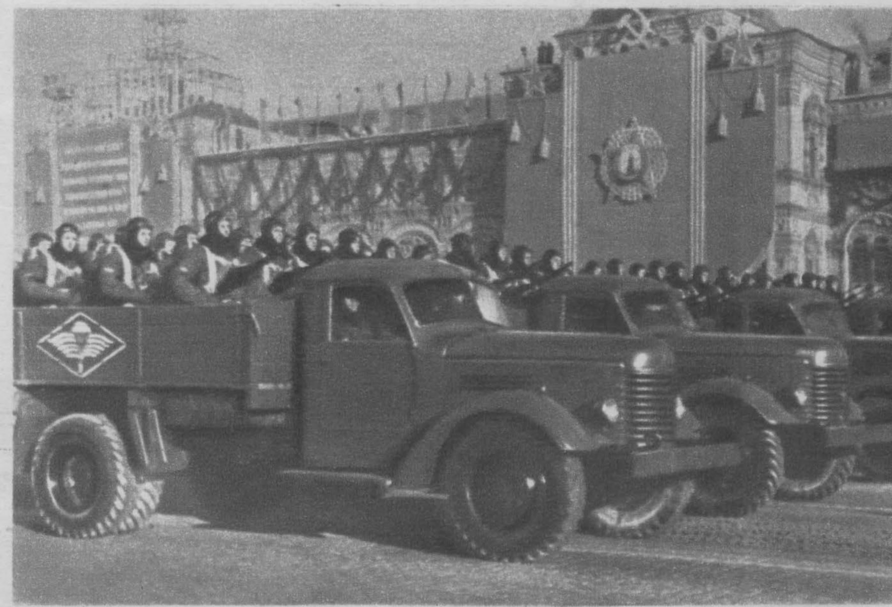
На большинстве предприятий Берлина, Саксонии, Тюрингии и других земель состоялись торжественные собрания, посвященные 7 ноября. Только на предприятиях и в учреждениях земли Саксония — Ангальт 6 и 7 ноября выступили с докладами девятьсот работников культуры, искусства, науки, представителей антифашистских партий и организаций.

15 тысяч человек участвовали в собраниях железнодорожников Магдебурга. В районе Вернигероде рабочие и служащие завода «Электромоторостроение» (народное предприятие) решили на своем собрании, посвященном празднику, преподнести в подарок Генералиссимусу Сталину изготовленный ими 10-тысячный электромотор.

Справа: принимающий парад министр Вооруженных Сил СССР маршал Советского Союза А. М. Василевский объезжает войска.

Вверху: физкультурники столицы на Красной площади.
Фото Дм. Бальтерманца

На снимках слева: пляски в колоннах демонстрантов на улицах Москвы.

Внизу: Ленинград. Вечером на Неве.
Фото Д. Трахтенберга

ЛЕНИНГРАД. Демонстрация трудящихся на Дворцовой площади.

ГОРЬКИЙ. На площади Челюскинцев.
Фото Н. Капелюша

Праздничный вечер 7-го ноября в семье колхозника С. В. Морозова в орденоносном колхозе «Победа», Дмитровского района, Московской области.
Фото Б. Кузьмина

Проехав по дороге мимо садов Буйнакска, мимо цветущих долин Хаджал-махи и Гергебеля, мы добрый час поднимались вверх. Густая, бархатная ночь настигла нас в горах Аварии. Нащупывая фарами вырубленную в скалах дорогу, машина осторожно ползла на последнюю вершину. Наконец из-за поворота сверкнули огоньки, маленькие, далекие, но очень яркие. Они оцепили вершину, сбегали вниз в долину, сияли слева и справа. Огней становилось все больше, и вскоре уже казалось, что ночь отступила перед ними.

— Приехали... Хунзах,— объявил шофер.

Хунзах — один из старинных высокогорных аулов Дагестана, расположенный на высоте 1700 метров над уровнем моря, древняя столица Аварии.

...Утром секретарь партийной организации хунзахского колхоза имени Сталина Магомед Испагиев рассказывал нам, как двадцать лет тому назад вместе с группой бедняков он организовывал колхоз.

— Мы прожили годы нелегкого, но плодотворного труда,— заметил Испагиев.— А что дается без труда? Теперь у колхоза большие стада овец, рогатого скота, табун резвых лошадей, чудесные сады и богатые поля. На счету артели в банке миллионы рублей. Колхозник живет не в дымной сакле и спит не рядом с овцами, как раньше: у него сейчас каменный дом, хорошая мебель, бытовые удобства — и все это дал колхоз.

— А самое главное — мы приобрели за эти годы крепкую волю и веру в свои силы,— сказал в завершение Испагиев.

Аул стоит на вершине горы. Вокруг — пастбища, сады, поля. А внизу, в ущелье, журчат широкий Хинапхин и мелководный Хунзах.

Еще несколько лет тому назад колхозник Кура Махмудов и другие артельные техники по совету Магомеда Испагиева занялись изучением этих речек. Было установлено, что вода падает в ущелье с высоты 133 метров и если в ущелье построить электростанцию, то она сможет давать столько энергии, что хватит ее и Хунзаху и многим соседним аулам.

После этого колхозное собрание выделило четыреста тысяч рублей на сооружение гидростанции, и землекопы вышли на работу. Что говорить: нелегко было высекать каналы и котлованы в толще скалы! Еще сложнее было монтировать станцию. С превеликим трудом по извилистой горной дороге была доставлена из Махач-Калы в Хунзах изготовленная ленинградским заводом «Электросила» турбина весом около восьми тонн. Но это была лишь малая часть дела. Как спустить бесценную машину по тропе вниз, в ущелье?

Председатель колхоза Халият Магомаев, парторг Магомед Испагиев и колхозный мастер Кура Махмудов придумали и изготовили специальные салазки, на которые взвалили турбину. Затем четверо суток все мужчины колхоза осторожно, с величайшим терпением и предусмотрительностью спускали на веревках турбину по тропинке вниз, в долину, где уже готово было здание станции и монтажники ждали своего часа. Наконец турбина, сияющая, начищенная до зеркального блеска, приняла первый удар огромного столба воды. Этого дня в ауле ждали с волнением...

И вот оно стоит на небольшом каменном плато, новенькое здание гидроэлектростанции. Отсюда сотни домов Хунзаха получают свет. Энергия идет и в соседние аулы — Хини, Баглаич, Обод, Цада...

— Горец получил серьезного помощника. Давайте посмотрим, что в Хунзахе делает электричество. Пойдем по линии и проверим,— предложил Испагиев.

Ответвление электролинии тянется к скотному двору.

СВЕТ НАД ВЕРШИНАМИ

Н. МАР

Фото Я. Аврутина

— На стрижку одного барашка опытный овцевод затрачивает, как правило, двадцать минут,— говорит заведующий овцеводческой фермой Магомед Али Магиндуров.— А аппарат для электрострижки делает это в четыре раза быстрее. Теперь нам нужно иметь побольше таких машинок...

Линия передачи ведет на ток. Нет быков, нет каменного катка, который они обычно на горных токах волочат... Гудят три молотилки. Электромолотьба здесь идет точно так же, как где-нибудь в Подмосковье.

— Четыре молотилки работают на нашей электроэнергии у соседей,— заметил Испагиев, показывая рукой на золотистые дымки, которые вились над Баглаичем, Цада и другими ближайшими аулами.

От молотилок линия завернула в колхозные мастерские, «хозяину» которых, Гатинэ Кайтмазову, в эту пору было не до разговоров. Сверлильный, токарный станки и вся техника, приводимая в движение электроэнергией, работали с полной нагрузкой: к вечеру надо было выполнить срочный заказ! Мастер извинился и порекомендовал зайти к соседу, к мельнику Даитбеку Аликбекову.

По соседству стояло пахнущее свежим деревом здание. Мельник, облаченный в белый халат и колпак, сидел в углу и читал газету. А мельница работала, выдавая ослепительно белую муку.

— Пока заполнится мешок, можно заглянуть в газетку,— сказал мельник.— А мельница у нас электрическая, а не водяная.

...Провода шли к большому двухэтажному дому. Это больница, большая, светлая, совсем городская больница. Электричество здесь нужно и рентгеновскому и зубному кабинетам, и лаборатории. В рентгеновском кабинете доктор Магомед Гаджиев осматривал больного колхозника.

— Рентген — это еще полдела,— заметил врач.— Мы намерены электричество использовать более широко. Например, Хунзаху пора уже иметь кабинет электролечения...

Далее линия привела во владения «хозяина эфира» Шарафутдина Магомедова. Он был занят монтажем крупного радиоузла. Покуда работал старенький узел на двадцать пять ватт.

— Мал стал. Не управляемся, каждый требует в дом репродуктор, а надо и соседей подключить. Но теперь энергии хватит. Поставим новый узел — и, пожалуйста, все 15 аулов вокруг Хунзаха скоро будут слушать Махач-Калу, Москву.

Провода от каждого столба тянулись влево и вправо к домам колхозников. Мы повернули за первой «домашней линией» и оказались в доме у Куры Махмудова, того самого хунзахского умельца, о котором местные люди шутят, что если дать ему мало-мальски исправный утюг, то он из него при желании патефон сделает... Семья только что пообедала и сейчас отдыхала. Кура Махмудович с сыном Абу настраивали приемник, жена Ашана Касумовна гладила, а дочка Патимат, устроившись поближе к настольной лампе, готовила уроки...

— Что еще делает электричество в Хунзахе?

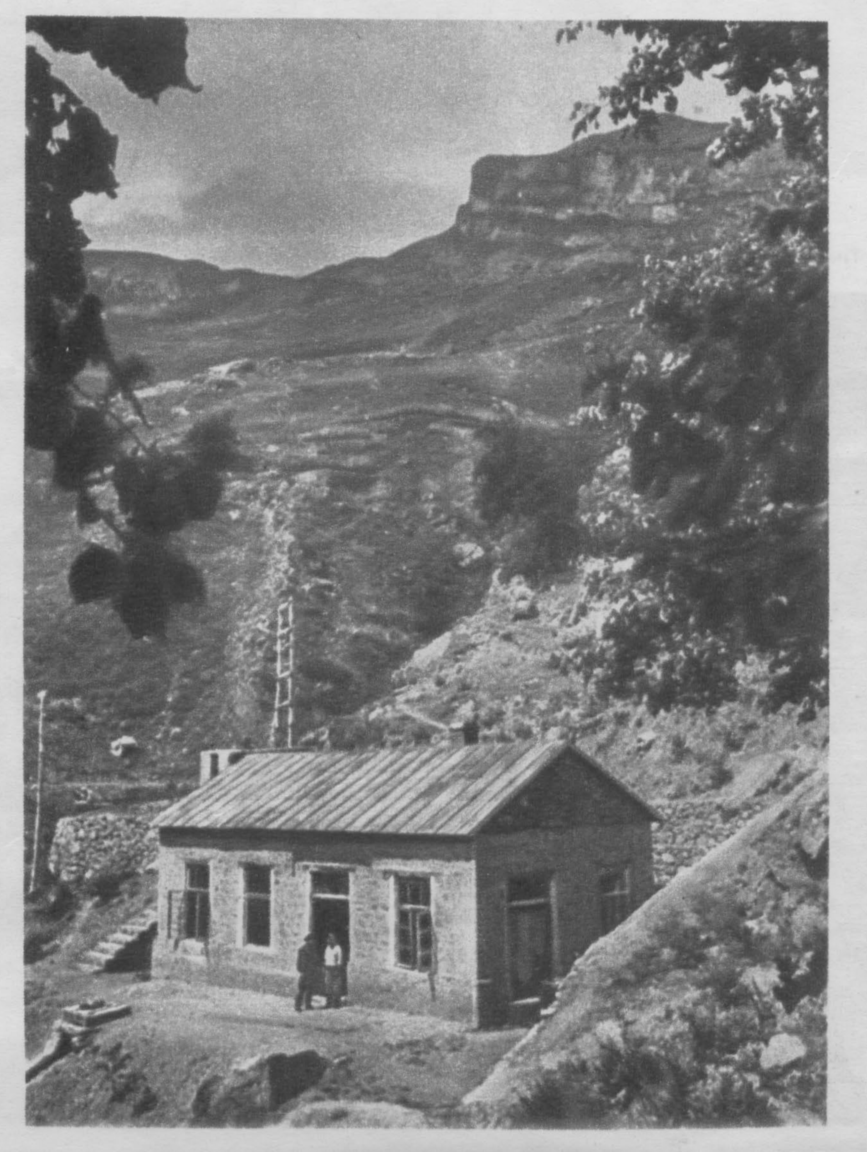
— Очень многое, — ответил Испагиев. — Освещает три школы: семилетку, десятилетку и школу животноводов,— затем кино, колхозный клуб, библиотеку. Да в бане воду греет. Но самое главное еще впереди...

Над «самым главным» сейчас весьма серьезно размышляют хунзахские энергетики. Они намерены в самом близком будущем шире использовать электричество в колхозном производстве. Нужно полностью электрифицировать стрижку овец, дойку коров, приготовление кормов для скота. Электричество должно сильнее помочь и колхозным садоводам: сейчас станция орошает всего лишь триста гектаров, а еще гектаров восемьсот лежат невозделанными. Здесь могут цвести сады. Нужна лишь вода. Ее можно гнать насосами из рек. Правда, поднимать воду на гору надо под углом в тридцать градусов. Круто-вато! Но если увеличить мощность станции, прибавить ей еще киловатт восемьдесят, то и это можно сделать.

— На днях ко мне пришел старик Юсупов. Ему больше ста лет, а он еще очень крепок. Так вот, пришел в правление и ворчит, почему рано выключаем свет, музыку не даем подольше слушать. А ведь энергии нехватает для орошения... Но ничего, это — дело времени. Через год, нет, пораньше, старик даже круглые сутки сможет слушать музыку.

Так говорил Испагиев, глядя на озаренные улицы своего родного Хунзаха.

Гидроэлектростанция колхоза имени Сталина, в селении Хунзах.

БОЛЬШОЙ путь

Рассказ старой работницы «Трехгорки» Агриппины Петровны ЖАРОВОЙ

В цехе суровых тканей «Трехгорки». На переднем плане: старшая браковщица Агриппина Петровна Жарова.

Фото А. Гостева

На трех горах у Москвы-реки стоит наша фабрика. Сто пятьдесят лет стучат здесь ткацкие станки и жужжат веретена. Сколько же за эти полтора века рабочего труда тут положено, сколько миллионов метров ситца здесь выткано?!

Мне уж скоро 63 года. Без малого сорок лет проработала я на «Трехгорке». Делю я свою жизнь на две почти равные половины. И какие же они разные — эти половины!

Тридцать лет мне было, когда свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция и мы, новые хозяева, вступили во владение жизнью.

Всем сердцем приняла я революцию. Была молодая, сильная, жадная ко всякому делу. Хотелось делать все, что на пользу революции, на пользу исстрадавшемуся рабочему люду. Время тогда стояло трудное, суровое. В восемнадцатом году выбрали меня женделегаткой, стала бытом работниц заниматься, помогала организовывать ясли, столовую.

Особенно любили мы ленинские субботники. Выйдем, бывало, целой артелью. Хоть голодные, хоть плохо одетые, а так дружно, с песней возьмемся за разгрузку ли вагонов, за очистку ли фабричного двора, что все горит в руках. Ведь для себя старались, свою жизнь улучшали, в своем доме порядок наводили!

На «Прохоровку» я в 1911 году поступила, а до этого с малых лет в Вышнем Волочке на фабрике Рябушинского, ткачихой работала. Тоже богатый и тоже лютый был хозяин. А Прохоров — так тот в год миллионные доходы получал. Во дворце из 74 комнат жил. А мы по 40—50 копеек в день зарабатывали да койку имели в прохоровской казарме с клопами и тараканами. Детишки спали на полатях и под кроватями. Много их, несчастных, в духоте и грязи от недоедания и недосмотра погибало!..

Скажи вот теперь нашей молодежи про такое, так не поверит. Сейчас-то наша красавица «Трехгорка» вся в цветах. Идешь по двору, словно по саду,— душа радуется. А при Прохорове во дворе фабрики грязь стояла непролазная, горы хлама накопились.

Старую эту проклятую жизнь тяжело вспоминать но нашей молодежи о ней рассказать полезно: пусть лишний раз подумает, каким путем добыта наша теперешняя, светлая жизнь!

Войдите-ка сейчас в цехи — светло, просторно. Строго соблюдаем мы чистоту и порядок, чтоб воздуху больше было, чтоб каждому работать удобно было, чтоб ничто рабочего не беспокоило. А прежде вентиляции и не знали, окна открывать не разрешалось, везде грязь, паутина. Люди задыхались от пыли и духоты. Охраны труда и в помине не было.

После двенадцатичасовой работы только и хватало сил, чтобы дотащиться до койки и свалиться снопом до следующей смены. В воскресенье одна радость: мужчины—в трактир, женщины — в церковь.

За годы советской власти для рабочих и санаториев и домов отдыха понастроили: при комбинате, под Москвой, в Крыму и на Кавказе. Есть профилактории. Для детишек детские сады, ясли, пионерлагери, создали свой детский санаторий в Евпатории. А Дом культуры имени Ленина, а Дворец пионеров имени Павлика Морозова! Разве все перечтешь!

Выйдешь теперь иногда погулять, посмотришь кругом на Шмидтовский проезд, на нашу Мантулинскую улицу, на многоэтажные дома, на широкие асфальтированные тротуары, залитые вечером электрическим светом,— радостно, светло на душе делается. И не хочется вспоминать про старые лачуги, что стояли здесь когда-то, а около них рядами — дощатые клетушки и сарайчики. И все мы здесь сами, своими руками изменили. Дорог мне здесь каждый кирпичик, каждая досочка. Видно, так устроен человек, что дорого ему то место, где много он своего труда положил.

Помню, в 1918 году, когда Трехгорная мануфактура перестала быть «Прохоровкой», разрушенной, разбитой, досталась она рабочим, и принялись мы ее восстанавливать собственными руками. Сами всю вымыли, машины вычистили, цехи в порядок привели. Надо бы начинать работать, да сырья нет. Позже с каких-то складов нам и сырье добыли. И вот, как сейчас помню, 16 сентября 1920 года услышала я привычный с молодости, ровный стук ткацких станков. Пошла фабрика! Трудно передать нашу радость! В тот день ходила я, словно невеста!

С того времени началась по-настоящему на нашей фабрике новая жизнь.

Стали мы тогда и старый быт ломать. Нары заменили кроватями, цементный пол досками покрыли, семейных рабочих из страшных, прохоровских казарм в реквизированные у буржуазии квартиры переселили, а там и столовую отделали и медицинский пункт организовали, и клуб открыли.

Очень хотелось мне учиться, скорей овладеть грамотой, чтобы с большей пользой идти по этой новой жизни. Стала, как и многие мои товарки, посещать школу ликбеза.

Старалась вовлекать и других наших работниц в общественные дела. Трудно с некоторыми было! Неграмотные, забитые, они не сразу понимали свою пользу. Ну, а уж как разбудишь которую, распрямится она, вроде выше ростом станет и так пойдет, что не остановишь. Любо посмотреть!

Больше стала привыкать я к общественной работе — вроде совсем осмелела, а все же испугалась, когда в 1924 году выбрали меня в фабком председателем охраны труда.

Прихожу на другой день в фабком и говорю председателю:

— Боязно мне, товарищ Шишкин, за такое дело браться. Ну, как не сумею я?!

А он успокаивает:

— Нечего, Жарова, бояться, ведь тебя свои рабочие выбрали. И суметь — сумеешь. Говори рабочим честно правду, что сможешь сделать, что не сможешь. Да старайся обязательно выполнить, что обещала.

В перерыв стали приходить ко мне люди. Первым явился монтер Курочкин: путевку в ясли для ребенка просит. Взяла я блокнот, записала все и говорю: «Выясню, есть ли сейчас места, тогда скажу, а заранее обещать не буду». Только он ушел, Волков из красильного цеха. Жалуется, плохую спецодежду дали.

И пошло!.. Кому в дом отдыха, кому пропуск в столовую, в одном цехе вентиляция не работает, в другом кипяченой воды не оказалось, в третьем в окна дует! К вечеру чувствую: прямо голова распухла. «Нет,— думаю,— это тебе, Жарова, не у станка стоять!».

Часто я стала тогда в партийный комитет заходить, советоваться. Во всем мне помогали коммунисты.

Подряд три года выбирали меня рабочие председателем охраны труда.

Выпало мне в жизни счастье большое: я Владимира Ильича Ленина видела. Слушала его, когда он на фабрику к нам приезжал. Первый раз в сквере на митинге, помню, это было. Собралось народу — сила! Говорил тогда нам Ленин о том, что на фронтах делается, как рабочие должны Красной Армии помочь, чтобы скорее белую армию разбить.

На всю жизнь остались в сердце моем слова Ленина. Говорил он о трудностях, призывал рабочих помочь фронту, напоминал, что никто, кроме нас самих, не поможет нам. Сам рабочий класс должен все преодолеть и построить новую жизнь. Много ценных мыслей и добрых чувств заронил тогда Владимир Ильич в наши души. Я слушала его — и вроде сил у меня прибавлялось. Так бы, кажется, на любое дело сейчас пошла, любую гору сдвинула.

В 1921 году снова приезжал к нам товарищ Ленин. Говорил он нам тогда о великой силе рабочих и крестьян, о том, что победили мы всех врагов на фронтах гражданской войны а теперь победим и на фронтах труда.

Так оно и вышло, по-ленински. Одерживали мы с тех пор победу за победой в нашем труде.

Когда умер товарищ Ленин, не могла я больше беспартийной оставаться, и по ленинскому призыву, как и многие тысячи рабочих, пошла я в нашу большевистскую партию.

* * *

Нелегко жилось моей семье до революции. Муж — токарь, с 1914 года, как началась первая мировая война, стал заниматься политикой. Часто дома не ночевал или придет на рассвете, поест — и на работу.

А где бывал, что делал, мне не сказывал. Спрошу иной раз:

— Где это ты по ночам бродишь?

ПРОЛОГ «ПОЭМЫ СЕВЕРНЫХ РЕК»

Ник. АСЕЕВ

1

Чтобы даром силы не рассеивать
водному могучему потоку,
говорят, что наши реки Севера
можно повернуть к юго-востоку.

Многими сказаньями да былями
слух об их богатствах перемножен,
долгими, извилистыми милями
путь их нетревожимый проложен.

О гранит гремя седыми гривами,
ничего не видя за собою,
утихают, никнут переливами
пред холодной Обскою губою.

Есть проект: чтоб силы вод
текучие,
изобилье драгоценной влаги
перекинуть на пески сыпучие,
на сухие степи и овраги;

чтобы Кара-Кумы опаленные,
где смуглеет саксаул без тени,
вырастили б сочные, зеленые
тысячи полезных нам растений;

чтоб без дорогой валютной
выписки,
соль земли разливом вод питая,
выгнать хлопок — мягче, чем
египетский,
рис — белее, чем в самом Китае;

чтоб коврами цветовыми под ноги
розы расстелила нам пустыня...
Все это режим пространства
водного
может сделать буднями простыми.

Как же это, чтоб не тундрой
Севера
в океана прорву утекая,
а в моря пшеницы, хлопка,
клевера
хлынула энергия такая!

2

Это грандиозное строительство,
чей размах лишь в мыслях охвачу,
нашему советскому правительству,
одному ему лишь по плечу.

Затевали и американцы
поворот своей реки Лаврентия,
да как стали в спорах пререкаться,
так и продолжают полстолетия.

— Реку поворачивать обратно! —
поднимались конгрессмены
лысые,—
— Беспримерно, и невероятно,
и не согласовано с традицией!

В части сохранения традиций
был их довод прост до умиления:
большинство должно на них
трудиться,
меньшинство — держать бразды
правления.

Для судостроительных компаний,
для больших компаний
электрических
был совсем ненужен, нежеланен
сброс обратный вод в таких
количествах.

Дожидайтесь, правнуки на
фермах!
Не дождаться вам воды на
пажитях...
Не лишить вам дивидендов верных,
жирно монополиями нажитых!

Только лишь в стране социализма
с новой человеческой породою,
в государстве, творчеством
пронизанном,
можно прочно овладеть
природою,

управлять землею и водою,
изменять воздушные течения,
можно старость сделать молодою,
всю в проектах, в будущем,
в свечении.

А он одно твердит:

— Так надо, только ты, Груша, никому не рассказывай!

Иногда муж и совсем уезжал из дому: скрывался от полиции.

После революции он комиссаром стал. Опять я его дома не видела. Только часто присылал он ко мне своих красногвардейцев. Одного накорми, другому переночевать негде, а то заявятся три — четыре человека и живут, сколько им надо.

В 1919 году вернулся муж домой и говорит:

— Ну, Грушенька, теперь будем вместе жить!

Да не пришлось. Заболел он и умер в 1920 году. Осталась я опять одна с семимесячной дочкой Женей.

Как умер муж, совсем я в общественную работу ушла. Девочка сначала в яслях, потом в детском саду воспитывалась. Подросла, рабфак окончила. Потом в Институт иностранных языков поступила. Хорошо училась, да война помешала: ушла она с третьего курса. Сейчас в редакции Большой советской энциклопедии работает.

Вот так и живем мы вдвоем — дружно да ласково. Во всем она мне помогает. Особенно люблю я вечера. Придет Женя с работы, обязательно что-нибудь вкусное принесет: свежие сдобные булки или шоколадные конфеты. Знает, что я люблю вечерком всласть чайку попить, и уж никогда не забудет побаловать меня.

Часто я вяжу, а она мне вслух газеты или интересные книжки читает. В кино, в театр всегда мы вместе ходим. Вот только в санаторий я каждый год езжу одна: Женя с молодежью отдыхает, а я уж — со своими со старыми подружками.

С 1924 года мы с дочкой ведем для статистического управления СССР бюджет своей семьи.

Каждый день вечером записываем все, что истратили за день, все до копеечки.

И часто Женя подшучивает надо мной:

— Опять, мама, придется записывать твои шоколадные конфеты, или дорогие духи, или цветы. Если бы товарищи из статистического управления не знали нас, подумали бы, что это я такая кокетка да лакомка!

А я думаю: «Чего ж тут особенного, что я люблю красивые да хорошие вещи? Раз мне мой рабочий бюджет позволяет это иметь, я и покупаю. Должно государство знать, что мы живем с каждым годом все лучше да лучше».

* * *

Хорошие цветные ситцы пошли с нашей фабрики. Идешь по улице и видишь: на одной женщине, на другой, на третьей из нашего товара платья надеты. И кажется, что эти платья сшиты из материала, моими руками вытканного.

Высоко поднялся наш комбинат к началу Отечественной войны. Стали мы выпускать миллионы метров разнообразного товара. Со всех концов нашей Родины получали трехгорцы письма с благодарностью за добротные ткани. Только бы жить, да цвести, да народ наш одевать все лучше и красивее, а тут эта страшная война.

Когда над Москвой загудели фашистские самолеты и первые вражеские бомбы упали у Краснопресненской заставы, многие наши рабочие и работницы пошли на фронт, на оборонительные укрепления. Не стерпела и я. Как всегда, в самые трудные дни пришла в партийный комитет.

— Позвольте,— говорю,— мне, как и другим... Хочу и я участвовать в защите нашей столицы.

Разрешили мне. Собрала я бригаду комсомольцев и отправилась с ними под Можайск рыть противотанковые рвы. Там уже много наших трехгорцев было. Мы, старые кадровики — Офицеров, Сорокина, Салтыкова и другие,— не уступали молодым.

Да и то сказать, кому ж, как не нам, старым рабочим, защищать всей силой нашу родную советскую власть?!

Пробыли мы на оборонительных работах, пока не отогнали фашистов от столицы.

В эти тяжелые годы на комбинате ни на один день не прекращалась работа. Для фронта трудились. Создавались в цехах «фронтовые бригады». Мы, старые, обучали молодежь, пришедшую тогда к станкам.

Кончилась Великая Отечественная война. Принялись мы работать с новой силой. Хотелось скорее дать народу побольше разных ситцев — пообносились все за эти трудные годы. Везде только и слышишь: то один, то другой, то третий что-нибудь новое для улучшения производства придумал. Большое это дело — социалистическое соревнование! Как оно поднимает людей!

Да, вырос наш народ! Воспитали его большевистская партия и наш родной отец товарищ Сталин. Теперь только не отставай. Вот не успел еще Александр Чуткин кликнуть клич — за отличное качество, глядишь, новое выдвинули — отлично оборудование использовать. Только успели на фабриках и заводах продумать, как применить это, а купавинские девчата Рожнева и Кононенко предложили сырье экономить. Теперь и наш подмастер из ткацкого Владимир Ворошин сказал свое слово: чтобы отлично и без брака работать, надо чистоту и порядок на производстве держать, надо уметь культурно трудиться. Словом, за высокую культуру ратует. Это надо понимать, куда шагает рабочий люд!

Большие изменения произошли на нашем комбинате. Еще задолго до войны начали наши работницы с одного на два, на три станка переходить и других за собой тянуть. Учиться, овладевать мастерством стали. А там, слышим, и восьми- и двенадцатистаночницы объявились. Наконец, всех удивила и обрадовала наша ткачиха Зина Меньшикова — на 16 станков перешла! За ней поднялись Штырова, Графова, Дубяга. Прямо не ткачихи, а профессора своего дела!

Теперь иную работницу не сразу от инженера отличишь. Растет наша молодежь, как в сказке, не по дням, а по часам. Все новые и новые идеи в труде выдвигает. И радуется, глядя на них, сердце.

Сама я давно уж от станка ушла и по выбраковке товара работаю. Если настоящим браковщиком быть,—так это значит уметь вовремя у станка брак остановить.

Я и начинаю прямо у станка. Обойду комплекты, посмотрю, кто из ткачих брак дает, остановлю станок, с подмастером посоветуюсь, налажу все — и пойдет дело без запинки. Вот взять 12-й комплект, самый худший был, сотни метров брака в месяц у каждого подмастера было. Стоило пристально последить за станками полмесяца — и снизился брак наполовину. А теперь и вовсе без брака работает весь комплект. Так во всяком деле. Как умом раскинешь, сердцем почувствуешь, так и начинает спориться дело. Главное, людей надо любить, уметь растить их. Так учит нас наша партия, товарищ Сталин.

Куда ни взглянешь, всюду у нас стройка. И такая великая сила в нашем народе живет, что никакие американские империалисты и их атомные бомбы не запугают нас. Никакие их черные помыслы не закроют яркого света нашей Родины.

Самая главная моя работа — партийная. Сейчас партгруппой в своем цехе руковожу. Группа небольшая, а дела хватает. И о производстве надо подумать, и об учебе коммунистов позаботиться, и за профсоюзным комитетом приглядеть, и что да как комсомольцы делают, поинтересоваться.

Неплохо наладили мы читки газет — хотят люди знать, что у нас в стране, что за границей делается.

Недавно в Московский комитет партии меня вызывали. О работе своей партгруппы я там рассказывала.

Кроме партийной работы у меня и другие обязанности есть. Выбрали меня в этом году народным заседателем. Дело очень важное. Еще я старый рабкор своей газеты «Знамя «Трехгорки». Иногда придут из редакции, напомнят: «Что же это тебя, Жарова, давненько в газете не видно?». Ну и напишешь заметку о производстве, о партийных делах.

Сколько у нас еще нужных и интересных дел! И всюду поспеть хочется. «Мне ведь только 63 года — не так уж много»,— думаю.— Сумею еще послужить своей Родине».

Оглянусь я иногда назад—за плечами большая дороженька пройдена. Погляжу вперед— еще шире, далеко она расстилается.

Литературная запись **Е. Лаговской**

Одна из старейших ватерщиц Московского комбината трехгорной мануфактуры имени Дзержинского, ныне инструктор ватерного цеха, А. А. Ильичева.

Фото А. Гостева

Помощник мастера ткацкого цеха «Трехгорки», инициатор соревнования за высокую культуру производства, Владимир Ворошин.

Фото Евгении Игнатович

Юбилейные торжества на Украине и в Белоруссии

29 октября в Киеве, в Академическом ордена Ленина театре оперы и балета имени Т. Г. Шевченко, состоялась юбилейная сессия Верховного Совета УССР, посвященная десятилетию воссоединения украинского народа в едином Украинском советском государстве.

Со всех концов республики на сессию съехались депутаты и многочисленные гости. Они привезли рапорты о трудовых победах. Среди гостей — горняки Донбасса, металлурги Приднепровья, нефтяники Борислава, машиностроители Харькова, Одессы, Львова, лесорубы Закарпатья, виднейшие деятели украинской науки и культуры.

В почетный президиум юбилейной сессии под бурную, долго не смолкающую овацию избирается Политбюро ЦК ВКП(б), а почетным председателем — великий вождь советского народа товарищ Сталин.

С докладом о десятилетии воссоединения украинского народа в едином Украинском советском государстве выступил секретарь ЦК КП(б) Украины тов. Н. С. Хрущев, тепло встреченный участниками сессии.

С исключительным подъемом и воодушевлением участники сессии приняли приветствие Иосифу Виссарионовичу Сталину.

Заседание Верховного Совета Украинской ССР вылилось в яркую демонстрацию сплоченности украинского народа вокруг большевистской партии, его беззаветной преданности великому Сталину.

Утром 30 октября на празднично украшенном Крещатике состоялись парад войск Киевского гарнизона и демонстрация трудящихся Киева.

Демонстранты несли художественные панно, отображающие этапы из истории Украины, роль В. И. Ленина и И. В. Сталина в создании Украинского советского государства; на транспарантах цифры, говорящие о великих преобразованиях, происшедших на землях Украины.

Вечером проходили народные гулянья, состоялся большой праздник песни и танца. В Киеве был дан праздничный артиллерийский салют. Многотысячные демонстрации и народные гулянья состоялись также во Львове, Ужгороде и других городах Украины.

* * *

29 октября в Минске состоялась юбилейная сессия Верховного Совета республики. В театре оперы и балета собрались депутаты Верховного Совета БССР, депутаты Верховного Совета СССР, многочисленные гости — посланцы трудящихся всех областей республики.

Председатель Верховного Совета БССР депутат И. А. Бельский объявляет шестую юбилейную сессию Верховного Совета Белорусской ССР открытой. Торжественно звучит Гимн Советского Союза.

Предложение об избрании в почетный президиум юбилейной сессии Политбюро ЦК ВКП(б) и почетным председателем сессии — гениального вождя трудящихся, лучшего друга белорусского народа Иосифа Виссарионовича Сталина единодушно принимается под возгласы: «Да здравствует товарищ Сталин!», «Да здравствует сталинская дружба народов СССР!».

С докладом о десятой годовщине воссоединения белорусского народа в едином Белорусском советском государстве выступил председатель Совета министров БССР тов. А. Е. Клещев.

Участники сессии с огромным воодушевлением приняли приветствие товарищу Сталину.

30 октября в Минске состоялся большой митинг, в котором приняли участие свыше 50 тысяч человек.

Секретарь ЦК КП(б)Б тов. Гусаров от имени белорусского правительства и Центрального комитета партии большевиков Белоруссии поздравил собравшихся с праздником белорусского народа. В краткой речи тов. Гусаров обрисовал славный путь, пройденный белорусским народом в великой семье народов СССР за истекшие десять лет.

Десятилетие воссоединения белорусского народа в едином Белорусском советском государстве было торжественно отмечено во всех городах и селах Белоруссии. Повсеместно прошли торжественные собрания, митинги, народные гулянья.

* * *

Празднование славного десятилетия вылилось в новую волнующую демонстрацию преданности украинского и белорусского народов делу Ленина — Сталина.

30 октября на Галицкой площади в Киеве состоялась торжественная закладка монумента в честь воссоединения украинского народа в едином Украинском советском государстве. На снимке: каменная плита, установленная на месте, где будет сооружен монумент.

Фото М. Мельника и М. Неменмана (ТАСС)

Юбилейная сессия Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина в Колонном зале Дома союзов. В президиуме (слева направо): маршал Советского Союза С. М. Буденный, министр сельского хозяйства СССР И. А. Бенедиктов, Т. Д. Лысенко — президент Академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина, вице-президент Академии В. П. Мосолов, президент Академии наук СССР С. И. Вавилов.

Фото А. Гостева

Праздник советской науки

28 и 29 октября в Москве происходила юбилейная сессия Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина, посвященная двадцатилетию со дня ее основания.

Лучшие люди советской науки пришли в Колонный зал Дома союзов поздравить юбиляра. В своих приветствиях они единодушно отмечали тесную связь академии с широкими массами агрономов, колхозников и работников совхозов. Наглядным подтверждением этого замечательного качества штаба передовой советской агробиологической науки служил состав участников сессии. Кроме академиков, докторов биологических и сельскохозяйственных наук, директоров научно-исследовательских институтов и опытных станций в зале присутствуют агрономы и зоотехники, работники совхозов и колхозники — мастера высоких урожаев, передовики животноводства. У многих на груди Золотая звезда Героя Социалистического Труда.

На трибуне президент Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук академик Т. Д. Лысенко.

— Партия и правительство, — говорит т. Лысенко, — бережно относятся к передовой науке, поддерживают ростки нового, прогрессивного, создают все условия для развития всего, что идет на пользу народа, на укрепление мощи нашей социалистической державы, на все более быстрое продвижение нашего общества к коммунизму.

За двадцать лет академия прошла большой и славный путь. Созданная в 1929 году, в начале массового колхозного движения, она положила в основу всей своей деятельности борьбу за рост и процветание социалистического земледелия и животноводства, за повышение продуктивности нашего сельского хозяйства. В борьбе с вейсманистами-морганистами рос и укреплялся авторитет академии, закалялись ряды ее новаторов-мичуринцев, подлинных ученых-материалистов. В прошлом году сессия академии завершила разгром реакционного течения в биологической науке и тем самым расчистила дорогу для торжества передового мичуринского учения.

Говоря о задачах сельскохозяйственной науки, Т. Д. Лысенко указывает, что главное внимание ученых сейчас должно быть направлено на оказание наибольшей помощи работникам сельского хозяйства в досрочном осуществлении великого плана преобразования природы и всемерном развитии общественного животноводства.

Юбиляра приветствовали министр сельского хозяйства СССР И. А. Бенедиктов, главный агроном Ново-Анненского районного отдела сельского хозяйства Сталинградской области П. Н. Сергеев, президент Академии наук СССР С. И. Вавилов, министр совхозов СССР Н. А. Скворцов и другие. С речами выступали также колхозники, агрономы, ветеринары, работники МТС и ученые.

Под бурные аплодисменты было принято приветственное письмо товарищу Сталину.

Чехословацкие металлурги на советских заводах

В октябре Советский Союз посетила делегация металлургов Чехословакии. В беседе с корреспондентом «Огонька» руководитель делегации г-н Ярослав Ичинский рассказал:

— Мы пробыли в Советском Союзе 26 дней. Цель нашего приезда: изучить и перенести опыт советской металлургии на предприятия Чехословакии. Мы побывали на двух крупных металлургических заводах — Запорожском и Магнитогорском.

Наибольшее впечатление произвели на нас темпы восстановления огромного металлургического завода «Запорожсталь» и города Запорожье. Мы видели завод на полном ходу, а город возрожденным. Этими темпами нельзя не восхищаться.

С интересом знакомились мы с новой технологией, которая применяется на заводах в Советском Союзе. В частности, хочется отметить метод электрической сварки кожуха домны и монтаж ее крупными блоками. Нам понравилась тщательная подготовка стройки, исключающая задержки. Понравилось и то, что советские инженеры и рабочие постоянно стремятся усовершенствовать оборудование, вносить различные новшества, чем они повышают производительность оборудования.

— Магнитогорский комбинат, — отметил г-н Ичинский, — самый красивый из всех существующих в Европе. Мне приходилось бывать на крупнейших металлургических заводах мира, но Магнитогорский произвел на меня особое впечатление.

Мы были приятно удивлены тем, что на заводах на весьма важных постах работают женщины. Они хорошо справляются со своими обязанностями.

Нас поразил размах жилищного строительства в Запорожье и в Магнитогорске.

Господин Ичинский подчеркнул, что делегация чехословацких металлургов везде встречала товарищеский, радушный прием.

— Опыт крупнейших металлургических заводов Советского Союза, — закончил беседу г-н Ичинский, — явится ценным вкладом в арсенал научно-технических и политических знаний, которые требуются для строительства новой Чехословакии. Мы благодарны работникам советской металлургии за то, что они предоставили нам возможность посетить их лучшие заводы и так много узнать. Мы спешим домой, чтобы скорее применить у себя богатейший опыт советских металлургов.

Торжественное заседание, посвященное 125-летию Государственного Академического Малого театра. Собравшиеся на чествование юбиляра горячо приветствовали труппу Малого театра, представшую на сцене в полном составе. На снимке (сидят в первом ряду, слева направо): Е. Н. Гоголева, М. И. Царев, В. Н. Пашенная, Н. К. Яковлев, Е. Д. Турчанинова, Л. Е. Шаповалов, А. А. Яблочкина, К. А. Зубов, В. Н. Рыжова, А. А. Остужев, Д. В. Зеркалова и Н. А. Анненков.

Служить народу и Родине

— Подлинно народный характер, который приняло празднование юбилея, волна приветствий, высокие правительственные награды — все это является признанием того, что мы осуществили великую мечту основоположников Малого театра о его народности, выполнили завет наших корифеев — «Служить своему народу, своей Родине».

Так начала свое выступление на торжественном вечере в Малом театре народная артистка СССР А. А. Яблочкина. Эти слова можно предпослать и отчету о юбилейных торжествах, посвященных 125-летию Государственного ордена Ленина Академического Малого театра.

Вся страна широко отметила эту славную дату. На Кировском заводе в Ленинграде, в Доме офицеров Минска, в концертном зале театра «Эстония», на Костромском льнокомбинате имени Ленина, на заводах Урала, в колхозах Поволжья — всюду проходили собрания, беседы о творческом пути старейшего национального русского народного передового театра.

17 октября началась юбилейная декада.

На сцене Малого театра и его филиала были показаны лучшие постановки.

Бесчисленное количество телеграмм, писем, подарков стекалось со всех концов страны в этот знакомый не только москвичам «Дом Островского» — «Дом Щепкина».

25 октября стали съезжаться делегации, чтобы передать поздравления любимому театру и его прославленным мастерам.

В этот день в 12 часов в фойе театра собралась вся труппа во главе со старейшими артистами: Яблочкиной, Остужевым, Яковлевым, Рыжовой, Турчаниновой, Пашенной...

Одна за другой прибывают делегации Украины, Армении, Латвии...

Представители челябинских заводов преподносят театру адрес, искусно оформленный граверами по металлу, и художественное литье; учащиеся трудовых резервов прислали в дар вазу своей работы; ковер с вытканными портретами Щепкина и Островского и национальные костюмы привезла делегация Казахстана.

Среди подарков обращает на себя внимание лавровый венок. В 1882 году он был преподнесен Г. Н. Федотовой в день ее юбилея, в 1920 году Федотова передала его М. Н. Ермоловой в связи с 50-летием ее сценической деятельности. Венок хранился у дочери Ермоловой, которая передала его теперь Малому театру.

Два дня продолжался прием делегаций.

27 октября, в день юбилея, газеты принесли весть о награждении артистов и работников театра орденами и медалями, о присвоении высоких званий большой группе его деятелей.

В 12 часов в зрительном зале начинается митинг. Директор театра Л. Е. Шаповалов зачитывает Указы правительства о награждении артистов и присвоении им почетных званий. В горячих, взволнованных речах участники митинга благодарят партию, правительство и лично товарища Сталина за высокую оценку их искусства.

Вечером в Малом театре открылось торжественное заседание.

Алым бархатом задрапирована сцена. В глубине — украшенные живыми цветами бюст В. И. Ленина и портрет товарища И. В. Сталина.

На сцене вся труппа Малого театра.

Стоя приветствуют собравшиеся прославленных деятелей искусства.

Торжественное заседание открывает председатель Комитета по делам искусств при Совете министров СССР П. Лебедев. Секретарь МГК ВКП(б) Н. Данилов зачитывает приветствие Моссовета и Московского городского комитета партии. С докладом о творческом пути Малого театра выступает его главный режиссер К. Зубов.

Юбиляров приветствовали: от работников искусств Москвы — главный режиссер МХАТ М. Кедров, от Академии наук СССР — академик Б. Греков, от театров братских союзных республик — народный артист СССР М. Крушельницкий, от Вооруженных Сил СССР — Герой Советского Союза генерал-лейтенант С. Переверткин, от ЦК ВЛКСМ — З. Федорова, от Московского университета — проректор университета Г. Вовченко, от завода «Серп и молот» — старший мастер мартеновского цеха Н. Чесноков, от Союза советских писателей — писатель Л. Леонов.

С ответным словом выступила старейшая актриса театра А. А. Яблочкина.

С огромным воодушевлением было принято приветствие коллектива Малого театра товарищу И. В. Сталину.

В заключение состоялся большой концерт при участии лучших артистических сил.

Торпедовцы завоевали Кубок СССР

Итак, торпедовцы добились выдающегося успеха — победы в финальном матче на Кубок СССР. Они по праву завоевали почетный спортивный трофей. Этот захватывающий матч имеет большую и интересную предисторию.

Прежде чем две команды — «Динамо» (Москва) — «Торпедо» (Москва), — прошедшие без поражения трудный путь до финала, начали 4 ноября последний, решающий матч на Кубок СССР, в самых различных уголках Советского Союза 8500 футбольных команд испытали свои силы в борьбе за почетный приз.

Еще никогда всесоюзное соревнование не получало такого исключительного, поистине массового размаха. И как всегда бывает, когда к соревнованиям привлекается большое число участников, сразу же выдвинулось не только много отдельных способных игроков, но и целый ряд отличных футбольных коллективов.

Никому до сих пор не известные команды, встретившись с прославленными командами мастеров, участниками всесоюзного первенства, добивались почетных побед.

В борьбе за Кубок СССР динамовцы Ростова выиграли матч у динамовцев Ленинграда, получив право на игру в $\frac{1}{8}$ финала. Орехово-Зуевская команда «Красное знамя» обыграла футболистов ВВС, Ленинградская команда Дома офицеров выиграла у «Локомотива» (Москва), а херсонские спартаковцы, добившись победы у динамовцев Минска, оказались среди тех восьми команд, которые без единого поражения подошли к решающей стадии соревнования.

Нельзя считать случайным, что в полуфиналы вышли именно те команды, которые заняли в первенстве страны первые четыре места.

Полуфинальную игру, проведенную между московскими динамовцами и спартаковцами, запомнят любители спорта. Встреча эта закончилась, как известно, после дополнительного времени, вничью со счетом 2:2, и только на следующий день динамовцам удалось с огромным трудом вырвать победу и получить право на игру в финале.

Второй полуфинальный матч между командами ЦДКА и московским «Торпедо» принес заслуженный успех отличной команде автозаводцев. Играя исключительно дружно и слаженно, автозаводцы с большим подъемом провели эту ответственную игру и добились победы со счетом 2:1.

Вот какая исключительно широкая по своему охвату и яркая по напряжению борьба предшествовала дню 4 ноября, когда перед переполненными трибунами центрального стадиона страны «Динамо» появились участники финального розыгрыша Кубка СССР.

Этот матч по праву войдет в историю советского футбола как один из интереснейших по высокому мастерству, по самоотверженным усилиям всех участников.

Когда четкая комбинация динамовцев В. Савдунина и В. Ильина завершилась голом, торпедовцы не растерялись и ответили дружным и непрерывным натиском, в результате чего А. Пономарев и В. Нечаев вбили гол, и матч как бы начался сначала: ведь в розыгрыше Кубка ничья во внимание не принимается и игра ведется до победы. И вот в этот момент торпедовцы продемонстрировали такую всесокрушающую волю к победе, что знаменитая динамовская защита была смята.

Весь второй тайм прошел в непрерывных атаках автозаводцев. Судьба Кубка была решена в последние девять минут, когда один из многочисленных прорывов торпедовских нападающих завершился неотразимым по точности ударом В. Пономарева. Громом аплодисментов ответил стадион на удачу команды автозаводцев.

Так, впервые в истории розыгрыша Кубка СССР, он был завоеван командой московского «Торпедо». По окончании игры заместитель председателя Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта Н. Н. Романов вручил хрустальный кубок представителю автозаводцев, капитану команды А. Пономареву.

Победа торпедовцев — отличный подарок их товарищам по Автозаводу имени Сталина, празднующему в эти дни свое славное двадцатипятилетие.

Московские торпедовцы, завоевавшие Кубок СССР. Справа налево: старший тренер команды К. Квашнин, А. Пономарев, В. Лексовский, Г. Дуганов, Ю. Чайко, А. Сочнев, В. Нечаев, Н. Ефимов, В. Пономарев, П. Соломатин, М. Бычков, А. Гомес.

Фото А. Бочинина

ПЕКИН — столица Китая

Н. ПРОЦЕНКО

К Пекину обращены сегодня взоры всего мира.

В этом древнем городе председатель ЦК коммунистической партии Китая Мао Цзе-дун на грандиозном митинге трудящихся провозгласил образование Китайской народной республики и создание первого в многовековой истории страны Народного правительства. Под артиллерийский салют над Пекином был поднят новый национальный, красный с пятью золотыми звездами флаг — символ великого единства китайского народа. День 1 октября не только в Пекине, но и во всех уголках страны превратился в праздник торжества народа.

Уже с раннего утра в Пекине царило праздничное оживление, хотя провозглашение Народной республики было назначено на три часа дня. Из предместий и окрестностей к центру стекался трудовой люд — рабочие, крестьяне, студенты, служащие. Шли колоннами, веселыми, оживленными группами, шли в одиночку. Казалось, что площадь перед бывшим императорским дворцом колышется, как море с красными волнами,— это впечатление создавали десятки тысяч алых флагов, реявших над огромной массой людей.

Вот загремела буря аплодисментов и возгласы: «Вансуй!» («Ура!», «Да здравствует!»). На трибуну поднялся избранный председателем Народного правительства Мао Цзе-дун, чтобы зачитать декларацию правительства. Народ встретил декларацию бурным ликованием.

Начался парад воинских частей. Народно-освободительная армия, одержавшая блестящую победу в битвах за народное дело, демонстрировала в этот день рождения республики свою мощь. Шеренга за шеренгой шла овеянная боевой славой пехота. Шагали моряки, которым еще предстоит создать морское могущество Народной республики. Шли артиллерийские и танковые части, громившие противника на полях Маньчжурии, под Сюйчжоу и Шанхаем. Мчалась конница, разбившая в степях Внутренней Монголии гоминдановские полчища Ма Бу-фана. В воздухе рокотали первые самолеты зарождающейся авиации.

До глубокой ночи было шумно и весело на улицах города, заполненных колоннами демонстрантов, расцвеченными знаменами, портретами народных вождей, факелами, китайскими фонариками. Это было яркое, красочное зрелище. Высоко в небе мириадами разноцветных звезд рассыпались ракеты. Всюду раздавались радостные возгласы: «Да здравствует Народная республика! Да здравствует Народное правительство! Да здравствует Мао Цзе-дун!».

* * *

Древний Пекин вместе со всей страной открывает новую страницу своей истории. До наших дней город сохранил в своем облике следы различных эпох культуры Китая и других народов, неоднократно завоевывавших Китай. Подымитесь на возвышающийся в центре города холм у ворот Бэйшань — и перед вами развернется вся панорама Пекина. Прямо — вид на «запретный город», с его желто-зелеными черепичными крышами бывших императорских дворцов, с крепкими, высотою в 15 метров, стенами и широким рвом, наполненным водой и обрамленным каменными плитами. Угрюмо глядит эта бывшая твердыня всемогущих некогда феодальных властелинов Китая.

Пекинские дворцы отличались когда-то богатством и тонкостью архитектурной отделки. За годы внутренних милитаристских войн и в период японской оккупации они были разграблены. Но и теперь эти дворцы являются памятниками высокой культуры китайского народа. В частности, поражает своим совершенством тонкая резьба по мрамору и дереву.

К югу виден утопающий в зелени деревьев так называемый «посольский квартал» — символ недавнего господства империалистов в Ки-

тае. Квартал также обнесен стеной, отгораживавшей его от остальной части города. Эта территория, по существу, не принадлежала Китаю — она была экстерриториальной зоной. История «посольского квартала» невольно связывается с боксерским восстанием, когда чаша терпения народа переполнилась и его гнев обрушился на империалистических угнетателей.

Вправо от «запретного города» тянутся парки и пруды с романтическими названиями «Бэйхай», «Чжунхай», «Няньхай» (Северное, Среднее, Южное море). Парки очень оживляют городской пейзаж. Весь этот большой зеленый массив был во владении придворной знати.

Основная часть города представляет собою густое переплетение улиц, переулков и хутунов (тупиков или очень узких проходов). Особенностью планировки Пекина является то, что все улицы и переулки идут либо с севера на юг либо с запада на восток, пересекаясь под прямым углом. Поэтому если в Пекине объясняют, как и куда пройти, не говорят: «Направо» или «Налево»,— а советуют: «Пойдите на север, сверните на восток, потом снова на север» и т. д.

Северная часть города обнесена высокой стеной в виде правильного квадрата и именуется внутренним городом. Кварталы здесь образуются глухими каменно-глинобитными стенами с узкими калитками и напоминают по облику города Центральной Азии. Когда-то здесь жили воины императорской гвардии.

Внешний город, в виде прямоугольника, также обнесенного стенами, примыкает к внутреннему городу с юга. Тут вид улиц иной: нет бесконечных глухих стен, даже в переулках дома, магазины и лавки с драконами на вывесках обращены дверьми к улице.

Над внешним городом возвышается голубой купол, покрытый лазоревой, искрящейся на солнце черепицей. Это «Храм неба».

Много дворцов и храмов имеется и в окрестностях Пекина. Они отображают длительный и сложный процесс развития китайской национальной архитектуры и поэтому представляют огромную историческую ценность.

Сегодня китайский народ вступил на путь строительства культуры, национальной по форме, научной по содержанию и народной по своему характеру. На базе наследия многих веков китайский народ, отбросив все устарелое и ненужное и взяв все ценное, создаст такую культуру, которая будет достоянием не кучки «избранных», а всего народа.

Китайцы дали человечеству такие великие изобретения, как компас и порох. В Китае значительно раньше, чем в Европе, были открыты способ изготовления бумаги и книгопечатание, что обусловливалось значительно бо́льшим, чем в других странах того времени, распространением здесь грамотности. Печатание книг производилось с матриц; это достижение полиграфической техники появилось в Европе лишь в новейшие времена.

Гравюра художника Гу Юань.

Пекин является также родиной первой в мире печатной газеты «Ведомости», в которой публиковались указы и другие официальные документы.

Под властью императоров и иноземных владык, неоднократно покорявших Китай, под гнетом полуколониальной зависимости, отягощенная феодальными порядками, китайская культура постепенно пришла в упадок. Но сегодня Китай стал одной из передовых стран по своему политическому строю, и это дает ему возможность снова возродить величие своей национальной культуры, одним из памятников которой является Пекин.

Китайский народ, руководимый славной коммунистической партией, очистив себе путь для свободного национального развития, поведет страну к быстрому экономическому и культурному росту. Географическое положение Пекина, размещение природных богатств в стране сулят ему будущее крупнейшего промышленного центра.

Пекин на протяжении десятилетий являлся центром революционного движения на севере Китая. Он колыбель антиимпериалистического движения 1919 года. Во время забастовки железнодорожников в феврале 1923 года Пекин также был одним из центров антиимпериалистических выступлений рабочего класса Китая. В Пекине было поднято в 1935 году знамя борьбы против японской агрессии. Революционные традиции Пекин сохранил на все годы национально-освободительного движения.

* * *

С момента образования Народного правительства Пекин стал политическим центром Китая. Всенародный подъем, который переживает вся страна, особенно заметен в Пекине. В городе происходят съезды, конференции, совещания. На улицах можно видеть людей со всех концов страны: шанхайцев с их мало понятным для северян диалектом, южан с мягким говором, маньчжурцев с гортанным, резким произношением, посланцев далекого северо-запада в остроконечных меховых треухах. Все они приехали решать вопросы государственного строительства нового, народного Китая. Особое оживление наблюдалось в дни работы Народной политической консультативной конференции. Вскоре в Пекине состоится Международная конференция профсоюзов стран Азии, делегаты которой уже начинают прибывать в новую столицу демократического Китая. Пекин приобретает значение центра рабочего движения на Востоке.

Гравюра художника Гу Юань.

На каждом шагу чувствуются глубокие перемены в сознании населения великого города. В городское управление ежедневно приходят сотни людей со всякими вопросами, предложениями, советами. Жители Пекина с рвением принимают активное участие в жизни столицы и страны в целом.

Еще в годы антияпонской войны рабочие уносили с заводов инструменты, части машин и даже целые станки, прятали их по частям, сохраняли до того момента, когда они понадобятся народной власти. Один из лучших паровозов, работающих теперь на Пекин-Тяньцзинской железной дороге, более 10 лет пролежал зарытым в землю.

Десятки и сотни машин исчезли таким образом с предприятий. Многие машины были спасены рабочими, когда к Пекину подходила Народно-освободительная армия, а гоминдановские власти жгли и разрушали все, что только успевали.

Рабочие проявляют огромную творческую инициативу и энергию, содействуя быстрому восстановлению народного хозяйства. Они говорят: «Наше правительство, наши заводы, наша страна — мы должны помогать ей!»

Когда в Пекин вступила Народно-освободительная армия, железнодорожная водокачка оказалась без электроэнергии, остановились насосы и нельзя было снабжать паровозы водой. Но уже через несколько часов водокачка заработала и железнодорожный узел был в полной готовности к услугам командования Народной армии.

Рабочие понимают, что они могут гораздо больше дать своей стране, своему народному правительству, если они повысят свои знания. На железной дороге, на фабриках и заводах открыто множество разных вечерних школ: общеобразовательных, политических и технических. Рабочие с энтузиазмом овладевают знаниями. Среди учащихся школ имеются люди 50- и 60-летнего возраста, но они не отстают и с энтузиазмом изучают то, что им недоступно было прежде. Везде чувствуется подъем среди рабочих нового, народного Китая. Часто можно услышать, как молодежь поет задорные, революционные песни на фабриках и заводах, там, где прежде вы встречали только угрюмые, усталые лица рабочих.

Широко развивается среди рабочих изобретательство и рационализаторское движение. Монтер Шень Вэй, которому теперь 51 год, все свое свободное время посвящает рационализаторской работе. «Большое удовлетворение получаешь, изобретая новое,— говорит он.— В дни гоминдановского владычества у меня было много всяких технических замыслов, но я хранил их при себе».

Этот трудовой энтузиазм рабочих начинает находить все более широкое отражение в искусстве, в литературе, в живописи и кино. Летом этого года в Пекине пользовался огромным успехом новый кинофильм «Мост». Он шел одновременно в пяти кинотеатрах Пекина. Отступая под натиском Народно-освободительной армии, гоминдановские войска взорвали большой железнодорожный мост в Маньчжурии. Рабочие, преодолевая огромные трудности, восстановили мост в значительно более короткий срок, чем считали это возможным инженеры. Этой теме и посвящен кинофильм. Выходя из кинотеатра, пекинские железнодорожники говорили: «Это картина о нас, рабочих. Мы такие же, как те, которые показаны в фильме».

Везде — в кинокартинах, в литературных произведениях, в живописи, в театральных постановках — главными персонажами становятся рядовые люди, трудящиеся — рабочие, крестьяне, солдаты, командиры. Китайское искусство тоже переживает революцию. Сохраняя свои национальные черты, искусство становится общенародным, близким сердцу простого человека.

Ряды работников искусства пополняются людьми из среды трудящихся. В июле в Пекине происходила конференция работников искусства. В зале конференции можно было увидеть известного китайского артиста старой классической школы Мей Лань-фана, балетного артиста Дай Ай-яня, известную киноактрису Бай Ян, художника старой китайской школы Цзи Бай-ши. И тут же работники театральных агитбригад, бойцы Народно-освободительной армии, рабочие, народные учителя. Среди экспонатов выставки произведений искусства многие работы — творения бойцов Народной армии и рабочих. Конференция проходила под лозунгом сближения работников искусства с народом.

Музеи, парки, бывшие императорские дворцы и старые храмы приобрели новое значение. Раньше население относилось ко всему этому, как к чужому, и лишь редких посетителей можно было встретить в этих местах. Теперь и музеи, и парки, и залы дворцов заполняют многочисленные экскурсанты.

В Пекине создано Общество китайско-советской дружбы, которое объединяет все образовавшиеся в больших и малых городах, на фабриках и заводах, в школах и университетах общества китайско-советской дружбы. Китайский народ желает учиться у советских людей построению нового общественного строя, нового экономического уклада, новой культуры, учиться борьбе за мир и счастье человечества.

Под властью императоров в течение нескольких веков строилась великая китайская стена, очертания которой и теперь видны в ясную погоду с городских стен Пекина. Феодалы Китая хотели оградить страну от вторжения внешних захватчиков, но стена не спасла Китай от порабощения. Под руководством славной коммунистической партии китайский народ разрушил теперь стену отсталости, за которой держали Китай империалистические хищники и их гоминдановские прислужники.

Новый, народный Китай создает фундамент единства всей нации в борьбе против внешней империалистической агрессии, против власти помещиков и феодалов, против гоминдановской клики. Китайский народ устремляется к светлому и радостному будущему.

КВИСЛИНГИ ИЗ БОННА

Ю. КОРОЛЬКОВ

Рисунки Бор. Ефимова

Разные канцлеры были в Германии. Они получали в народе различные клички — в зависимости от присущих им склонностей и черт характера. Бисмарка звали железным или бешеным канцлером, Бюлова — скользким угрем, Гитлера — бесноватым. Но еще не бывало в истории Германии «канцлера», которому молва присвоила бы кличку лакея-предателя. Эти слова всюду сопутствуют Конраду Аденауэру, который волей американских тузов оказался недавно на посту «канцлера» так называемого западногерманского лоскутного «государства».

Режиссерам боннского фарса трудно было бы найти лучшую кандидатуру для этой роли. Действительно, за долгую и верную службу иностранным хозяевам Конрад Аденауэр доказал, на что он способен. С вступлением американских войск в Кельн его немедленно назначили обербургомистром города. На этом посту доктор продержался недолго, но все же успел тайком устроить продажу участка городской территории Форду для строительства автомобильного завода.

Конрад Аденауэр не впервые торгует немецкой землей. Еще тридцать лет тому назад, летом 1919 года, здесь же, в Кельне, Аденауэр, связанный тогда с французскими кругами, требовал с трибуны парламента отделения Рейнской области от Германии и превращения ее во французского сателлита. Тогда он без обиняков заявил одному французскому военному: «Мы согласны отделиться от Пруссии. Я обещаю вам мое полное сотрудничество».

Уже в те времена иностранные круги выдвигали кандидатуру Аденауэра на пост президента «рейнского государства». Слуга многих иностранных господ, Аденауэр остался до конца своей жизни верен этой своей профессии. После войны он снова пытался заигрывать с французами, путался с промышленниками Люксембурга, в Бремене торговался с американским консулом о продаже акций немецких сталелитейных заводов иностранным фирмам.

Он продавался поочередно всем, кто только мог заинтересоваться его персоной. Итальянским фашистам он посылал в свое время телеграмму: «Имя Муссолини будет вписано золотыми буквами в историю католической церкви». Но Муссолини повесили вверх ногами итальянские партизаны, и Аденауэр занялся поиском новых хозяев.

Немецкий народ в Западной Германии стонет под двойным гнетом — своих и иностранных монополистов. Он справедливо хочет заключения мирного договора и вывода оккупационных войск. А Конрад Аденауэр в интервью с американским репортером, стараясь выслужиться, заявляет: «Оккупация Германии чрезвычайно необходима в течение длительного периода. Германия неспособна сама управлять своей судьбой».

Руководитель компартии Западной Германии Макс Рейман заявил, что немецкий народ не потерпит квислингов, всегда будет относиться к ним с презрением. В число этих предателей следует безусловно поставить и Аденауэра.

Не менее колоритна и фигура «президента» боннского марионеточного «парламента» Теодора Хейса. Во время войны он был известен в кругах германских промышленников под именем Томаса Брокхейма — автора профашистских статей в газете «Франкфуртер Рундшау», которая являлась рупором промышленных магнатов Германии. Томас Брокхейм, он же Хейс, был известен также как восторженный биограф крупнейших немецких промышленников, финансистов и самого Гитлера.

Хейс, будучи депутатом рейхстага, голосовал за предоставление Гитлеру чрезвычайных и неограниченных полномочий. Он никогда не порывал с фашизмом, активно участвовал в идеологической подготовке гитлеровской агрессии, а когда пришли американцы, очень быстро переметнулся к ним.

В припадке откровенности совсем недавно сам Хейс выболтал некоторые, весьма нелестные детали своей послевоенной биографии. По словам Хейса, его в 1945 году обнаружил (скорее, подобрал!) один американский майор по фамилии Рисс. С тех пор Теодор Хейс, пробивавшийся ранее подачками, которые он получал от рурских магнатов за составление цветистых биографий, перешел на американское довольствие. Этот «независимый президент» на том же собрании с гордостью заявил, что до сих пор американский майор Рисс говорит о нем: «Хейс — это мое детище!» Хейс стал верноподданным империи доллара и, не стесняясь, говорит во всеуслышанье: «Я всегда бываю рад, когда американские офицеры присылают мне приветы из Соединенных Штатов...»

Таким образом, «президент» лоскутного «государства» ни в чем не уступает «канцлеру». Недаром мюнхенская газета «Зюддейче цейтунг», восхваляя добродетели Хейса, писала: «Хейс является воплощением той Германии, которая соответствует идеям не только большинства европейцев, но и в первую очередь американцев».

Американские финансовые тузы, формируя «правительство» в Бизонии, весьма ревностно заботились о сохранении своих интересов. На пост заместителя «полуканцлера» они поставили Франца Блюхера, которому одновременно поручили быть министром по выполнению «плана Маршалла». Говоря о Блюхере, Макс Рейман дал ему уничтожающую характеристику: «Кто знаком с Блюхером по работе в экономическом совете, тот знает, что министр по реализации плана Маршалла выполнит эту задачу в интересах американского финансового капитала».

Крупный банкир, герой биржевых спекуляций, Франц Блюхер во времена Веймарской республики был организатором одной из самых правых и реакционных немецких партий — «консервативе фоль562спартай», часть членов которой потом вступила в партию Гитлера. В годы нацизма Блюхер оставался попрежнему директором крупнейшего эссенского банка и финансировал гитлеризм.

После разгрома германского фашизма Блюхер стал безоговорочно поддерживать реакционную политику американских магнатов в Германии. Два года назад вместе с группой крупных предпринимателей Рура он организовал общество немецких промышленников по типу пресловутого «Клуба господ», который в свое время помог Гитлеру захватить власть. Это «Общество 1947 года» объединяет наиболее крупных промышленников Рура. Программа Общества, разработанная при участии Блюхера, призывает к борьбе против социализации тяжелой промышленности, против земельной реформы, призывает к укреплению свободной предпринимательской инициативы и более тесной связи с американскими монополиями. Блюхер с пеной у рта призывает своих коллег активно включиться в блок западных держав против Советского Союза и стран народной демократии.

В одном ряду с перечисленными уже квислингами стоит также и Людвиг Эрхард — министр экономики. Послужной список его предательств велик. При Гитлере Эрхард руководил «Институтом по изучению экономической конъюнктуры». Одновременно Эрхард был экономическим советником гаулейтера Бюркеля. Через своего родственника Гута, управляющего делами «имперской группы промышленности», будущий министр американизированного западногерманского правительства был теснейшим образом связан с нацистской промышленной верхушкой.

Так же как и Хейса, американцы подобрали Эрхарда и сделали его своим доверенным лицом. Он стал директором бизонального экономического управления, инициатором и проводником «политики Эрхарда», которая привела Западную Германию к огромной задолженности, включила в орбиту кабального «плана Маршалла». Эрхард в прошлом году побывал в Лондоне, вел переговоры с английским министром Уилсоном и договорился сократить и без того чахлые экспортные планы немецкой промышленности.

Весной этого года Эрхарда можно было уже видеть в Америке. Здесь платили больше, чем в Лондоне. Эрхард повел разговор о привлечении американского капитала в промышленность Рура, о продаже немецких заводов и шахт заокеанским хозяевам.

Следует вкратце упомянуть и других квислингов, введенных в боннское «правительство».

Вот министр внутренних дел Густав Гейнеман. Это сын директора заводов Круппа, член правления объединения рейнских сталелитейных заводов, лакей американских лакеев, представитель интересов угольных магнатов Рура. Одновременно он является президентом синода евангелической церкви в Германии.

Далее идет Шефер — министр финансов. Его подобрал в свое время американский генерал Паттон. Когда-то и Шефер голосовал за предоставление чрезвычайных полномочий Гитлеру.

Министром путей сообщения американский верховный комиссар Макклой взял Ганса Зеебома. Правда, работает он не по специальности. До разгрома гитлеризма Зеебом управлял в Судетах и Верхней Силезии собственными

БЫТ И НРАВЫ ЗА РУБЕЖОМ

БЕЗРАДОСТНЫЙ ЮБИЛЕЙ

Парижскому метрополитену в будущем году исполняется 50 лет. Городское самоуправление решило было отметить это событие торжественным пуском новой линии метрополитена, которая должна соединить рабочие окраины с центром города.

Линия эта длиной всего в три километра, но строится она с 1938 года. В связи с юбилеем опять воскресли надежды парижан, что они получат новую трассу. Однако их постигло разочарование. Администрация метро разъяснила, что к юбилею линию пустить в ход не удастся: вагонов мало и они изношены, а новые вагоны придется строить 3—4 года и то лишь при условии, если правительство предоставит необходимые кредиты.

Правительство же за последние два года уже дважды отказывало Парижу в выпуске займа на нужды городского строительства. Десятки миллиардов франков поглощаются в результате осуществления «плана Маршалла» и войны во Вьетнаме, которую французы прозвали «грязной войной».

Где уж при такой конъюнктуре до метро!

ЭМИЛЬ ЗОЛЯ ПОД ЗАПРЕТОМ

Контроль за мыслями, получивший столь широкое распространение в США, все более укореняется во всех маршаллизированных странах. Голландская газета «Де ваархейд» сообщила, что в одном подразделении 42-го голландского полка полевой артиллерии был произведен ночью тщательный обыск. Представители командования искали запрещенную литературу. Были перерыты все вещи и постели у солдат. У одного солдата была найдена книга известного французского писателя Эмиля Золя. Командир тут же наложил на уличенного в «тяжком преступлении» солдата взыскание, так как, по словам командира, «чтение книги Эмиля Золя вредно голландским солдатам».

По мнению голландской военщины, солдатам, отправляющимся на усмирение непокорных индонезийцев, куда более полезно читать гангстерские произведения американских писателей. Эти «произведения» проповедуют человеконенавистничество и к тому же совершенно безопасны в отношении «вольных мыслей».

БОРЬБА ЗА КУСОК ХЛЕБА

Венские любители «сильных ощущений» валом валят на так называемый Женский международный турнир борцов. Переполнившая зал публика наблюдает за схваткой двух женщин, ничем не напоминающей спортивную борьбу. Женщины-«борцы» хрипят, стонут, вцепившись друг другу в волосы, колотят друг друга под восторженные крики публики. Потом, покрытые синяками и царапинами, совершенно обессиленные, покидают зал. Их сменяет следующая пара.

«Как я могла иначе поступить? — заявила журналисту Кристи Энгал, одна из участниц этого «турнира».— По профессии я актриса, но сейчас актеры в Вене буквально голодают. Я была официанткой, но заработка нехватало, чтобы прокормить мать и брата. Поэтому мне пришлось стать борцом и служить этому хрипящему и стонущему бизнесу».

Так же безрадостны и рассказы других женщин-«борцов». У Розины Морски муж — калека и двое маленьких детей. Работая на фабрике, она получала 12 шиллингов в день; этого нехватало даже на хлеб...

Таковы «блага» маршаллизированной Австрии, где голодным людям приходится соглашаться на столь унизительные занятия.

рудниками и заводами. Теперь эти предприятия стали достоянием народов Польши и Чехословакии. Не потому ли сей министр является наиболее ревностным пропагандистом реваншистских идей, ревизии восточных границ Германии?

В состав кабинета предателей входят еще Никлос — представитель помещиков, Вильдермут — полковник гитлеровской армии, награжденный за разбой рыцарским крестом, и Гельвеге — крупный оптовый торговец-экспортер.

Генрих Гельвеге с недавних пор стал председателем так называемой «немецкой партии», которая является одной из легализованных англо-американскими властями нацистских организаций Западной Германии.

Нелишне отметить, что выборы в боннский «парламент» по опыту гитлеровских времен финансировались германскими монополистами. В составе кабинета Аденауэра из 14 членов его 9 принадлежат к христианско-демократическому союзу — партии крупной и средней немецкой буржуазии проамериканской ориентации. Незадолго до выборов среди промышленников было собрано более четырех миллионов марок для финансирования избирательной кампании этой партии. В свое время перед приходом Гитлера к власти те же промышленные круги оплачивали Гитлера и его клику.

Американская администрация не скупилась на затраты, формируя кабинет предателей, добиваясь «единства» во взглядах немецких квислингов.

Газета американской армии в Европе «Старс энд Страйпс» незадолго до выборов в боннский «парламент» услужливо расшифровала обязательства будущего «правительства» и его «канцлера». «Чтобы их выполнить, — писала газета, — Западная Германия должна провести ремилитаризацию, ей должно быть разрешено производство вооружения, а также ввоз оружия и военных материалов».

Обстановка, в которой началась деятельность «правительства», не лишена оригинальности. Как сообщает американское агентство, Аденауэр явился в резиденцию верховных комиссаров в Петерсберге и доложил Макклою о создании «западногерманского правительства». В ответ три военных губернатора, переименованные в верховных комиссаров, коротко и холодно сообщили, что отныне входит в силу... «оккупационный статут».

Аденауэр выступил с программной речью, изобиловавшей реакционными, антисоветскими, антидемократическими заявлениями, и в заключение рассыпался в благодарностях и комплиментах по адресу американских хозяев. Здесь интересна только одна деталь: «полуканцлер» выступал с программной речью от имени всего кабинета, но кабинет впервые собрался только... после выступления Аденауэра. Американские управляющие «боннским театром» не нашли даже нужным хотя бы для виду сообщить министрам о программе «правительства», да в спешке директиву только одному «канцлеру».

А дальше произошли события, от которых стало не по себе даже видавшим виды квислингам. Чуть ли не на первом заседании «парламента» отдельные депутаты всерьез начали возражать против возможной девальвации западной марки. Депутат Лориц, расхрабрившись, даже сказал по этому поводу: «Мы не должны, подобно пуделю, прыгать в любой обруч, который нам подставляют». На следующий день Аденауэра вызвали в Петерсберг, «полуканцлеру» было сделано внушение — и декрет о снижении стоимости марки был принят без дебатов. Боннских пуделей заставили прыгать в тот обруч, который выбрал американский дрессировщик.

Спустя еще несколько дней «правительство независимого государства» неожиданно узнало о том, что без его ведома часть германской территории по распоряжению американских властей передали Голландии. Отставки «правительства», разумеется, не последовало. Квислинги проглотили и эту американскую пилюлю.

Макс Рейман, который выступал в Бонне, привел в своей речи цитату из американской газеты. Сами американцы писали: «Запланированное западногерманское правительство сводится на положение колониального административного органа, который будет действовать под руководством не одного, а трех вице-королей — французского, английского и американского военных губернаторов».

Резиденция этих вице-королей находится в Петерсберге, неподалеку от Бонна. Собственно говоря, здесь только один король — американский банкир Макклой. Он и управляет западногерманской колонией Уолл-стрита. Что же касается кабинета квислингов, то вряд ли кто с ними считается всерьез: он служит только ширмой, фиговым листком в политике американских империалистов.

* * *

Боннским квислингам нанесен непоправимый удар созданием Германской демократической республики. Вопреки тщетным усилиям раскольников сам немецкий народ взял в свои руки бразды правления. Он продолжает борьбу за единую, сильную, демократическую и миролюбивую Германию. В этой борьбе весь демократический лагерь народов мира на стороне немецких демократических сил. Телеграмма товарища Сталина, адресованная руководителям Германской демократической республики Пику и Гротеволю, с энтузиазмом встречена миллионами трудящихся немцев. В дружбе народов Советского Союза и Германии заложена основа мира во всем мире. И как бы ни пытались режиссеры боннского фарса и их немецкие марионетки воспрепятствовать единству германского народа, идущего по пути мира и демократии, эти потуги обречены на неизбежный провал.

Создатель советского ПОЧВОВЕДЕНИЯ

(К десятилетию со дня смерти академика В. Р. Вильямса)

Академик В. П. БУШИНСКИЙ

Есть в жизни события, которые не тускнеют во времени, а с годами приобретают еще большую яркость. Навсегда запечатлелась в моей памяти первая встреча с Василием Робертовичем Вильямсом.

Я был тогда студентом Московского сельскохозяйственного института (будущая Тимирязевская академия). Однажды, проходя по коридору, я заглянул в небольшую аудиторию. Меня поразил лектор: атлет с лицом мыслителя. Его лекция захватила меня. Он рассказывал о том, что такое почва, какие сложные процессы образуют ее, рисовал увлекательную перспективу завтрашнего дня науки о почве.

— Кто читает? — тихонько спросил я у соседа.

— Профессор почвоведения Вильямс.

После лекции я подошел к профессору:

— Как вы думаете, можно ли мне избрать почвоведение своей специальностью?

— Отчего же нет, попробуйте,— улыбнулся Василий Робертович.

И я понемногу начал «пробовать»... на всю жизнь.

На протяжении 35 лет мне выпало счастье — сначала студентом, а потом и научным сотрудником — работать под руководством этого выдающегося представителя агробиологической науки. Его жизнь, полная творческого труда, его научные подвиги, неиссякаемая энергия, патриотизм — яркий пример для молодого поколения агрономов-мичуринцев, посвящающих себя служению народу.

Мало сказать, что студенты любили Василия Робертовича. Молодежь всегда находила в нем большого друга, наставника, воспитателя, учившего, как надо проникать в тайны природы.

Мы восхищались масштабом его опытов. Знаменитые бетонные камеры — лизиметры Вильямса — вмещали по 6 тонн земли. Эти лизиметры строились по чертежам Василия Робертовича. Совершенствуя их конструкцию, он частенько вооружался то циркулем, то пилой и топором. Устройство лизиметров почти целиком производилось на его средства. Царское правительство не считало нужным финансировать подобного рода научные работы.

Почвы доставлялись из самых различных уголков страны и загружались в камеры в последовательности, в какой они залегали в естественных условиях со свойственным им растительным покровом. Проходившие сквозь почву воды собирались, фильтровались, выпаривались. Изучался сухой остаток — перегнойные кислоты. Опыт длился около полутора десятка лет; он позволил Вильямсу сделать ряд важных открытий.

Василий Робертович никогда не замыкался в кабинетной тиши. Он работал в большой светлой комнате, где все располагало к труду, к общению со студентами и научными сотрудниками. Здесь он встречался с людьми практики — колхозниками, агрономами.

Десятилетиями он создавал свою лабораторию; все было собрано, приведено в порядок, рассчитано, вычерчено, установлено им самим — начиная от каждой карточки в каталогах почвенных коллекций до последней стеклянной трубки.

Середину комнаты занимал огромный лабораторный стол. Рядом были смонтированы весы на особой, лично придуманной Вильямсом подставке. В его руках одинаково хорошо себя чувствовали тончайшие специальные приборы и приспособления, хрупкая химическая посуда, слесарный и столярный инструменты.

Как только экспедиции привозили ящики с почвами или гербариями, лаборатория наполнялась стуком молотков, отвинчивались шурупы и Василий Робертович внимательно осматривал новые экспонаты. Тотчас на свежую память подновлялись или заново составлялись этикетки. Завязывались беседы. Уйму радости приносили нам, участникам экспедиций, те минуты, когда Вильямс на очередной лекции, демонстрируя монолиты, называл фамилии тех, кто взял эти почвы.

Василий Робертович нередко совершал с нами увлекательные экскурсии в окрестности Москвы или экспедиции в различные районы страны. Он, как никто другой, умел показать связь того или иного исследования с нуждами практики.

Вильямс был чрезвычайно требователен к себе как к педагогу и лектору. Не было случая, чтобы наш учитель опоздал на лекцию, в лабораторию или на беседу с посетителями. Еще с вечера он составлял расписанный по часам и минутам план работы на следующий день.

Курс почвоведения он читал по понедельникам. Но уже в воскресенье аудитория заполнялась штабелями почвенных монолитов, расставлялись трехпудовые образцы почв для демонстрации на лекции.

— Главное,— говорил Василий Робертович,— это научить людей мыслить, познакомить их с системой мышления в данной дисциплине, приучить к систематизации приобретенных знаний, к группировке и оценке сравнительного достоинства этих знаний, приучить студентов к умению делать выводы, к постановке вопроса. В этом я вижу главную цель элементарного преподавания; важен тот след, который оставляет процесс систематического накопления знаний. Это самый трудный первый шаг в приучении к самостоятельному труду.

Он настойчиво указывал, что высокая культура труда, четкий ритм одинаково необходимы рабочему у станка, инженеру в цехе, агроному в поле, научному работнику.

В. Р. Вильямс постоянно был со студенчеством, горой стоял за молодежь.

Хорошо помню 1905 год. Василий Робертович еще более сближается с молодежью. Он становится самым популярным профессором. Его избирают ректором.

Решительно и последовательно он проводит реформы в институте, вызвавшие, как и следовало ожидать, нападки реакционеров. Например, департамент земледелия поставил ему «на вид» то, что он принимал женщин в институт.

Охранка искала революционеров в Москве не только среди рабочих, но и среди слушателей академии. На окна студенческих общежитий в Петровском-Разумовском нацелились жерла орудий. Жандармы и драгуны стали лагерем в старинном академическом парке. Начались повальные обыски и аресты. Василий Робертович, используя свое положение «высокопревосходительства», не допустил жандармов в «почведку», где в это время мы собрались на митинг. Его имя охранка занесла в списки «неблагонадежных» лиц.

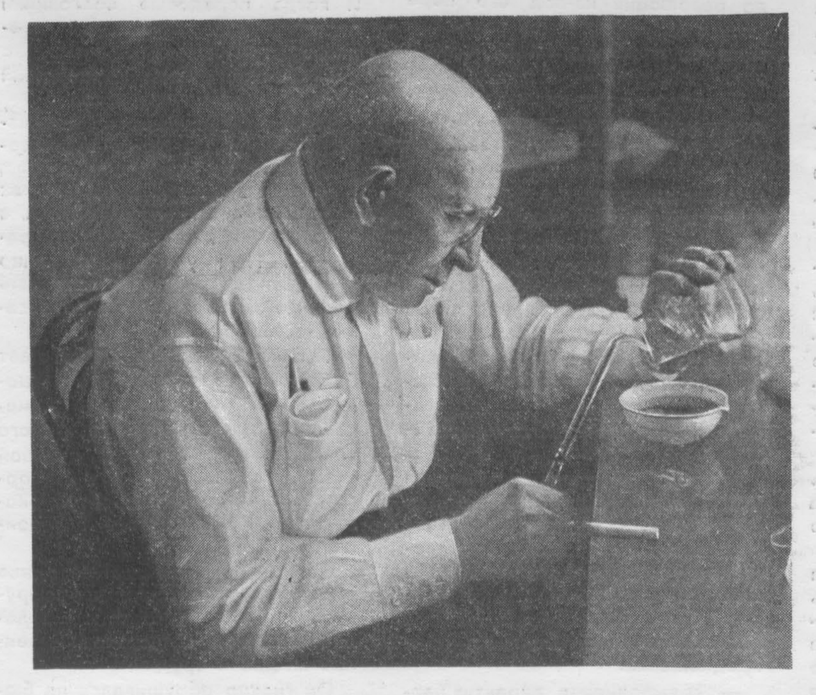
Передовой ученый, он не мог примириться с зависимостью отечественной сельскохозяйственной науки от Западной Европы. Он боролся с низкопоклонством, усиленно насаждавшимся сановными чиновниками.

— Разве это нормально,— гневно восклицал Вильямс,— разве это не стыдно, что нам приходится выписывать улучшенный псковский лен из-за границы, вместо того чтобы своими силами улучшать наши русские растения?!

Вместе со своим ассистентом Д. Л. Рудзинским он начал первые селекционные работы. И полям Академии суждено было стать колыбелью русской селекции, источником первых собственных сортов полевых культур.

В нашей стране восторжествовала мичуринская наука. Учение В. Р. Вильямса о едином почвообразовательном процессе, о травопольной системе земледелия обогатило материалистическую биологию. Это учение слилось воедино с учением о переделке природы растений, созданным И. В. Мичуриным и его продолжателем академиком Т. Д. Лысенко.

Приятно сознавать, что на опытных полях Вильямса, так высоко ценившего идеи и труды Т. Д. Лысенко, президент Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук ныне направленно изменяет природу, создает новые сорта растений, воспитывает кадры мичуринцев-селекционеров...

Академик В. Р. Вильямс в своей лаборатории.

Василий Робертович не ведал усталости. Помню, с какой энергией он взялся за организацию первого в мире Института луговодства. По его инициативе и под его руководством снаряжаются экспедиции по изучению истоков Волги, Оки, Сызрани, Красивой Мечи.

Все его открытия отличаются смелостью устремлений, глубиной и оригинальностью замысла, непримиримостью к застою в науке. Его мысль не знает покоя, всегда смотрит вперед, в будущее...

В одном из писем Василий Робертович говорит:

«Опять я в состоянии вознестись на ту страшную высоту мысли, с которой, как с высоты птичьего полета, сразу охватываешь всю подавляющую массу фактов, которую может удержать память ученого. И эти факты строятся, сами подбираются в систему, и сама собою выплывает схема дальнейшей работы, стройной, планомерной, систематической. Можно понять все наслаждение подобной радости мысли, наслаждение, за которое не жаль отдать полжизни.

Я восстал против всего, что было сделано поколениями ученых до меня в той области и что стоит переделать. Надо было переломить созданное столетиями и укрепившееся под влиянием гипноза.

Я уже сделал крупные завоевания: мои взгляды в физике почвы уже признаны в Европе, как единственно научные. Теперь еще впереди беспредельная область химии и биология почвы, едва только затронутая мною, и в нее-то я теперь и ринусь весь целиком».

Нельзя пройти мимо еще одной черты, характеризующей Василия Робертовича как ученого изумительной наблюдательности.

Вспоминается его встреча с известным ботаником-луговодом, профессором Ильинским. В 1912 году Ильинский взял почвенные монолиты в долине Верхней Волги, привез их на кафедру и расставил без всяких этикеток. И вот Василий Робертович стал расшифровывать каждый образец, давать ему исчерпывающую и точную характеристику.

— Этот монолит, — говорил он,— из-под елового леса, почва несколько мочливая, весной здесь земля чавкает. А этот монолит взят на гривке с луговой растительностью...

Трудно передать чувство удовлетворения и радости, которое испытывали мы, его ученики, когда Василий Робертович в 1914 году, завершив свой многолетний труд, издал книгу «Почвоведение».

Изучая эту книгу, мы видим перед собой ее автора, ученого, творчески воздействующего на природу почвы и растений. Каждая страница этого труда несет в себе бодрый оптимизм, уверенность в том, что не за горами время, когда человек станет властелином природы...

Грянул великий Октябрь. Вильямс горячо, от всего сердца приветствует социалистическую революцию.

«С Октябрем 1917 года,— писал Василий Робертович, — началась моя свободная, творческая деятельность для социализма; она претворяется в социалистическую действительность. С этих пор я опять помолодел.

Намечавшийся мною еще в прошлом синтетический подход к организации укрупненного обобществленного хозяйства кристаллизируется теперь в законченной форме. Октябрьская революция дает мне большой простор для широкой диалектической агрономической философии».

Всепобеждающая молодость прославленного ученого ощущалась нами во всей его многогранной деятельности.

После гражданской войны в Академию нарастающим потоком устремляется новое студенчество. Многие смущены, некоторым профессорам это не нравится.

И вновь по-юношески бодро звучит со страниц студенческой газеты голос Василия Робертовича:

«Пусть ломятся стены аудиторий, пусть будут очереди у дверей лабораторий, тем серьезнее ответственность тех, кто уже проник за эти двери. Скорее насыщайтесь знанием и скорее несите свои знания в народ и скорее освобождайте место для тех, кто так же, как и вы, жаждет знаний».

Он становится душой созданного в Академии рабочего факультета. После трудного дня, заполненного научными исследованиями, лекциями для студентов, беседами с крестьянами, он отдает вечера рабфаковцам. Нехватает помещений, и Вильямс ведет рабфаковцев в свою лабораторию почвоведения. Он постоянно заботился, чтобы не сорвалось ни одно занятие. Он говорил нам:

— Ведь им, пришедшим под кров Академии от сохи, от станка, нужно усвоить куда больший курс, нежели другим студентам.

Борьба за молодое, новое вызывает прилив творческих сил. Как-то его лабораторию посетил почвовед-иностранец. Он был удивлен энергией и работоспособностью Василия Робертовича.

— Вы сохранили все качества молодого ученого! — воскликнул иностранец.

— Знаете,— ответил Вильямс,— я пережил три революции, и не просто пережил, а активно участвовал в них. В этом, очевидно, и кроется секрет моей молодости.

Интенсивность и значимость его трудов непрерывно растут. Если до революции из-под его пера вышло 35 работ, то за советские годы он опубликовал их свыше ста.

Его труды охватывают весь комплекс сельскохозяйственной науки. Ученый решительно утверждает метод материалистической диалектики, считает его единственным методом научного познания.

В одной из работ он со страстной убежденностью пишет: «Наука не может быть нейтральной, аполитичной... В. И. Ленин четко показал также зависимость и агрономической науки от социально-экономических отношений и степени развития самой науки, техники и возможностей их применения».

Вильямс передает в Госплан СССР свою обширную работу «План реорганизации земледелия в Советском Союзе». Государственная комиссия по электрификации, намечая комплексный подход в сельском хозяйстве, во многом исходила из его выводов и предложений.

— За выполнение директив партии надо бороться,— говорит Василий Робертович,— причем бороться надо сразу за весь комплекс мероприятий. Иначе можно работать впустую. Например, правильная система обработки почвы без правильных севооборотов ничего не даст, так же как и обработка почвы без совместного применения удобрений не обеспечит высокого урожая.

Летом 1928 года исполняется заветная мечта Вильямса — он вступает в ряды партии большевиков. На собрании он сказал:

— Я не мыслю себе чистой академической науки, такой, какую

Василий Робертович Вильямс в 1894 году.

нельзя было бы приложить к практике. Мое дело — давать советы организаторам социалистического сельскохозяйственного производства. Отныне я позволю себе давать эти советы не только как агроном, но и как большевик.

Вильямс сразу оценил величайшее значение первых ростков стахановского движения в сельском хозяйстве. Мы его часто видели увлеченным беседой с колхозными мастерами высоких урожаев, с известными механизаторами. И когда передовые колхозники покидали лабораторию, он говорил нам:

— Сегодня у меня был хороший день. Я многому научился.

Василий Робертович не раз напоминал нам, что не от лаборатории надо идти в природу, в поле, а от поля в лабораторию, так как поле диктует вопросы и задачи, а лаборатория ищет пути к их решению. Наш учитель постоянно требовал органически связывать научные исследования с запросами производства.

Под его руководством работает большой коллектив почвенно-агрономической станции. Намечается перестройка сельского хозяйства на основе травопольной системы земледелия. Вильямс организует травопольные МТС около Рязани, в Казахстане, в Заволжье, на Дону.

Еще свежи в памяти его яркие выступления, где он зовет вооружить социалистическое земледелие системой сельскохозяйственных машин и орудий.

Он гневно обрушивался на бюрократов и деляг, мешавших механизации. Помню, на одном совещании зашла речь о том, что некоторые типы плугов кое-где склонны использовать не по назначению. А потому горячие головы предлагали сократить выпуск таких плугов. Слово взял Василий Робертович.

— Представьте себе, — сказал он,—что вам будут рекомендовать хлебать щи калошей. Нельзя же из-за этого запрещать производство калош!

Он направляет и объясняет систему мелиоративных мероприятий, настаивает на планомерной борьбе с эрозией почв, ратует за скорейшее создание водоохранных лесов, преграждающих путь суховеям, разрабатывает важнейшие народнохозяйственные проблемы — орошение Заволжья, продвижение земледелия на север.

Научное творчество академика-большевика достигает своего высшего расцвета. Загруженный большой научной и государственной работой, Василий Робертович до последних дней своей жизни не расстается со студентами, читает лекции.

Помнится, в 1938 году Василий Робертович обращается к молодым питомцам Академии с призывом умножить ряды вооруженных передовой наукой борцов за построение коммунизма.

— Привет молодежи,— говорит он,— вступающей в ряды борцов за идеи Дарвина, Тимирязева, Мичурина.

На лекциях он подчеркивает, что в Советском Союзе агроном — звание весьма почетное. «Его задача — покрыть страну высокоурожайными полями и садами, повысить плодородие почвы до невиданных размеров. Агроном — это творец плодородия, которое обеспечит нашим трудящимся изобилие продуктов».

Василий Робертович придавал большое значение объединению ученых самых различных специальностей в одном научном центре. Таким центром и явилась Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени Владимира Ильича Ленина. Приветствуя десятилетие ее создания, Вильямс писал:

«Работать по-новому, работать лучше, работать так, как работал сам Ленин, и так, как работает Сталин. За эту новую передовую науку, о которой говорил товарищ Сталин, за воплощение образа передовой науки — великого гения Владимира Ильича Ленина в нашей повседневной работе, я призываю к борьбе больших и малых работников советской агрономической науки. Если эта борьба будет поднята на уровень задач страны социализма, тогда наши бесспорные крупные успехи, которые достигнуты нами к настоящему моменту, тысячекратно приумножатся и еще более возвеличат эпоху Ленина — Сталина».

И лучшим памятником неувядаемой научной славы академика-большевика служит триумф его идей, ставших основой великого сталинского плана обновления советской земли.

Недалеко время, когда сбудутся вещие слова нашего незабвенного учителя, что невиданные урожаи в мире способна собирать Страна Советов, и я верю, что недалек тот час, когда 100 центнеров с гектара будет средним урожаем полей моей родины.

КИТАЙСКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ЛУБОК

参軍圖

Художник Хун По. Народ провожает добровольцев, вступивших в ряды Народно-освободительной армии.

Художник Ши Чжань. **Под Новый год. Население подносит подарки бойцам Народно-освободительной армии.**

Художник Чжан Дин.

Вручение фонарика крестьянской семье, которая оказывала помощь Народно-освободительной армии. Этот фонарик в знак почета будет гореть над входом в дом.

Художник Мо По.

Крестьяне восстают против своего угнетателя-помещика.

Художник Гу Цюань.

Свободные выборы в деревне. Неграмотные крестьяне опускают зерна фасоли в отверстия маленьких чашек, голосуя за своих кандидатов, сидящих на скамье.

Художник Дэн Шу.

В старом гоминдановском Китае 90 процентов населения не умело ни читать, ни писать. В освобожденной китайской деревне овладевают грамотой и стар и мал.

Художник Чжан Дин. **Дети посылают письмо и подарки бойцам Народной армии.**

АВТОРИТЕТ

Всеволод КОЧЕТОВ

Рисунки П. Голубя

Рассказ

О том, что у Виктора неприятность, и, кажется, большая,— это Наденька почувствовала сразу, как только отворила ему дверь.

Обычно, переступив порог, Виктор отдавал ей свой портфель, сбрасывал на овальный столик под бормочущим счетчиком перчатки, пальто или плащ — в зависимости от времени года,— шел затем на кухню, долго и тщательно мылил руки над раковиной, а когда брался за мохнатое полотенце, произносил ежедневно одну и ту же фразу: «Ну, хозяйка! Все, что в печи, давай-ка на стол мечи».

В этот вечер Виктор портфель не отдал, сам повесил пальто, смахнул со шляпы воображаемые соринки, прошел прямо в комнаты, чуть было не раздавил там в кресле завернутые в одеяла судки с ужином и сказал с непривычной для него грубостью: «Прекрати возню с посудой! Есть не хочу».

Наденька знала: спрашивать ни о чем не надо, Виктор и так все, что у него на душе, расскажет ей в должную минуту. Это его особенность: если спрашивать, будет отвечать без охоты, односложно и даже зло; не спрашивать, сам не выдержит.

Скрывая тревогу, она старалась делать вид, будто ничего не случилось, говорила о делах своего педиатрического института, где работала ординатором в клинике, о мальчике, который проглотил гвоздик, и о том, как этот гвоздик из него извлекали, о новой противоскарлатиновой вакцине, о портативных колясках для двойняшек.

Рассказы не помогли. Виктор выслушал их рассеянно, произнес неизвестно к чему относящееся: «Ну что ж, правильно» — и перешел к письменному столу. В доме установилась гнетущая тишина. Наденька раскрыла первый попавшийся в руки журнал, но не читала его, а прислушивалась к тому, что происходит в комнате Виктора. Там ничего не происходило. Ни бумага, ни калька не шелестели, не скрипело перо. Виктор сидел и сидел, и так просидел до тех пор, пока Наденька не ввела к нему двух незнакомых ей посетителей.

Оба они — и седой здоровяк в кожаном реглане и его спутник с черной родинкой на щеке — почтительно поздоровались с ней, когда она открыла им на звонок, и, не представляясь, спросили, можно ли видеть Виктора Павловича.

Не только она, но и Виктор, видимо, удивился их приходу, о чем Наденька могла, конечно, только догадываться, сидя в соседней комнате, на краю дивана, и невольно прислушиваясь к мужским голосам, явственно доносившимся из кабинета.

— Как ни печально, Виктор Павлович,— говорил здоровяк, по-вологодски окая,— однако эксперименты ваши придется отставить. Деньги идут, большие деньги, а успех? Нет его. Затея, должно быть... не хочу сказать, безнадежная, а, как бы это точнее, преждевременна, что ли. Вы-то после испытания сбежали...

— Тяжело было, Иван Давыдович.

— Да я не в осуждение. Понятно — сам бы сбежал... Говорю только — вы вот уехали, а мы собрались да поразмыслили, и при одном против порешили работать пока по-старому. Обождите, обождите!.. По старому-то, по-старому, но параллельно осваивать прокат. Прокат вернее, и опыт уже кое-где есть, и кадры... Мы же завод, а не научно-исследовательская организация. Мы план, план должны выполнять! Не так ли? Ну по совести, Виктор Павлович?

Виктор молчал. И хотя за дверью было сказано немного, Наденька поняла, что и это немногое придавило Виктора, лишило его голоса. И еще поняла она, что все это связано с какой-то большой неудачей в работе Виктора, которой он был занят, и не просто занят, а захвачен последний год. Работа заключалась в поисках нового способа производства лопаток для паровых турбин высокого давления. Виктор не раз рассказывал о своем замысле перевести это производство на литье, и когда он рассказывал не искушенной в технических вопросах Наденьке, новый метод казался таким несложным и почти уже осуществленным, что в душе ее не оставалось никакого места сомнению в успехе, ожидавшем и завод, и все турбостроение, и, конечно же, в первую голову ее Виктора.

Виктор долгие часы просиживал за столом, листал книги, иной раз уезжал на консультацию в какие-то конструкторские бюро, привозил оттуда угловатые металлические обломки, снова сидел над бумагами, грыз карандаши. Наденька не видела в этом ничего необычного, по молодости лет она считала, что нормальный творческий процесс так именно и должен протекать, при таких именно внешних проявлениях,— и, как бы ни хмурился Виктор за письменным столом, продолжала нисколько не сомневаться в его успехе. Потому что и дело, задуманное им, было для нее бесспорным, и, главное, она безгранично верила в силы Виктора.

Наденька уверовала в него еще той порой, когда они, едва знакомые студент и студентка, невзирая на апрельскую теплынь, упорно ходили на каток. Лед раскисал, покрывался трещинами, на нем возникали лужи, но что лед! Разве лед влек их тогда каждый вечер из дому? Они только притворились огорченными, когда сторож у билетной кассы сказал им однажды: «Конец, граждане! Закрыто. Наведывайтесь в декабре». На самом же деле оба были рады тому, что при встречах уже необязательны коньки, что можно и просто погулять в тревожных и черных по-весеннему парках. И вот тогда Наденька узнала о предложении остаться при кафедре, в аспирантуре, сделанном Виктору директором индустриального института.

— Вы очень рады? — спросила она.

— С точки зрения польщенного самолюбия. Только,— ответил он.— А вообще — отказался. Конторка сменного мастера — вот это, я считаю, действительно кафедра!

Он пошел на завод, но в конторке сменного мастера пробыл недолго: через полгода его назначили сначала технологом, а потом и начальником цеха турбинных лопаток. Административная деятельность не помешала ему заниматься конструированием какого-то особенного пневматического патрона к токарным станкам, о чем Наденька, уже ставшая его женой, вычитала из газет и обиделась на то, что он сам не рассказал ей этого, затем усовершенствованием воздухоочистительных средств на участке шлифовки, где всегда много металлической пыли, созданием разнообразных приспособлений и шаблонов, упрощающих труд станочников. Газеты, технические журналы, ведомственные вестники заказывали ему статьи, промышленная выставка приглашала читать лекции.

Наденька, которая избрала себе узкую специальность педиатра, детского врача, никак не могла даже в мыслях перешагнуть за границы этой специальности. С благоговением смотрела она на своего Виктора, для которого узкая специальность, казалось, не существовала. Его тянуло к себе все, что относилось к технике. Он мог починить часы и мог критически разобрать конструкцию новой домны. Он мог усовершенствовать шлифовальный станок, снабдив его какой-то оптической головкой, и способен был ночи просиживать, помогая своему институтскому товарищу Мише Быкову создавать проект стеклодувной машины.

— Виктор, ты будешь ученым! — воскликнула однажды Наденька, увидав в журнале его статью со множеством таблиц, непонятных диаграмм, схем и расчетов.

— Уясни, пожалуйста, что такое ученый,— сказал он, отнимая у нее журнал.— Это открыватель нового. Открыватель новых законов, новых явлений. Я же ничего нового не открываю, я только пользуюсь открытиями других, более или менее умело пользуюсь — и все. Следовательно, я инженер и таковым намерен оставаться. Огорчена?

— Ужасно. Плох тот солдат, который...

— Понятно, понятно! А, по-моему, плох и тот генерал, который не умеет быть солдатом.

Но как бы ни протестовал Виктор, какие бы ни происходили между ними словесные перепалки, ничто не могло поколебать веру Наденьки в то, что Виктор — необыкновенный инженер... Особенно многого ждала Наденька от этой его последней работы с литыми лопатками. И вот все теперь рушилось.

— Плохо... сам понимаю, что получается плохо,— слышала она грубый окающий голос за дверью.— А что мне прикажете делать? План есть план. Не могу же я, дорогой Виктор Павлович, во имя ваших экспериментов программу срывать! Я думал, вы сами это поймете, а вы, гляжу, молчите, лютуете на меня... В общем, вопрос решен, работу мы пока свертываем. Откровенно говоря, я и заехал к вам, чтобы сообщить это.

— А я, товарищ Колосов,— резко заговорил другой голос,— заехал за тем, чтобы сказать тебе: работу продолжать будем! Директор, слышишь, о чем толкует? Решили «при одном против». Это он меня, парторга, имеет в виду: один! Нет, товарищ директор, я не один! Вот перед тобой коммунист Колосов. Значит, нас уже двое против вашего решения. А за нами еще пятьсот коммунистов завода. Мы их завтра спросим, за что они: за технический прогресс, за дерзание, за новаторство или за работу по старинке? Планы-то и программы, о которых ты говоришь, нашим людям уже тесноваты. Вот я тут вырезки захватил: эту — из газеты, эту — из журнала. Глядите: роза! Натуральная! А из чего? Работа уральцев. Думаю, Виктор Павлович, что и мы не спасуем, а?

— Не знаю, Петр Ильич. Не знаю. Боюсь теперь, что-нибудь и сказать. Подумать надо...

Виктор говорил неопределенно, какие-то вялые, унылые слова, но Наденька по тону, по голосу чувствовала, что он взволнован поддержкой парторга, этого высокого, рослого человека с черной родинкой на щеке, который крепко пожал ей руку, здороваясь в передней. Она готова была ворваться в соседнюю комнату, в тот табачный дым, который там заполнил, наверно, все пространство от пола до потолка, и от всего сердца обнять партийного руководителя. Она решила во что бы то ни стало пригласить Петра Ильича почаевничать, ей хотелось поговорить с ним, рассказать ему, какой хороший ее Виктор и что коммунисты завода нисколько не ошибутся, если завтра вынесут решение продолжать работу, начатую инженером Колосовым. Наденька не знала только, как сделать, чтобы Петр Ильич остался один, а противного директора непременно выпроводить.

И пока она придумывала убийственные слова в адрес ее и викторова недруга, пока зло и уничтожающе узила глаза, воображая сцену его провожания, в передней хлопнула дверь, и поздние гости ушли.

— Ложилась бы ты спать,— сказал Виктор, появляясь на пороге комнаты,— а я тут еще немножко пороюсь.

Он принялся снимать с полок книги и журналы, толстые папки, перехваченные крест на крест шпагатом, рулоны чертежей. В комнате запахло пылью, и Наденька снова, в сотый, наверно, раз, подумала о том, что пора им завести пылесос, так необходимый там, где много книг.

Раздумывая о пылесосе, Наденька смотрела на Виктора, который взобрался на высокий табурет возле стеллажа и подтянул к себе подвесную лампу с длинным шнуром. На душе у нее становилось легче. Как она верила в силы своего Виктора, так уверовала теперь в Петра Ильича. Виктор объяснил ей, что Петр Ильич — это товарищ Новиков, парторг ЦК на заводе. Парторг ЦК — подумать только! Нет, он, конечно, не позволит свернуть ценную работу, работа будет вестись

дальше, и Виктор добьется успеха. Одно продолжало беспокоить Наденьку: что там такое случилось у них, чем вызвано нелепое решение директора? Наверно, что-нибудь очень серьезное случилось, если уж руководители завода приехали к начальнику цеха. Надо бы спросить об этом, надо, и в то же время не надо спрашивать... Сам скажет, не вытерпит.

Наденька подошла к столу. На бумагах лежала фотография большой пышной розы. Казалось, роза была только что срезана садовником с осыпанного утренней росой куста, сверкающая, свежая, с черенком, мохнатым от тончайших шипиков. К фотографии канцелярской скрепкой была прикреплена и та газетная вырезка, о которой говорил Петр Ильич. В заметке писалось, что роза была отлита из стали на одном из уральских заводов и что создана она не за счет прославленного искусства литейных мастеров, а с помощью новой технологии, упростившей тонкое литье. Наденька долго разглядывала стальной цветок с его лепестками, такими живыми, что они, пожалуй, и пчелу бы могли обмануть, не только человека.

— Партия — великая сила, Витя! — внезапно сказала Наденька, и сказала с таким убеждением, что Виктор невольно обернулся к ней на своем вращающемся табурете; увидев в его глазах недоумение, она добавила: — Никакой бюрократ не устоит перед ней, никакой чинуша, вроде этого директора вашего, который тут про планы и программы окал.

Виктор понял, о чем разговор и где спрятаны его корни, и рассмеялся:

— Верно, партия — великая сила,— сказал он, спрыгивая на пол с толстой книжищей в руках.— Ты права. А вот Иван Давыдович — это ошибка, и не бюрократ он, и не чинуша: старый, опытный инженер, в прошлом слесарь-монтажник...

Наденька зажала уши ладонями: ничего хорошего она не желала слушать о противном толстяке.

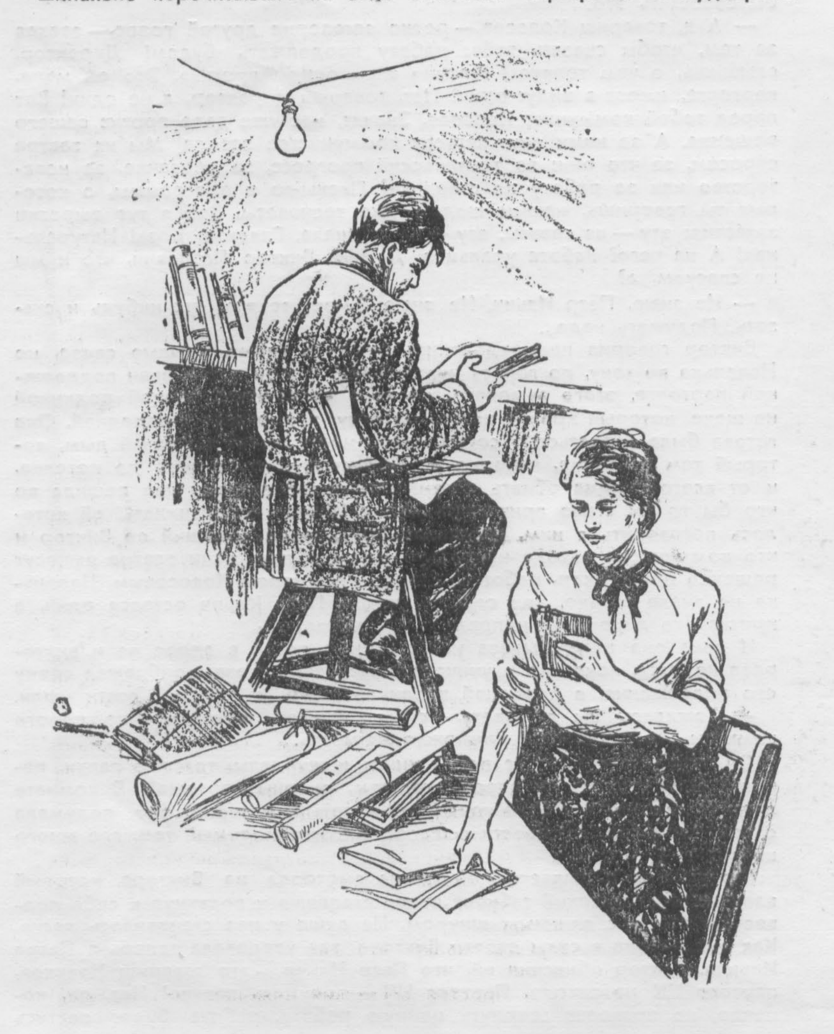
Виктор махнул рукой, придвинул кресло ближе к столу и положил перед собой книгу. Через минуту он уйдет в чтение и расчеты и пытаться заговорить с ним будет бесполезно. А Наденьке надо было еще кое-что выяснить.

— Хорошо,— сказала она,— допустим, толстяк твой — превосходный человек. Почему же он против твоей работы, когда все знают, что она заводу нужна? Что же такое случилось?

— Что случилось? — на лице Виктора возникло выражение, подобное тому, с каким он несколько часов назад вошел в дом, и Наденька уже пожалела о своем вопросе. — Да, что же все-таки случилось?— повторил он, похлопывая ладонями по карманам своей рабочей куртки.— В двух словах если, то вот что...— в его руках мелькнула старенькая расческа, он резко провел ногтем большого пальца по остриям ее зубцов, и зубцы, крошась, брызнули на стол, на бумаги, на пол.

— Лопатки сломались? — испуганно воскликнула Наденька.

— Да, сломались... Сегодня на испытании,— он стал неспеша выкладывать из рассыпанных черных зубцов пятиконечную звезду на обложке книги, а Наденька стояла за его спиной и раз за разом машинально перечитывала на этой обложке: «Проф. А. Г. Кудояров... Литейное дело. 1938 год». Она не подозревала, как скоро эту фамилию — Кудояров,— многократно слышанную от Виктора в студенческую бытность, ей придется услышать снова.

Несколько дней спустя Виктор, возвратясь с завода, сообщил, что работа с литыми лопатками не только не свертывается, а расширяется за счет какой-то внутренней экономии средств, что решено для консультации пригласить профессора Кудоярова, к которому он завтра поедет на машине в Раскопкино, где профессор проводит свой летний отпуск.

— Вот я же говорила тебе, Виктор,— обрадовалась Наденька,— говорила... Петр Ильич не позволил.

Виктор не стал протестовать, не стал доказывать, что не только парторг, а и весь партийный комитет, да и сам директор заинтересованы в литых лопатках, и если разобраться как следует, то директор приезжал к ним домой совсем не за тем, чтобы сообщать о своем решении свернуть работу: ему надо было убедиться, не упал ли духом руководитель этих работ, инженер Колосов, верит ли он сам в успех, готов ли отстаивать свое дело, бороться за него до победы. Во всяком случае, так следовало думать, судя по дальнейшему поведению Ивана Давыдовича.

В Раскопкино Колосовы собрались ехать вдвоем в воскресенье. В назначенный час пришел зеленый заводской «москвич». Виктор отпустил шофера, сел за руль. Он сидел и думал о профессоре Кудоярове. Он слушал когда-то лекции Александра Григорьевича, он учился по его объемистым трудам, он знал Кудоярова как выдающегося специалиста в литейном деле, и авторитет его для Виктора был непререкаем. О том, что он получит у Кудоярова необходимую помощь,— в этом Виктор не сомневался. Не сомневался он и в том, что профессор охотно согласится консультировать его работу. Беспокоило другое: как-то встретит его ученый? Не рассердится ли за непрошенное вторжение в свою дачную жизнь?

Дачу Кудоярова нашли без особого труда — и стар и мал знали тут, где живет знаменитый профессор. На дощатой калитке чернела надпись: «Осторожно. Злая собака». Над забором стеной вздымались желтые акации и барбарисы, усеянные бурыми стручками и яркими ягодами, самая дача тоже скрывалась где-то в глубине густых зарослей, окликнуть было некого. Ничего не оставалось, как пренебречь грозным предостережением. Наденька отказалась, а Виктор решительно отворил калитку. «Злая собака», которой было, наверно, не менее пятнадцати лет, вышла из клумбы с пионами, потрясла пыльную шерсть и снова повалилась в траву.

Профессора Виктор нашел на лужайке возле дома. Вернее, прежде нашел большой автомобиль, который стоял на этой лужайке. Из-под автомобиля и вылез профессор. Хотя он был в синем комбинезоне с множеством карманов, простроченных белыми толстыми нитками, в грубых башмаках, был измазан маслом, но Виктор сразу узнал его: по окладистой бороде, по тяжелому взгляду из-под лохматых бровей, по всей грузной, мешковатой фигуре. Он перебил Виктора с его длинными извинениями и, отогнув манжет комбинезона на волосатом запястье, посмотрел на часы:

— С каким же это вы поездом?

То, что Колосовы приехали на «москвиче», заинтересовало его больше, чем самая цель приезда. Он захотел немедленно посмотреть машину, забрался в нее, большой, тяжелый, вертелся там так, что скрипели рессоры.

— Не по мне,— сказал недовольно. — Ну, а теперь рассказывайте. Какая у вас беда?

Виктор тоже вошел в машину. Наденьки вблизи не было: видимо, отправилась в соседнее поле искать свои любимые ромашки. Кругом стоял мир и покой жаркого летнего полдня; среди праздничной природы нелепым выглядело сиденье в бензиновом запахе. Но только, может быть, в самых дальних закоулках подсознания Виктора таился глухой протест против этого. Виктор готов был рассказывать где угодно, лишь бы профессор слушал.

Профессор слушал, опустив голову, прикрыв глаза рукой, как бы отстраняясь от всего постороннего.

— Работа шла, нам казалось, правильно, а на испытаниях лопатки полетели,— говорил Виктор.

— Под микроскопом излом исследовали?

— Исследовали. Вот фото.— Виктор достал из портфеля пачку снимков.

— Что ж, я так и думал,— рассматривал их Кудояров.— Когда вы изготовляете деталь из поковки, механическим путем, на станках, вы имеете дело со структурой металла — какой? С уплотненной, волокнистой,— следовательно, упругой. А здесь что? Здесь, смотрите сами, структура рыхлая, зернистая,— следовательно, хрупкая, ломкая. Нельзя было не учитывать этого, приступая к работе. Поторопились, поспешили, не ознакомились с литературой...

Он говорил так, будто сидел за профессорским столом в аудитории и перед ним был не взволнованный инженер с крупной, касающейся целого завода неудачей, а студент с очередной неверно решенной задачкой,— говорил тоном ровным, поучающим, наставительным.

— Значит, что же? — спросил Виктор, чувствуя, как этот тон Кудоярова начинает его раздражать.

— Значит, не надо никогда спешить, чтобы не причинять напрасных убытков государству. Научно-исследовательская работа имеет свои законы, она требует времени, больших знаний и строгой методики.

— Но мы же ничего не исследуем! — распахнул дверцу Виктор, впуская в кузов машины свежий воздух деревенской улицы. — Мы хотим практически применить то, что давно исследовано и доказано. Вы ошибаетесь, Александр Григорьевич, говоря насчет убытков. Мы не для забавы хотим получить литую лопатку, а именно с целью удешевить, упростить ее производство, поднять производительность тру-

да в лопаточных цехах, и еще вы ошибаетесь: литературу мы основательно просмотрели и, кстати, в вашей же книге прочли о том, что литье со временем почти целиком заменит механическую обработку не только металлов, но даже камня.

— Со временем! — сотрясая машину, повернулся к Виктору Кудояров. — Вот именно — со временем! Лопатки и сейчас льют, но не для таких турбин, как ваша, не для таких громадных давлений. И не только лопатки: поответственней, посложней вещи изготовляются литьем. Что из этого следует? Следует — еще раз повторяю,— что необходимо время, долгая работа. Через пять — десять лет...

— Александр Григорьевич,— почтительно и в то же время с резкой смелостью перебил Виктор. — Вы меня еще раз простите, но книга ваша, на которую я сослался, написана не сегодня. Не только десять лет: больше прошло!

— Юношеский задор, горячность,— усмехнулся Кудояров. — Похвально, товарищ инженер. Как-нибудь устроим диспут, поговорим, а пока вот вам мое заключение: директор ваш прав, осваивайте прокат. В дальнейшем, мы, ученые, о которых вы так скороспешно думаете, может быть, вам еще и поможем. Вот так, молодой человек!..

Профессор вышел из машины, сказал: «Будьте здоровы» — и захлопнул за собой калитку.

Виктор был обозлен и расстроен, всю обратную дорогу он мысленно продолжал гневный разговор с профессором, а вечером, не выдержав, отправился домой к Петру Ильичу. Новикова неудача с поездкой в Раскопкино, к удивлению Виктора, огорчила мало.

— Свет на этом дачнике не сошелся,— сказал парторг. — Страшнее вот что: как бы наш директор, узнав об отказе Кудоярова, опять не впал в панику и сомнения. Это нам придется иметь в виду и предусмотреть.

Директор действительно заколебался, но уже и он идти на попятный никак не мог: слишком большую огласку получило на заводе дело с литыми лопатками, слишком оно волновало и рабочих, и инженеров, и руководителей.

— Нельзя отступать, не имеем мы на это права,— говорил Виктору после своего решительного разговора с директором Петр Ильич; на столе начальника цеха они снова и снова — в который раз! — перебирали, рассматривали поломанные лопатки.— Он прав, понятно, этот Кудояров: высокое давление! Но высокому давлению противостоит высокое стремление, Виктор Павлович. Продолжай! Инокентьев, Окунев, Лискун — лучших инженеров шлем тебе в помощь...

— Постой, Петр Ильич, постой... — стеклянными чужими глазами посмотрел на парторга Виктор.— Высокое давление... высокое стремление. Они противостоят... Постой! — он швырнул лопатку, которую вертел в руках, стальной обломок сшиб на пол чернильницу со стола, звякнуло разбитое стекло и засверкало в ализариновой луже.

— Что с тобой, товарищ Колосов? — схватил Виктора за плечо парторг.— На-ка выпей водички. Где графин?

— Какой графин, Петр Ильич! Не в ту сторону работали! Высокому давлению мы должны противопоставить высокое давление.

Предложение Виктора заключалось в том, чтобы лопатки отливать под давлением, как Виктор и сказал Новикову. В производстве лопаток для сверхмощных турбин этот способ еще не применялся, но на других видах изделий был испытан многими предприятиями страны. Дойти до него, вернее, ухватиться за новый способ и Виктору и инженерам-литейщикам мешало то, что они все свои усилия направляли на поиски более твердых сталей и на разработку температурных режимов литья. «Вот бы вы что мне подсказали, Александр Григорьевич,— подумал Виктор, когда из лаборатории ему принесли снимки плотной, стойкой структуры лопаток, отлитых под давлением.— Большое бы от нас было вам спасибо. Или вы и сами не ушли дальше своей книги, датированной тысяча девятьсот тридцать восьмым годом, потому и предпочли отделаться нотацией?..»

Человек, захваченный большим, концентрирующим в себе все его интересы делом, редко замечает ход времени, он смотрит вперед, в будущее. Не заметил Виктор, как закончилось лето, как миновала осень и наступила зима. Среди зимних метелей и морозов однажды выдался ясный, мягкий день. Пригревало солнце, с крыш тянулись сверкающие сосульки, с них капало наземь, в лужах купались воробьи — и было похоже на март. Погода вполне соответствовала настроению, какое царило в тот день на заводе. Уже прошли — и успешно — предварительные испытания турбины с литыми лопатками инженера Колосова, предстояло последнее, генеральное испытание перед комиссией экспертов.

Инженеры — помощники Виктора,— сам Виктор, Петр Ильич, эксперты собрались в кабинете директора. Директор посматривал на часы.

— Ну еще минутку... Прошу, пожалуйста,— уговаривал Новиков. — Знатный гость.

Ждали профессора Кудоярова, которому накануне было послано особое приглашение. Ждали уже час, подождали еще — и не минутку, а целых сорок минут,— и когда ждать дальше стало невозможно, вошла секретарь директора и сообщила, что профессор только что звонил, у него испортилась машина, он застрял на углу Киевской и Красной, сидит в аптеке.

За ним, выполняя роль гостеприимных хозяев, выехали Петр Ильич и Виктор. Нашли они его не в аптеке, а среди улицы на мостовой, где профессор топтался возле своей заглохшей машины.

Кудояров ехал с хозяевами недовольный, неразговорчивый, хмурый. Так же хмуро, молчаливо, заложив руки за спину, шествовал он позади членов комиссии, которые предварительно, для сравнения, решили ознакомиться со старым способом изготовления лопаток. Новиков вслух подсчитывал, через сколько станков проходил прежде кусок стали, чтобы превратиться в готовую лопатку. Получалось станков тридцать, да слесаря еще над ним мудрили, да какого огромного инструментального хозяйства она требовала,— две трети заводских инструментальщиков работали на лопаточный цех. А теперь? Теперь простая шлифовка — и только. А экономия металла? При старом способе, станочном, девять десятых драгоценной стали, килограмм которой стоит столько же, сколько и килограмм сливочного масла, шли в стружку, в опилки — в отход.

Молчал Кудояров и при запуске турбины и тогда, когда приборы показывали высшее давление, бешеную скорость вращения в могучем агрегате, когда стало очевидным, что лопатки Колосова завоевали право на жизнь. Профессор заговорил лишь в кабинете Новикова, куда парторг увел его после испытаний, незаметно ни для кого оттерев от толпы гостей и хозяев.

— Хотелось бы знать,— усаживаясь в кресло, шевельнул Кудояров косматыми бровями,— зачем меня пригласили на завод и чья это выдумка? Не Колосова ли?

— Нет,— ответил с улыбкой Новиков. — Моя выдумка. А пригласил я вас вот зачем, товарищ профессор, прошу уж не обижаться за прямоту. Видите ли, вы человек большой, человек крупного авторитета, на вас смотрит, равняется наша техническая молодежь. Помнится, инженер Колосов ехал к вам, как... ну, как бы это выразить? Ну вот если бы, допустим, существовал какой-то бог литейного дела, то Колосов ехал к вам, как, по меньшей мере, к наместнику этого бога на земле. Вы меня понимаете?

Кудояров не ответил.

— А что получилось? — продолжал Новиков.— Ваш отрицательный ответ чуть было вновь не затормозил нашу работу.

— Чепуха!

— Может быть. Но послушайте дальше...

— Зачем, в конце концов, меня сюда позвали? — резко поднялся Кудояров и, грузный, тяжелый, встал перед Новиковым.

Петр Ильич тоже поднялся, побледнел от внутреннего волнения и протянул Кудоярову его объемистую книгу.

— Затем, чтобы намекнуть вам,— сказал он спокойно,— что труд ваш надо... дополнить новыми главами.

Кудояров отошел к окну, с минуту барабанил по стеклу пальцами, глядел на залитый солнцем двор, через который из цехов к проходным группами шли рабочие дневной смены. Они останавливали встречных, спешивших занять их место у станков, что-то сообщали на ходу, показывали жестами. Что? Ну, конечно, что: лопатки! Лопатки Колосова! Они уже видели, наверно, за этими лопатками новые турбины, новые высоковольтные передачи на просторах страны, электрические огни в тундре и электрические тракторы на Украине...

— Что ж,— обернулся Кудояров, отрываясь от окна. — Я человек тоже прямой. Вы это сделали, товарищ парторг, не в очень приятной форме, но намекнули. Благодарю вас,— и вышел из кабинета.

Для Виктора с того дня, когда было доказано, что литые лопатки выдерживают и самое высокое давление, не стало покоя. Еще чаще, чем прежде, его стали приглашать на лекции, на консультации, закидывали заказами на статьи, слали просто письма, на которые надо было обстоятельно отвечать. Он жаловался Петру Ильичу.

— Закономерно,— смеялся тот. — Ничем не могу помочь. Авторитет! Земной наместник лопаточного бога.

Однажды вечером в отсутствие Виктора почтальон вручил Наденьке письмо и телеграмму для него. Наденька не могла устоять, любопытство брало верх, вскрыла сначала телеграмму. Директор одного из сибирских заводов сообщал о том, что они там, у себя в Сибири, тоже применили литье лопаток под давлением и что от имени всего заводского коллектива он благодарит инженера Колосова за какие-то присланные материалы.

Потом Наденька распечатала и письмо. Она прочла:

«Уважаемый Виктор Павлович! Обращаюсь к вам с просьбой, будьте столь любезны, разрешите использовать Вашу последнюю статью в моем курсе «Литейное дело», который я сейчас капитально перерабатываю. Ссылка о заимствовании, безусловно, будет сделана. С уважением А. Кудояров».

Наденька не находила места в комнатах; она уже хотела звонить на завод и, когда, в конце концов, Виктор явился, не давая ему раздеться, с письмом в руках, кинулась ему на шею:

— Виктор, я же говорила тебе, что ты будешь ученым!

— Ну тебя! — весело отстранился он от ее объятий и быстро пробежал глазами письмо. — А, официальное подтверждение! Он мне по этому поводу звонил. И, кстати, примерно то же, что ты, сказал насчет учености. Вы, мол, крупный авторитет...

— И что ты ему ответил?

— Статью? Да пожалуйста, жалко, что ли!

— А про то, про другое?

— А про другое, что я простой советский инженер. Что же еще!

История одного парня

Орлин ВАСИЛЕВ

Командирский барак стоял у самой вершины горы. Днем отсюда видны весь хребет и трасса железной дороги, которую строит молодежь. Трасса извивается то по глубоким ущельям, то по высоким насыпям, то скрывается в туннелях. Но сейчас горы, долины и ущелья растворились в ночной тьме. Мрак плотно окутал изрытое тело горы и приглушил шум, днем и ночью доносившийся со строительной площадки.

Внизу, где-то очень глубоко, на самом дне бездны, мерцают, как отражение звездного неба, гирлянды электрических лампочек, и их бледный свет выхватывает из темноты маленькие фигурки людей. Перебираешь в уме виденное днем и вспоминаешь, что там, внизу, рабочая площадка бригады и незаконченная насыпь перед туннелем. Но отсюда, сверху, кажется невероятным, что из недр этой околдованной ночью горы вывозят всего лишь простые серые камни...

На этой стройке я познакомился с одним парнем, о котором и хочу рассказать. На первый взгляд, человек как человек. Тихий, скромный. Целый год просидел в тюрьме при старой власти за то, что у него нашли листовки.

Когда и как, едва ли он сам мог бы это сказать, но у него зародилось жгучее желание поехать в Советский Союз, чтобы увидеть своими глазами землю социализма. Это желание, в сущности, есть и у всех нас, но в сознании столяра-подмастерья оно превратилось в непреодолимую страсть и начало проявляться в странной, фантастической форме. В своих мечтаниях он понемногу сам начал верить в то, что был в Советском Союзе. Он не только уверил себя, но и стал рассказывать о том, что видел и пережил на огромной земле Советов...

Василий обладал феноменальной памятью. Что бы он ни прочитал о Советском Союзе, каждое слово врезывалось в его память, как выгравированное на металле. В тюрьме он изучил русский язык. Товарищи стали его называть ходячей советской энциклопедией. Прочитает он какой-нибудь очерк о золотых приисках в Сибири — и начинает:

— Однажды в тайге, это было в двадцати пяти километрах севернее Комсомольска-на-Амуре, ведь вы знаете о нем? Да, это он, город молодежи... Когда я шел по следам соболя... Знаете ли, что такое соболь? Это зверек, шкурки которого очень дорого ценятся...

Таким же образом он работал в своих мечтах в Донецком бассейне, посетил Музей революции и даже плавал на советской подводной лодке! В сущности, его рассказы не были выдуманы — вымыслом в них было только то, что он себя самого представлял героем своих рассказов. Он передавал события, указывая даты, имена и такие подробности, что никому из слушателей и в голову не приходило сомневаться в их правдивости. Он, конечно, имел перед собой чуткую и внимательную аудиторию.

Мне доводилось раз-другой слушать его рассказы, и я усомнился в их правдивости. Однажды я «проехался» с этим парнем по всей Волге. Потом я узнал, что это описание путешествия вместе с множеством иллюстраций помещено в советском журнале. Так я разгадал сокровенную тайну этого «лжеца». Но я не выдал его. Он был не лжецом, но мечтателем, которому хотелось устранить поскорее несовершенства в нашей жизни. Он хотел видеть наших людей переродившимися, прекрасными, как герои его мечтаний — советские люди. И все он сравнивал с тем, что было там, в Советском Союзе. Советская земля была для него мерой хорошего и дурного, приемлемого и неприемлемого.

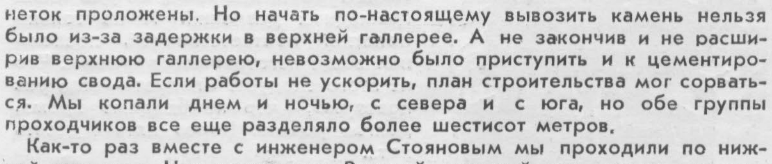
Он почти наизусть знал книгу Островского «Как закалялась сталь» и, подобно Павке Корчагину, отдавал работе всю свою энергию. Уже несколько раз в трудные для строительства моменты мне силой приходилось отсылать его спать.

Я уже говорил, что он был тихоня, никогда ни с кем не ссорился. Но товарищи побаивались его. Бывало, подойдет он к какой-нибудь из групп работающих — и кирки и лопаты начинают двигаться быстрее... Было в его взгляде что-то внушительное, какой-то молчаливый, серьезный призыв. Конечно, и в труде и в дружбе он действовал главным образом личным примером.

Лишь один раз попытался я посмеяться над его тайной. И я бы сказал, что это имело огромное значение для строительства туннеля.

Нижняя галлерея туннеля была уже готова, даже рельсы для ваго-

неток проложены. Но начать по-настоящему вывозить камень нельзя было из-за задержки в верхней галлерее. А не закончив и не расширив верхнюю галлерею, невозможно было приступить и к цементированию свода. Если работы не ускорить, план строительства мог сорваться. Мы копали днем и ночью, с севера и с юга, но обе группы проходчиков все еще разделяло более шестисот метров.

Как-то раз вместе с инженером Стояновым мы проходили по нижней галлерее. Нам встретился Василий, который рыл канаву для стока воды.

— Послушай, Василий,— обратился я шутливо к нему,— ты был в Советском Союзе... Побывал в Донбассе... Скажи, что делают там проходчики в подобных случаях? Ты ведь не можешь не знать этого! Скажи, как нам ускорить работы в верхней галлерее, ведь осталось пройти целых шестьсот метров, пока обе группы соединятся.

Я говорил серьезно, и Василий так же серьезно меня выслушал. Он задумался, потом взял с земли лампу, поднял ее над головой и осветил скалу. Но там ничего не было написано, что бы можно было прочитать и пересказать...

— Ну, командир, нечего дурачиться! — сказал мне инженер.

— Я не дурачусь!.. Надо же использовать опыт наших людей...

— Пойдем, меня ждет работа!

— Не торопись,— сказал Василий инженеру укоризненно. И поставил лампу на землю.

— Ну, как?..— спросил я, улыбаясь.— Откроешь нам тайну советских проходчиков?

— Открою,— уверенно ответил Василий.

— Так уж и откроешь! — опять вмешался Стоянов.

— Открою! Простое дело!

— Так как же?..

— Верхняя галлерея должна проходить вот здесь! — и он показал на каменную громаду над нашей головой. — Она ведь проходит параллельно нижней галлерее? И только три метра их разделяют? Так что же нам мешает пробить снизу вверх эти три метра, как раз до того места, где должна проходить галлерея?

— А потом?

— Потом...— и Василий снисходительно улыбнулся.— Потом — легкое дело. Отбойными молотками будем пробиваться направо и налево, навстречу двум группам проходчиков, которые идут с юга и севера, пока не встретимся с ними.

— Подожди-ка, подожди! — сказал инженер Стоянов и подошел поближе.

— Нечего мне ждать.— Василий взмахнул киркой.— Вы меня спросили, что делают в подобных случаях советские проходчики, я вам рассказал.

— Что ты там рассказываешь? Какие советские проходчики?..— волновался инженер.— А впрочем... знаешь ли, это ведь и в самом деле возможно! — повернулся он ко мне. Его зрачки расширились от удивления.— Вот чорт, а!

— Чорт ли, ангел ли — не знаю! — пожал Василий плечами.— А сколько раз я говорил, что надо использовать советский опыт!..

Прочитал ли где-нибудь Василий статью об опыте советских проходчиков туннелей или он сам придумал свое предложение, вдохновленный тем, что он знал о Советском Союзе, установить не удалось. Но не прошло и двух часов, как три бригады проходчиков — по одной через каждые сто пятьдесят метров — стали пробивать в скале колодцы вверх. Работа пошла втрое быстрее. Бригады вскоре соединились, и верхняя галлерея была готова.

Мы присвоили Василию звание ударника-изобретателя. А когда нам предоставили право послать своего представителя в составе делегации молодежи в Советский Союз, я настоял на том, чтобы этим делегатом был Василий. Он заслужил право увидеть, наконец, землю и людей, о которых он мечтал во сне и наяву. Но тут встретилось осложнение. Как только стало известно о моем предложении, молодежь запротестовала: Василий уже был в Советском Союзе, пусть теперь поедет туда кто-нибудь другой, это несправедливо!..

Положение спас сам Василий. Ни у кого не попросив разрешения, он поднялся на эстраду и стал каяться в своих прегрешениях.

— Товарищи!.. Товарищи!.. Прошу вас, выслушайте меня!.. Не протестуйте... Что я был в Советском Союзе и все прочее — это... это неправда, товарищи! Мне очень хотелось... Еще во времена фашизма... Однажды в тюрьме мне попал в руки путеводитель по Советскому Союзу с фотографиями. Вот там я и видел белые пароходы на Волге... Белые пароходы, товарищи!.. Вы можете проверить и убедиться, что я никогда не был в Советском Союзе. Понимаете, товарищи?

...Василий уехал с делегацией. Я был на аэродроме. Взревели моторы могучей советской птицы. Самолет набрал скорость и взял курс на север. Мы смотрели снизу на две красные звезды на крыльях и махали на прощанье рукой. Мы посылали в Советский Союз не только наших милых парней, но и свою любовь, свою готовность бороться за наше общее дело до последней капли крови...

Перевел с болгарского
С. ВОЛОДИН

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

Иван АРАМИЛЕВ

Рисунки О. Верейского

Тюха

Был июль — закрытый для охоты месяц. Я отдыхал в таежной деревушке на Уральском хребте. У Авдея Мироныча Лопатитина, где я квартировал, были четыре вогульские лайки.

Летом Авдей заведывал колхозной пасекой, зимою же возглавлял бригаду промысловых охотников. Хозяйка Пелагея Ниловна — добродушная толстуха с двойным подбородком — была звеньевой в бригаде огородников. К удивлению моему, я узнал, что в зимний сезон Пелагея тоже берет иногда ружьишко, идет в лес добывать белку.

Зимою собаки работали с полной нагрузкой, а летом отдыхали.

Старая Дамка и два ее трехлетних сына — Пыжик и Серко — статные кобели, похожие на волков, лениво бродили по усадьбе, грелись на солнышке, ловили друг у друга блох.

Тюхе, младшему сыну Дамки, исполнилось девять месяцев. Это был нескладный, голенастый щенок с широкою грудью, могучими лапами. Он умел открывать любую дверь, проникал в кухню, в погреб, в завозню — опрокидывал горшки с молоком и сметаной, лакал хозяйские щи, ел холодец, подбирал жареное и пареное.

Пелагея Ниловна выходила из себя от тюхиных проказ.

— Наказание господне! — ворчала она. — Чорт бы взял эту собачку!

— Ничего,— добродушно улыбался хозяин. — Котора собака вялая дома, от нее и на промысле толку мало. Озорная же себя оправдает. Я в Тюху верю!

Тюха скучал и томился. Старшие братья не хотели с ним играть. Позавтракав из корыта, он убегал в лес. Пелагея Ниловна притворно покрикивала ему вслед:

— Тюха! Сидел бы дома. Тебя, несмышленого, зайцы затопчут!

Он задорно гавкал в ответ.

Тюха облаивал белок, бурундуков. Авдей Мироныч к «практике» щенка относился равнодушно и даже поощрительно: «Пущай привыкает».

Иные дни Тюхе перепадало что-то в тайге. Он прибегал со вздутыми боками, тяжело сопя, и не глядел на овсянку в корыте.

Я подозревал, что пес лакомится нелетными рябчиками, глухарятами-поршками. В этом краю, где изобилье дичи, на собачьи шалости не обращают внимания. Мародерами, вроде Тюхи, даже гордятся: «Его и кормить не надо. Сам добывает!»

Однажды Тюха прибежал из тайги в полдень, чего никогда не случалось. Он как-то странно вертелся возле матери, умильно брехал, повизгивал. Дамка строго глядела на него, тоже тявкала. Пыжик и Серко стояли рядом, прислушиваясь, изредка взлаивали.

Я наблюдал за собаками. Казалось, Тюха докладывал о чем-то весьма значительном, а мать и братья не особенно верят ему. Они выведывают дополнительные подробности.

Раза два Тюха порывался бежать со двора, как бы приглашая за собою мать и братьев. Дамка рычала. Пыжик и Серко, рванувшиеся было за щенком, покорно останавливались. Тюха снова начинал тявкать, юлить.

Должно быть, он убедил Дамку. Она как-то по-особенному рыкнула, и все четыре собаки галопом помчались в тайгу. Тюха бежал впереди.

Скоро из леса донесся лай. Звонкое «сопрано» Дамки сливалось с гулкими басами ее сыновей. Тюха захлебывался от азарта, ломкий басок его переходил в истошный щенячий визг.

Авдей вышел на крыльцо, прислушался, погладил рыжую бороду и сказал:

— На зверя!

Он проворно сбегал в амбар, сунул в двустволку патроны с «жаканами», пристегнул к поясу охотничий нож, надел патронташ, пошагал в тайгу. Я взял ружье и пошел за ним.

Пелагея Ниловна полола в огороде капусту.

— И вас Тюха взбаламутил? — засмеялась она. — Не ходите, мужики. На куницу, поди, лают. Куниц-то не время еще бить.

Авдей махнул рукою, прибавил шагу.

Лай был серьезный, подогревал нас обоих. Мы уже не шли, а бежали, прыгая через валежины и мелкие кусты.

На полянке лежал медведь с вырванным боком. Прислонившись задом к медведю, сидела росомаха. Собаки не нападали на росомаху и не давали ей тронуться с места.

Я сразу отгадал стратегию Дамки. Вчетвером лайки, хорошо притравленные на зверя, одолели бы росомаху. Да ведь и она могла их поцарапать в схватке. Особенно молодого, неопытного Тюху. Дамка, искушенная в охотничьих делах, сообразила, что сегодня нет нужды рисковать. Надо вызвать хозяина. Пусть заговорит ружье!

И оно заговорило. Авдей с хода ударил по росомахе «жаканом», снес ей череп. Тюха будто ждал выстрела. Он прыгнул и впился в горло росомахе. Мы едва оттащили собаку от мертвого зверя. Дамка слизывала теплую кровь с головы росомахи, ласково-поощряющим взглядом смотрела на младшего сына.

Когда привезли в деревню добычу, я высказал хозяину свои соображения о собачьем разговоре. Авдей Мироныч сказал:

— А что думаете? Они во как понимают друг друга! Нынешний случай возьмем. Медведь подох, должно, от старости. К свежей туше подкатила росомаха. Давай жрать. Тюха это узрел. Нападать одному несподручно и оставить без вниманья зверей нельзя: не порядок! Он и припылил за подмогой. Не обскажи он, в чем суть, разве бы Дамка побежала за ним в тайгу?

Вечером хозяин растянул на пялах медвежью и росомашью шкуры. Мясо зверей засолили на корм собакам. Пелагея Ниловна, очень довольная, распустила на двойном подбородке сияние улыбки, сказала:

— Вот вам и Тюха!

Свадебный подарок

Ту осень я жил в дальневосточном колхозе «Свет коммунизма». Намечалась веселая комсомольская свадьба. Отец невесты давно умер, и меня пригласили быть посаженным отцом.

Я, человек не искушенный в свадебных тонкостях, спросил, какие же обязанности налагает эта традиционная роль. Ответили, что ничего особенного, просто я должен сидеть за столом, против жениха с невестой, и радоваться, но деликатно намекнули: не худо бы достать на свадебный пир кабарожьего мяса. Всего было вдоволь заготовлено, а кабарги на ужин как раз и нехватало.

Мне казалось, что самая главная обязанность посаженного отца — именно добыть кабарожку. Накануне свадьбы я рано утром вышел в тайгу и встал в засаду на кабарожьей тропе.

Текли часы, животные не проходили. Может, напугал их тигр, выгнал из долины за перевал, или что другое случилось, — не знаю.

Почему-то всегда так бывает: если дичь не особенно нужна, ее словно гонит кто на ружье, а подопрет нужда — тощую ворону не встретишь, ходишь в богатом лесу, как в пустыне, и диву даешься.

Солнце клонилось к западу, на деревьях бледнели золотистые блики, в низине поднимался редкий туман. Я проголодался, устал. Пора было идти к поселку. Но как пойдешь с пустыми руками, если жареная кабарга включена в меню свадебного ужина?

В лесу была тишина. Уссурийская тайга не бедна птицами, но в тот вечер все пернатые стрекуны и пискуны молчали. Треск сухой веточки заставил меня вздрогнуть.

Грациозная темнорыжая кабарожка выходила из кустов на тропу. Вот оно, охотничье счастье! И такой милой, хозяйственно обжитой показалась угрюмая тайга, где бродят по соседству с козами и оленями полосатые тигры и пятнистые барсы, с которыми не всегда приятно иметь дела.

«Будет жаркое на столе у молодых»,— подумал я, поднимая ружье.

Кабарожка, пощипывая ветки таволги, приближалась. Можно было стрелять, а я медлил: сегодня нельзя рисковать, нужен верный выстрел.

От напряжения рябило в глазах, я немного волновался. Вдруг серое пятно мелькнуло над тропой. Кто-то еще другой стерег кабаргу, прыгнул на нее с дерева. Донесся жалобный крик животного.

У меня дрогнуло сердце. Я торопливо спустил курок. Дым от черного пороха облачком встал над тропой. Я перезарядил ружье и кинулся сквозь это облачко.

На тропе лежала рысь. Картечина пробила ей голову навылет. Кабарге повезло: рысь, прыгнув с высоты, не сломала ей хребта, и картечь ее не задела. После выстрела она благополучно ушла. Я осмотрел след кабарожки. Крови не заметил.

Я уложил в рюкзак нежданную добычу, зашагал к дому. Сгущались сумерки над тайгой, молодая луна освещала путь. Приятно было идти в холодке, но неудача угнетала меня. Рысь хороша — ничего не скажешь. Да зачем она? Ждут жаркое, а я тащу несъедобного зверя!

Увидев рысь, мать жениха просияла.

— Какой зверь! — воскликнула она. — И как хорошо получилось! Кабарожку съели бы, и все. А из рыси молодые коврик сделают. Уж такой свадебный подарок, что лучше и придумать нельзя. Он много-много лет прослужит. Вот уж вам спасибо!

У меня отлегло от сердца. Я даже стал фантазировать. Представилось, что у молодых подрастет сын и спросит, где они взяли красивый пушистый коврик. А родители улыбнутся и ответят: «Коврик подарил нам в день свадьбы один добрый охотник».

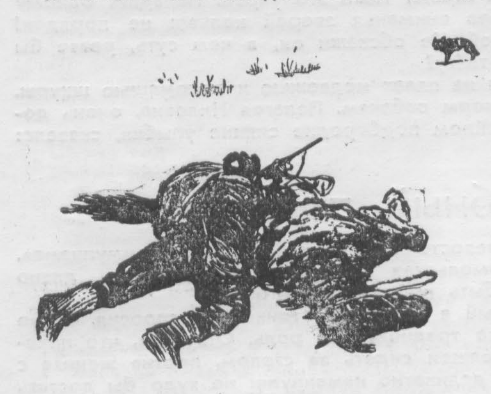
Меня, наверно, не будет в живых, а дети, играя на коврике, долго станут вспоминать обо мне. Разве это худо?

Подумав так, я повеселел и перестал сокрушаться, что рысь не сломала хребта кабарожке, а заряд картечи прошел стороной.

Берендей

Мне перевалило за пятьдесят, врачи обнаружили одышку, хронический ревматизм и другие «возрастные» болезни, при которых много ходить нельзя. Я же охотник, а охотника ноги кормят. Пришлось подумать о транспорте.

Я начал с велосипеда, испытал мотоцикл без коляски, мотоцикл с коляской и популярную везде «эмку». Чудесная вещь машина, пока исправна! К несчастью, она исправна не всегда. Почему-то капризы начинаются у нее именно в тот день, когда вам ехать на охоту в дальние места.

Чтоб отвинчивать и завинчивать гайки, прочищать маслопровод, налаживать сцепление и зажигание, надо иметь особый талант. Я им не обладаю.

У меня еще хватает, пожалуй, терпения заклеить или сменить проколотую покрышку, а отказал мотор,— я чувствую себя несчастным, совершенно падаю духом, сажусь в кузов и жду встречного или попутного шофера-благодетеля, который, ежели снизойдет, наладит мне машину.

На лесных дорогах шоферы попадаются редко. Ждать приходилось долго. Бывало и так: хлынет дождь, появятся лужи, трясины, исправная машина увязнет — и сидишь... Надо ждать перемены погоды. Солнышко подсушит землю — можно ехать.

Я брал в дорогу карандаши, бумагу. Случится авария, залезаю в кузов, пишу рассказы или критические статьи. Время даром не пропадало. В машине работается неплохо. Главное — никто и ничто не отвлекает: ни гости, ни телефонные звонки, ни заседания. Увлечешься, бывало, рассказом до того, что пропустишь хорошую погоду, забудешь, что надо ехать домой.

Однако все чаще и чаще стала одолевать меня мысль о живом тягле. Я променял «эмку» на Берендея. Это крупный рыжеватый дончак, старый кавалерийский конь, ветеран Отечественной войны, демобилизованный по возрасту. В колхозе он еще исправно таскал плуг, борону и возил воду для поливки огорода.

У Берендея гордая осанка лошади чистых кровей, которая знает себе цену. Я получил надежное и даже красивое тягло. Главная прелесть, может быть, в том, что тягло это не имеет карбюратора, не буксует в трясинах и лужах на лесной дороге.

Берендей — умный, сообразительный конь. Во всем, что он делает, чувствуется школа. Не даром старик прослужил в армии столько лет!

В редколесье я охочусь в конном строю. Берендей не боится выстрелов. Можно палить, положив стволы меж ушей коня, как на подсошки. Октав делает стойку. Я наезжаю, посылаю собаку вперед. Тетерева взлетают. Я делаю дуплет. Спешиваюсь, собираю дичь, сажусь в седло, еду дальше.

В густом лесу ездить трудно: ветки царапают лицо, срывают шапку. Я иду пешком. Берендей шагает за мною. Можно не оглядываться: конь хозяина не потеряет.

Иногда я наматываю повод на уздечку, отпускаю подпруги, оставляю Берендея покормиться на лесной поляне. Мы с Октавом обшариваем поблизости крепкие места, где отдыхают днем глухари. Потребуется тягло, даю два протяжных свистка: позывные. Раздается тяжелый топот, и Берендей, радостно пофыркивая, бежит ко мне. «Эмка», при всех ее добродетелях, на такие вещи была неспособна.

У нас есть голые озера: ни тростника, ни кустов по берегам. Осенью тут садится на кормежку пролетная птица. Осенняя утка осторожна. К ней не подойдешь, не подползешь. Берендей отлично помогает мне обманывать пролетных гостей.

В полкилометре от озера я спешиваюсь, бросаю повод на луку, укладываю собаку на долгое «даун!», иду рядом с конем, спрятав голову под крыло седла.

Берендей словно угадывает мой замысел. Медленно подходит к озеру, пощипывая траву. Он идет не прямо к воде, а как бы направляется мимо озера. «Пасущаяся» лошадь не смущает уток.

Так мы подбираемся к самому берегу. Я стреляю по табуну. На выстрелы мчится Октав, подает из воды птиц.

Соседи-охотники дивятся и завидуют мне. И как не завидовать! Я собираю щедрую дань с озер, недоступных никому.

Открывается охота по зверю — мы увольняем курцхаара Октава в запас. Нашим спутником становится неукротимый гончак Будило.

На полях и пустошах, поросших кое-где редким кустарником, мы гоняем русаков и лисиц. В поле Берендей просто незаменим. Я угадываю на чистине возможный лаз зверя, выезжаю на него, командую на ухо Берендею: «Ложись!». Он подгибает передние ноги, валится на бок и лежит мертво. Я прячусь за этим живым укрытием, ружье — на брюхе коня.

Зайцы и даже хитрые лисы не боятся конского «трупа», опрометчиво набегают на выстрел.

Иногда зверь делает большой круг под гоном или выходит на лаз на втором, третьем кругу. Долго приходится ждать. Берендей может простудиться на холодной земле. Я вожу в тороках соломенный матрасик, сделанный по росту коня, и на лежках подстилаю его под бок Берендея.

Забавно смотреть, как он, по-стариковски кряхтя, укладывается на соломенную постель. В глазах его признательность и немой укор: «Ну, зачем это, хозяин! На фронте и в воде приходилось лежать. Балуешь ты меня».

— Ладно, лежи,— говорю я. — Здесь не фронт. Надо беречь твои старые кости.

У ветерана мужественный, солдатский характер. Едешь лесом. Внезапно выскочит на тропу толстяк-енот или кургузый барсучишко. Другая лошадь захрапела бы, взвилась на дыбы, понесла. Берендей даже ухом не поведет. Он знает силу моего ружья. Верит в человека, сидящего в седле.

После выстрела рысью помчит к убитому зверю, остановится в двух шагах, повернет морду, скосит веселый глаз:

— Слезай, приторачивай добычу!

Старик уже забыл, что такое галоп и карьер. У него сохранились два аллюра: машистый шаг и умеренная рысь. Но все же он легко берет барьеры. Мы прыгаем через канавы, рытвины, речушки, высокие изгороди, и я не помню случая, чтоб мой конь споткнулся, уронил меня.

В лунные осенне-зимние ночи я расстилаю матрасик на снегу, невдалеке от опушки леса. Берендей лежит, изображая «приваду». Мы подманиваем голодных волков.

Порою волчица сядет в сотне шагов, поднимет морду к звездному небу и завоет. Прибылые подтягивают. Я давно привык слушать волчьи концерты, но каждый раз, когда завоют вблизи, мороз пробегает по спине. А «привада» моя лежит до того спокойно, что волосок не дрогнет!

Волки знают, как боятся их лошади, и потому, наверно, им в голову не придет, что на снегу разлегся и слушает унылую песню живой конь, а за брюхом коня-привады — человек с ружьем!

Ветеран любит музыку. И как любит! Если вечером проезжаешь мимо сельского клуба, где юные духовики тромбонят марш, лучше не натягивай повод, не давай шенкеля! Берендей закусит удила и потянет к клубу. Остановится под окном, опустит голову, слушает. Кончили играть — можно ехать дальше.

Однажды мы с Октавом проводили сложную операцию: выковыривали куропаток из оврагов. Конь был не нужен, и я по обыкновению пустил его покормиться.

Вблизи пролегала дорога. По ней везли на кладбище покойника. За гробом шел духовой оркестр. Увлеченный куропатками, я не обратил особого внимания на похоронную процессию.

Кончил охоту, даю позывные. Берендей не является на свист. Что такое? Я вышел на дорогу.

— Лошадь потеряли? — сказал пастушонок. — Ступайте на кладбище. За оркестром ушла. Ее хотели отогнать, да она не отстает...

Мои деревенские соседи — обстоятельные люди — до сих пор злорадствуют над тем, что я променял дорогую машину на старого мерина. Они считают меня простачком.

Знай они, как я доволен Берендеем, вряд ли у кого повернулся бы язык суесловить!

Берендей дорог мне. С ним я добываю больше птицы и зверя, нежели в молодости, когда сердце мое не знало одышки, ноги не уставали от ходьбы.

И все-таки... втайне я думаю о машине. Я уже познал ее горькую власть над человеком. Теперь я могу охотиться в радиусе трех десятков километров. «Эмка» понесет меня за сотни километров от дома. И какая скорость!..

Рыжик

Пастух Емеля принес пойманного им лисенка. Мы договорились о цене, и звереныш из сумы пастуха перебрался в мою избу. За две недели перед этим у меня ощенилась легавая Зента. Из шести щенков четыре подохли. Молока у Зенты было достаточно. Я подсадил к ней лисенка.

Приемыш сразу потянулся к сосцам. Зента обнюхала его, зарычала. Я погладил собаку, приласкал. Она успокоилась, допустила Рыжика пососать. Он сладко зачмокал, засопел от удовольствия и, наевшись, заснул у теплого брюха Зенты, рядом с ее сыновьями.

Все пошло хорошо. Лисенок рос, носился по избе, играл с молочными братьями. Зента облизывала Рыжика с такою же заботливостью, как родных сыновей.

Через два месяца я подарил щенков друзьям. Всю свою материнскую любовь Зента перенесла на приемыша. Ее заботы о нем были трогательны. Понимала ли она, что он чужой? Это собачья тайна, и она пока остается для нас загадкой.

Рыжик свободно ходил по саду, выбегал на улицу греться на солнышке. Деревенские шарики и барбоски пытались было погонять лисенка, Зента быстро отучила их обижать ее приемного сына.

Лисенок был до крайности сметлив. Дрессировать его — одно наслаждение. Осенью он задавил цыпленка. Я подвел его к этому цыпленку, погрозил плеткой, сказал: «Нельзя». Рыжик понял слово «нельзя» раньше, чем понимают его щенки в таком возрасте.

Немного спустя он опять вздумал пошалить. Забрался на колхозную птицеферму, задушил курицу и принес ее домой. Это уже раз-

Выставка в Броварах

Демонстрацию моделей пришлось перенести на площадь...

О предстоящей выставке моделей одежды в селе Бровары, районном центре Киевской области, колхозники впервые узнали из статьи в газете «Стахановец». Об этом же оповещали радиоузлы в колхозах, а подписчики вместе с газетами получили пригласительные билеты, в которых дирекция выставки обещала показать пятьсот новейших фасонов одежды для взрослых и детей.

В воскресный день, когда открылась выставка, в Бровары с утра шли колхозники, учителя, врачи, агрономы.

В помещении клуба собралось так много народа, что демонстрацию моделей пришлось перенести на площадь. Платья, пальто, детские вещи демонстрировались на живых моделях, художники и мастера давали объяснения. Для сельских портных, представителей швейных артелей это была подлинная школа.

Когда киевские художники-моделеры готовились к сельской выставке, перед ними возникли определенные трудности. Для них было ясно, что выходная, праздничная одежда крестьянина теперь ничем не отличается от платья горожанина; но какова должна быть производственная одежда? Костюм комбайнера, комбинезон тракториста, халаты для доярок, наконец, платье для полевых работ — все это должна быть удобная, добротная и вместе с тем дешевая одежда.

Вполне естественны были интерес и внимание, с какими моделеры прислушивались к многочисленным дельным замечаниям. Простой белый халат доярки неожиданно вызвал возражения: моделеры не учли, что одного кармана в халате недостаточно, не удобно сделаны и завязки. Девушки очень одобрили костюм комбайнерок, понравились образцы пестрых и темных платьев для работы в поле. В мужских комбинезонах потребители потребовали сделать больше карманов для инструментов, увеличить количество застежек.

Девушки зарисовывали понравившиеся нарядные платья, чтоб потом разъяснить фасон портнихе, местные мастера просили дать чертежи покроя костюмов, раскрыть «секреты» технологии.

А когда зрителям было объявлено, что модели можно купить, в течение двух — трех часов в кассе было пятьдесят тысяч рублей выручки.

Конечно, далеко не всем хватило экспонатов выставки, и администрация стала принимать заказы на копии моделей. При этом колхозники единодушно просили, чтоб ткань была самого высокого качества.

Выставка одежды для сельского потребителя — это первый опыт Министерства легкой промышленности УССР.

В этом году состоятся такие же выставки в одном из колхозов, у шахтеров Донбасса, на крупнейших заводах Киева.

Непосредственное общение специалистов-моделеров с колхозниками и рабочими обогатит их опыт, и надо думать, что на предстоящей в октябре всеукраинской выставке появятся модели, полностью удовлетворяющие вкусам потребителей.

Ф. ПЕЩАНСКАЯ

бой! Я задумался. Как теперь быть? Держать лисовина в клетке? На привязи?

Ко мне пришла заведующая фермой Анна Михайловна. Добрая женщина была в гневе.

Рыжик смотрел на нее и на меня виноватыми, испуганными глазами.

— Что с тобою делать, охальник? — строго вопрошала Анна Михайловна, размахивая у него под носом мертвой курицей. Станешь по одной в день таскать, — за год что от фермы останется?

Помолчав, она добавила:

— Посажу-ка его к петухам Прошке и Антошке. Они злые-презлые. Они ему живо глаза выклюют!

— Придется, видимо, к петухам, — сказал я.

Рыжик виновато махал хвостом.

Я уплатил за курицу и, проводив Анну Михайловну, решил: «Еще раз повторится такая история, приму крутые меры».

Мер не потребовалось, потому что с того дня навсегда кончились «шалости» Рыжика с домашними и колхозными курами.

Мне пришла мысль приспособить лисенка для охоты.

«Удастся опыт, — думал я, — получу собаку исключительную. Не удастся — беда невелика. Чем же я рискую?»

В июле я стал натаскивать Рыжика по перепелам и серым куропаткам. Лисенок работал превосходно. Какая потяжка! Причуяв дичь, он не бежал прыжками, как молодые собаки, и даже не шел, а почти полз по траве. И не ковырялся в набродах, чтоб распутать следы. Великолепное верхнее чутье вело его прямо к затаившейся птице.

Стойку он делал накоротке, прыгал на птицу без команды. Я удлинил стойку, приучил его поднимать дичь по команде «Вперед!» Одного не удавалось добиться от способного ученика: после взлета Рыжик несся за птицей, гонял ее долго. Это собакам не положено. Впрочем, я не терял надежды, что удастся отучить лисенка от гоньбы.

Открылась охота по перу. Мы пошли на озера. Я ударил по табуну высоко летящих чирков. Утка упала в воду. Зента поплыла за птицей. Рыжик беспокойно метался по берегу и повизгивал. Несколько раз он пытался войти в воду, но, замочив передние лапки, поворачивал обратно.

Когда была убита третья утка, я придержал Зенту, послал Рыжика. Неохотно он прыгнул в озеро, поплыл и подал мне добычу. В награду я дал ему кусочек мяса, приготовленный заранее, чтобы поощрять хорошую работу.

Дело пошло на лад. После выстрела Рыжик и Зента наперегонки плыли за птицей, дружно аппортировали. Я глядел на них и радовался.

Иные наши охотники имеют дурную привычку выходить на утиную охоту с гончей собакой. Это мне ужасно мешало. Гончаки приметят Рыжика, завопят, зальются, как оглашенные:

— Лисица на заливе! Ай-ай-ай! Какое безобразие! Ай-ай-ай! Хватай, братцы-сестрицы! Ай-ай-яй!

Я дую в свисток. Зента схватится с одним дурнем, а два — три скачут к Рыжику. С гончими шутки плохи. Рыжик летит ко мне, прядет ушками, машет хвостом: «Спасай!». Я посажу его в заплечный рюкзак, отбиваюсь от гончих прикладом.

Рыжик сидит в мешке, как в крепости. Высунет морду в дырочку, посмеивается над злыми собаками: «Чудаки лопоухие! Разве хозяин даст меня в обиду?».

Отбив нападение, мы снова принимаемся за свое дело. На утиной же охоте случилось маленькое происшествие. О нем стоит сказать. Раненая утка-шилохвость упала очень далеко, почти на середине большого озера, где возвышался крохотный островок.

Я послал Рыжика. Он подплыл к утке, принял ее в зубы, выбрался на островок и принялся завтракать. Он спокойно уплетал сбитую мной утку! Сущее мародерство, неуважение к хозяину! И, главное, чревато последствиями! Ведь лиха беда начало. Если Рыжик пристрастится лопать добычу, что же из него выйдет? Возмущало меня еще и то: лисовин не был голоден. Утром я накормил его и Зенту доотвала. Чего же ради он польстился на утку?

Я свистел, вызывая Рыжика на берег. Он слышал позывные и продолжал грызть утку. Я послал за ним Зенту. Она подплыла к островку, отняла у лисовина остатки птицы, прыгнула в воду. Рыжик плыл за ней...

На берегу я долго «распекал» Рыжика. Он виновато помахивал пушистым хвостом, просил прощения, лизал мне руки. Всем своим поведением он говорил: «И сам не понимаю, как это случилось, хозяин! Больше не буду!». Я простил его, и это действительно не повторилось. Рыжик постепенно осваивал «технику» утиной охоты, становился таким же дельным помощником, как Зента.

Первые успехи вскружили мне голову. Мысль моя вознеслась высоко. Я уже предвидел день, когда приглашу кинологов, покажу им работу Рыжика:

— Новая порода охотничьей собаки. Прошу любить и жаловать.

Надо было испытать Рыжика на боровой дичи. Я начал с уток, потому что там вся работа лисовина была на виду. В лесу же труднее следить за поиском, стойкой.

Теперь, казалось мне, совершенно безопасно пустить лисовина по тетеревам. Мы отправились в лес. Сперва Рыжик бегал рядом с Зентой, затем куда-то исчез.

Я давал позывные. Лисовин не шел на свисток.

— Зента, Рыжик пропал! Ищи Рыжика!

Собака знала эту команду. Так мы часто играли на усадьбе. Лисенок прятался в копнах соломы или в бурьяне, и Зента отыскивала его.

...Минут через десять послышался лай Зенты. Я пошагал на голос. Собака стояла у входа в жилую лисью нору, отрызисто и сердито тявкала. Временами лай переходил в растерянный визг.

«С ума спятил, дурашка! — корила она приемыша. — Выходи скорее!».

Мне стало все ясно. Зов предков увлек Рыжика в подземное логово. Он слышал голос «матери» и не отзывался. Ему было хорошо и уютно в норе. Значит, то древнее, что проснулось в нем, было сильнее привязанности к собаке-воспитательнице, к человеку-хозяину.

На всякий случай я дунул в свисток. Лисовин не выходил. Со мною не было ни топора, ни лопаты, чтобы откопать предательскую нору. Да и какой смысл копать? Разве поправишь непоправимое?

Я отозвал собаку, двинулся к дому. Зента дважды поворачивала назад, жалобно тявкала там, где остался ее непутевый «сын». Как не хотелось ей возвращаться без него в деревню! Слезы, крупные чистые слезы катились из собачьих глаз.

Была еще маленькая надежда: Рыжик опомнится и, проголодавшись, вернется на второй или третий день.

Рыжик не вернулся.

Мы с Зентой попрежнему охотимся в том лесу. Иногда я даю резкие позывные, останавливаюсь. Мне думается, лисовин выбежит из кустов, радостно прыгнет на грудь.

Зента стоит рядом и ждет. В добрых глазах ее напряжение, боль.

— Рыжик! — зову я.

Никто не отзывается. Тишина...

Под степным солнцем

С героем новой повести П. Павленко, десятилетним Сережей Емельяновым, мы знакомимся в тяжелую пору его жизни. Несколько дней тому назад умерла его мать. И все вокруг сразу стало холодным, неустроенным, неприветным. «С мамой все как-то было гораздо милее и интереснее, без нее многое совсем не привлекало Сергея». Его маленькая душа сжалась от горя, наполнилась тоской и тревогой.

Все это хорошо понимает его отец, шофер Андрей Емельянов. Но у него нет еще пока готового решения: как сделать так, чтобы жизнь снова ласково улыбнулась его сынишке.

Как раз в это время Андрею предлагают поехать с автоколонной в степь, на уборочную. «Новые места, новые люди, напряженный темп жизни»,— думает он и решает поехать, захватив с собой сына.

И вот мы отправляемся с Сережей Емельяновым в его первое путешествие.

Помните, как шестьдесят лет тому назад путешествовал по степи сережин погодок, чеховский Егорушка? Неоглядная степь равнодушно поглотила его, растерянного и беспомощного, и все вокруг в бескрайних просторах, замерших под гнетом иссушающего солнца, было полно такой неизбывной грусти, такой невыразимой печали... «Где-то неблизко пела женщина, а где именно и в какой стороне, трудно было понять. Песня тихая, тягучая и заунывная, похожая на плач и едва уловимая слухом, слышалась то справа, то слева, то сверху, то из-под земли, точно над степью носился невидимый дух и пел. Егорушка оглядывался и не понимал, откуда эта странная песня; потом же, когда он прислушался, ему стало казаться, что это пела трава; в своей песне она, полумертвая, уже погибшая, без слов, но жалобно и искренно убеждала кого-то, что она ни в чем не виновата, что солнце выжгло ее понапрасну; она уверяла, что ей страстно хочется жить, что она еще молода и была бы красивой, если бы не зной и не засуха; вины не было, но она все-таки просила у кого-то прощения и клялась, что ей невыносимо больно, грустно и жалко себя...»

Вокруг Сережи Емельянова та же степь, то же жестокое солнце, тот же исступленный зной. Но жизнь на этих просторах, под этим солнцем иная, наполненная счастьем кипучего, созидательного труда. И оттого, что вся степь вокруг Сережи, куда ни кинь взгляд, полна движения, полна увлеченно работающих людей, кажется, что и она сама стала другой — ласковой, изобильной, щедрой. Поэзией радостного, победоносного труда напоена она теперь, и Павленко с покоряющим лиризмом и реалистической наглядностью передал это в своей повести.

Писателю очень удались описания могучей и щедрой крымской природы. Его пейзажи красочны, согреты живым поэтическим чувством. Но еще лучше удались ему советские люди, многолико обступающие Сережу. Вместе со своим отцом он переезжает из колхоза в колхоз, и всюду его встречают люди, радостно поглощенные своим трудом, сердечные и внимательные.

Эта атмосфера дружной, кипучей, созидательной деятельности невольно захватила мальчика, отвлекая его от горестных воспоминаний. Он чувствовал, как «жизнь входила» в него «широким, как степь, раздольем». Сперва оробев перед новыми впечатлениями, он потом упоенно отдается им. Жизнь степи становится как бы его собственной жизнью, и душа его наполняется интересами, которыми живут его новые друзья: тетя Саша, красавица Муся, пионерский вожак Яша Бабенчиков. «Что-то новое, сильное, совсем уже не мальчишеское, только не нашедшее пока своего проявления, росло и крепло в нем»,— пишет Павленко.

История духовного формирования Сережи под влиянием колхозной действительности рассказана Павленко с большой психологической чуткостью, с тонким пониманием своеобразного внутреннего мира мальчугана. Все движения его смелого и отзывчивого сердца прослежены писателем с удивительной проникновенностью. И поэтому, когда секретарь райкома партии с удовлетворением восклицает, говоря о Сереже: «Смотри, пожалуйста, какой замечательный большевичок растет!»,— читатель воспринимает это вовсе не как шутку.

Степь, изображенная Павленко, населена людьми, типичными для нашего общества,— людьми чистой и ясной души, горячо любящими свое дело, умеющими работать увлеченно и споро. Большие и маленькие, молодые и старые, все они составляют единый, нерасторжимый коллектив, всех их — без различия возраста — объединяет глубокое чувство патриотического долга. Это чувство стало как бы их второй натурой. Их труд глубоко сознателен, согрет ясным пониманием цели. Это одинаково можно сказать и о передовиках уборки, уверенно борющихся за первое место в районе, и о пионерах Яши Бабенчикова, собирающих на колхозных полях колоски. Для всех них труд — счастье, в котором находят свободное проявление их лучшие способности и духовные запросы.

Партия обеспечила труд колхозников, дав им в руки машины. И в повести Павленко машина — не только простой компонент сельскохозяйственного пейзажа, но прежде всего свидетельство мощи колхозного строя, доказательство высокой материальной культуры, достигнутой советской деревней. Интересно говорит об этом старик-полевод. «Я, в основном, городской человек,— признается он Андрею Емельянову,— но повлекло меня в деревню не что иное, как машина. Тогда еще только-только трактора появились. Увидал я их в работе — и все в городе бросил. Это, думаю, что ж такое? Это ж переворот истории! Какое ж это земледелие, а? Это ж индустрия! И какие тут могут быть мужики!».

И Павленко действительно показывает, что труженики колхозных полей уже ничем не напоминают мужиков старой, отсталой деревни. Наука, социалистическая культура пришли в колхозы, и когда мы слушаем, например, с каким подъемом и глубоким пониманием говорит о перспективах родной степи рядовая колхозница тетя Саша или как по-хозяйски обсуждают дела своих колхозов деревенские ребятишки, нам ясно становится, какого высокого уровня культурного и идейного развития достигли советские крестьяне.

Заслуга Павленко в том и состоит, что он с подкупающим увлечением и любовью передал в своей повести эти новые приметы колхозной деревни. Несмотря на маленький объем, его повесть богата жизненным содержанием, насыщена интересными и выразительными наблюдениями. Так же, как и в предыдущей своей книге, в романе «Счастье», Павленко выступает в «Степном солнце» как художник, остро чувствующий красоту социалистической действительности. Под его пером простые, будничные картины колхозного труда раскрываются в своем истинном, волнующем и благородном содержании.

И если есть в чем упрекнуть писателя, то только в излишней лаконичности. Жизнь раскрывается в этой повести преломленной через восприятие Сережи Емельянова, и каждое новое событие, каждый новый персонаж интересуют писателя прежде всего постольку, поскольку они вступают в соприкосновение с внутренним миром его маленького героя. В пределах этого замысла все персонажи и все эпизоды в повести развиты превосходно. Но люди, с которыми знакомит читателя Павленко, так симпатичны, их дела так волнующи, что они невольно начинают интересовать нас сами по себе, а не только в связи с их отношениями с Сережей. Мы хотим больше, подробнее, многостороннее постигнуть жизнь этих людей, но писатель ограничивает нас в этом желании.

Впрочем, как мы видели, он все же очень многое успел рассказать в своей повести. И, закрывая ее, мы еще долго сохраняем волнующее воспоминание о той прекрасной, деятельной, радостной жизни, которая кипит под жарким степным солнцем на необозримых просторах колхозных полей. «Прощай, степь! — говорим мы вместе с Сережей. — Прощай, до новой встречи!»

Евг. СУРКОВ

П. ПАВЛЕНКО. «Степное солнце». Повесть. Детгиз. 1949 г. 78 стр. Цена 3 р. 30 к.

«Мы вернемся за подснежниками»

Имя Жана Лаффита хорошо знакомо советскому читателю по его первому роману «Живые борются».

Лаффит — французский рабочий, коммунист, активный участник движения Сопротивления, находившийся долгое время в лагерях смерти Маутхаузен и Эбензее, — в этом первом романе дал превосходную картину борьбы лучших людей французского народа с фашистскими насильниками и предателями Франции.

Повесть «Мы вернемся за подснежниками» посвящена той же теме борьбы французских патриотов.

Сюжет повести основан на достоверном событии и разработан автором с целью разоблачить подлые измышления деголлевцев.

Реакционеры Франции пытаются всеми средствами опорочить движение Сопротивления и возвысить заслуги деголлевцев, которые на самом деле противодействовали освободительной борьбе истинных патриотов. Одним из примеров, свидетельствующих о попытках деголлевцев показать себя освободителями Франции, явилось лживое заявление деголлевского полковника Реми по поводу взрыва радиомачт в Сент-Ассизе.

Взрыв мачт радиостанции, обслуживавшей военный флот фашистской Германии, был совершен коммунистами. Реми же нагло заявил в реакционном журнале «Карфур», что это совершили деголлевские парашютисты, присланные из Лондона.

Жан Лаффит, близко соприкасавшийся с действительными участниками взрыва мачт, создал свое новое документальное произведение, которое блестяще опровергает басни деголлевских лжецов и воссоздает одну из замечательных страниц деятельности французских коммунистов.

Книга Лаффита — правдивое, глубоко искреннее повествование. Передовая французская критика, отмечая огромный успех книги, справедливо утверждала, что «талант Лаффита сказывается в его постоянном стремлении к точности»; что его новая книга «обладает силой убеждения и пропаганды», ибо в ней правда жизни.

Герои повести — парижские рабочие: Рэймон, Виктор, Жежен, Мишель. Под видом рыболовов они проникают в зону расположения мачт, строго охраняемую немецкими часовыми, и взрывают мачты. Вся группа затем оказывается арестованной по вине одного — струсившего Армана.

Находясь в тюрьме, коммунисты мужественно переносят все пытки. Их сильная воля и твердая убежденность в правоте своего дела вызывают чувство гордости за коммунистическую партию, воспитавшую таких людей.

Вера в победу не оставляет коммунистов. В тюрьме Рэймон, руководитель группы, думая о жене, вспоминает, что они не однажды весной собирались сходить за подснежниками, но эту прогулку так и не удалось совершить. В письме, которое удается переслать жене, Рэймон пишет: «Дорогая моя, нас увозят в Германию. Все товарищи, которых ты знаешь, едут вместе со мной, и все хорошо себя чувствуют. Не беспокойся, будущей весной мы поедем за подснежниками. Заботься о нашем сыне. Целую и люблю вас обоих. Мы победим. Мужайся».

Французские коммунисты жаждали возрождения Франции. Их не покидала уверенность, что Советская Армия разгромит фашистские войска, приблизит час освобождения Франции. Но нельзя не вспомнить горькие слова Луи Арагона о плодах победы, которыми не удалось воспользоваться французскому народу... «мечты наши, чудесные наши мечты тех черных дней, оказались при ярком свете сегодняшнего дня всего лишь иллюзиями... торговцы людьми продали за тридцать сребреников «плана Маршалла» французскую родину».

Повесть Лаффита показывает, как сразу же после освобождения Франции от гитлеровцев деголлевские молодчики с помощью англичан начали борьбу с теми, кто жертвовал собой ради спасения страны. Деголлевской контрразведке было поручено «проверять личность» истинных и верных сынов французского народа.

Свора клеветников во главе с политическим проходимцем — авантюристом Андре Мальро с давних пор практиковалась на фальсификации образа коммуниста. Новое произведение Лаффита так же, как и его роман «Живые борются», воссоздает подлинный образ коммуниста, человека, который беспредельно любит свою родину, предан партии и народу, готов к борьбе до полной победы.

«Они — новые люди, — писала о героях повести французская газета «Ле леттр франсэз», — у них всех есть нечто общее — их качества коммунистов».

Книга Лаффита — незаурядное явление в демократической французской литературе. Жан Лаффит вместе с Луи Арагоном, Жоржем Коньо и другими передовыми художниками Франции своими произведениями разоблачает предателей французского народа. Изображая борющуюся Францию, они показывают подлинных ее героев — французских коммунистов. Они наносят удар клеветникам, пытающимся опорочить движение Сопротивления и коммунистов. В этом актуальность и значительность повести «Мы вернемся за подснежниками».

В. НИКОЛАЕВ

ЖАН ЛАФФИТ. «Мы вернемся за подснежниками». Повесть. Перевод с французского. Издательство иностранной литературы 1949 г. 191 стр. Цена 6 р. 30 к.

Коротко о новых книгах

НОВАТОРЫ РУССКОГО ФЛОТА. Сборник статей. Военное издательство Министерства Вооруженных Сил Союза ССР. 1949. 142 стр. Цена 2 р. 25 к.

Издатели предупреждают, что сборник рассчитан на советскую молодежь. Но круг читателей, которых могут заинтересовать жизнь и труды выдающихся русских флотоводцев, гораздо более широк и независим от возраста.

Сборник знакомит нас не только с флотоводцами, но и с русскими моряками — учеными и изобретателями, создавшими новые типы кораблей, построившими первый в мире самолет, сконструировавшими артиллерийские орудия, открывшими радио.

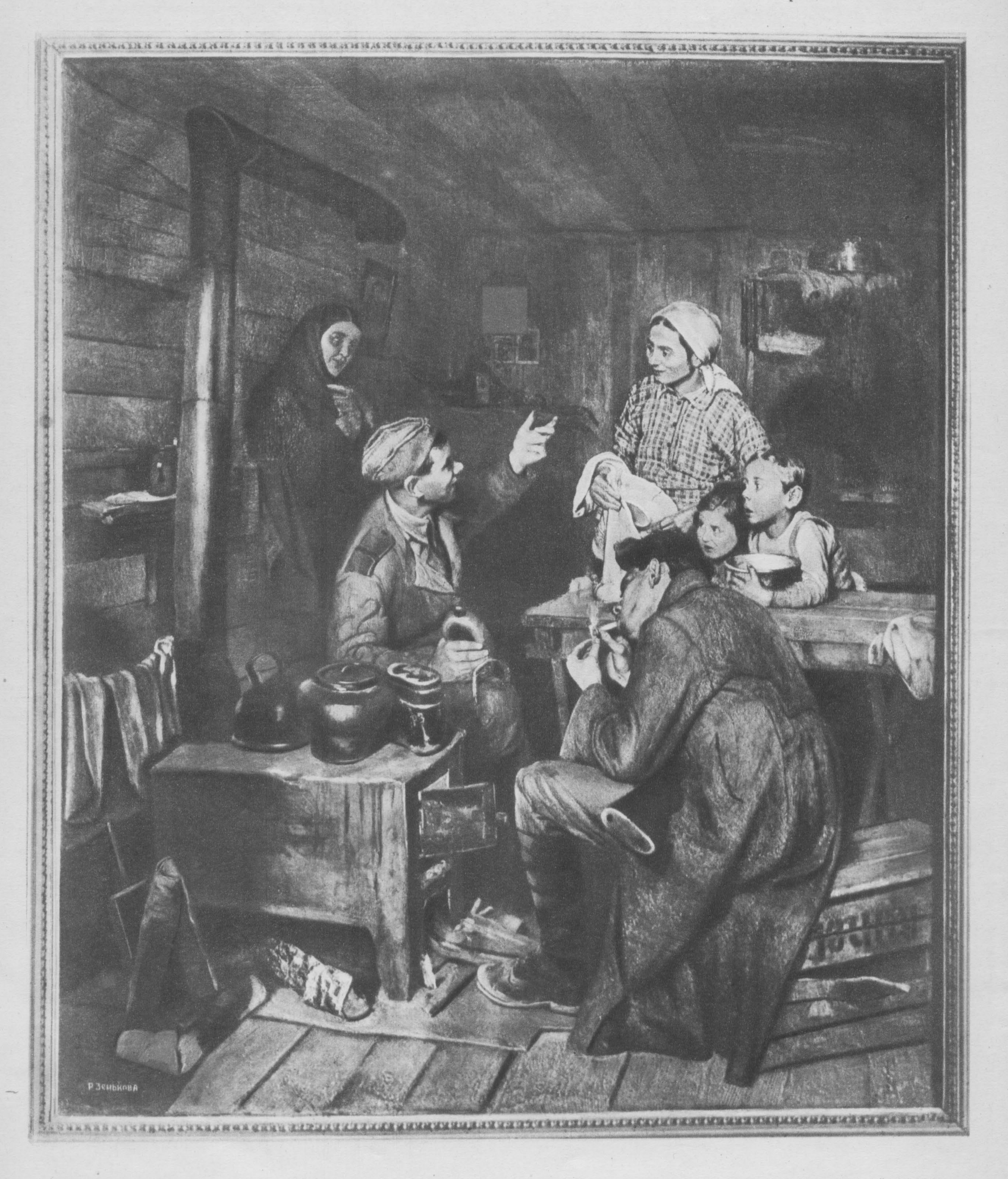
ПРАВДА О ВЬЕТ-НАМЕ. Перевод с французского. Вступительная статья В. Васильевой. Издательство иностранной литературы. 1949. 167 стр. Цена 8 р. 40 к.

Впервые этот сборник вышел в прошлом году в Париже. Прогрессивная французская журналистка Андре Виолис открывает его рассказом о страданиях народа Индо-Китая, свидетельницей которых она была в начале 30-х годов. Профессор Буайе помещает в сборнике очерк с краткими сведениями по истории и экономике Вьет-Нама. Жан-Ован рассказывает о шестидесяти годах борьбы аннамитского народа за национальную независимость. Сборник знакомит также с большой созидательной работой молодой республики в условиях вооруженной борьбы против французских империалистов.

Знатная ткачиха «Трехгорки» Александра Штырова.

Фото Евгении Игнатович

Худ. Р. Зенькова.

НА ОСВОБОЖДЕННОЙ ЗЕМЛЕ
(Мастерская профессора Б. Иогансона).

Выставка молодых

Е. ВУЧЕТИЧ,
член-корреспондент Академии художеств СССР

Художественному образованию в нашей стране уделяется много внимания. Еще в прошлом году этому вопросу специально была посвящена вторая сессия Академии художеств СССР. На ней говорилось о том, что из стен институтов выходят слабо подготовленные художники. Забываются лучшие традиции русской педагогической системы обучения рисунку, то есть того фундамента, на котором зиждется изобразительное искусство. Эти традиции восходят к К. Брюллову, А. Иванову, к блистательному педагогу П. Чистякову.

На сессии Академии художеств СССР существующая практика преподавания подверглась жесткой заслуженной критике. Было решено произвести обновление профессорско-преподавательского состава, реорганизовать систему преподавания рисунка. Основой занятий провозглашен реалистический метод, а порочные формалистические установки на самодовлеющую «живописность» и «пластичность» отвергнуты, как чуждые советскому искусству.

Прошел год. И вот открылась выставка учебных и дипломных работ учащихся Московского и Ленинградского художественных институтов. Это первый смотр и нового преподавательского состава и нового метода обучения.

Д. Афанасьев (средняя художественная школа при Институте имени Репина. Ленинград). «Пейзаж».

Конечно, за такой короткий срок не искоренишь того, что насаждалось годами, но на новом пути уже достигнуты немалые успехи.

Из дипломных работ молодых ленинградцев мне хотелось бы выделить картину Р. Зеньковой «На освобожденной земле» (мастерская Б. Иогансона). Скромен и непритязателен сюжет этого полотна: бойцы рассказывают освобожденным жителям о боевых делах. Но сколько любви и большого душевного понимания вложила художница в свое повествование!

В этой картине чувствуется влияние передвижников. Но это влияние не идет по внешней сюжетно-бытовой линии. В картине сказалось стремление художницы к законченности, к завершенности деталей. И мастерски написанные детали не только не заглушают основную мысль, но помогают ее более глубокому раскрытию.

Некоторые дипломные работы говорят о том, что в ряды советских художников пришло неплохое пополнение. Но самое интересное на выставке — отнюдь не дипломные произведения. Значительно важнее обыкновенные учебные работы — рисунки натурщиков, слепки рук и т. д.

И не случайно посетители выставки говорят о том, что дипломанты рисуют хуже учащихся младших курсов. Мы тоже скажем: верно, хуже. И причина кроется в том, что нынешним дипломантам не посчастливилось заниматься по новой системе.

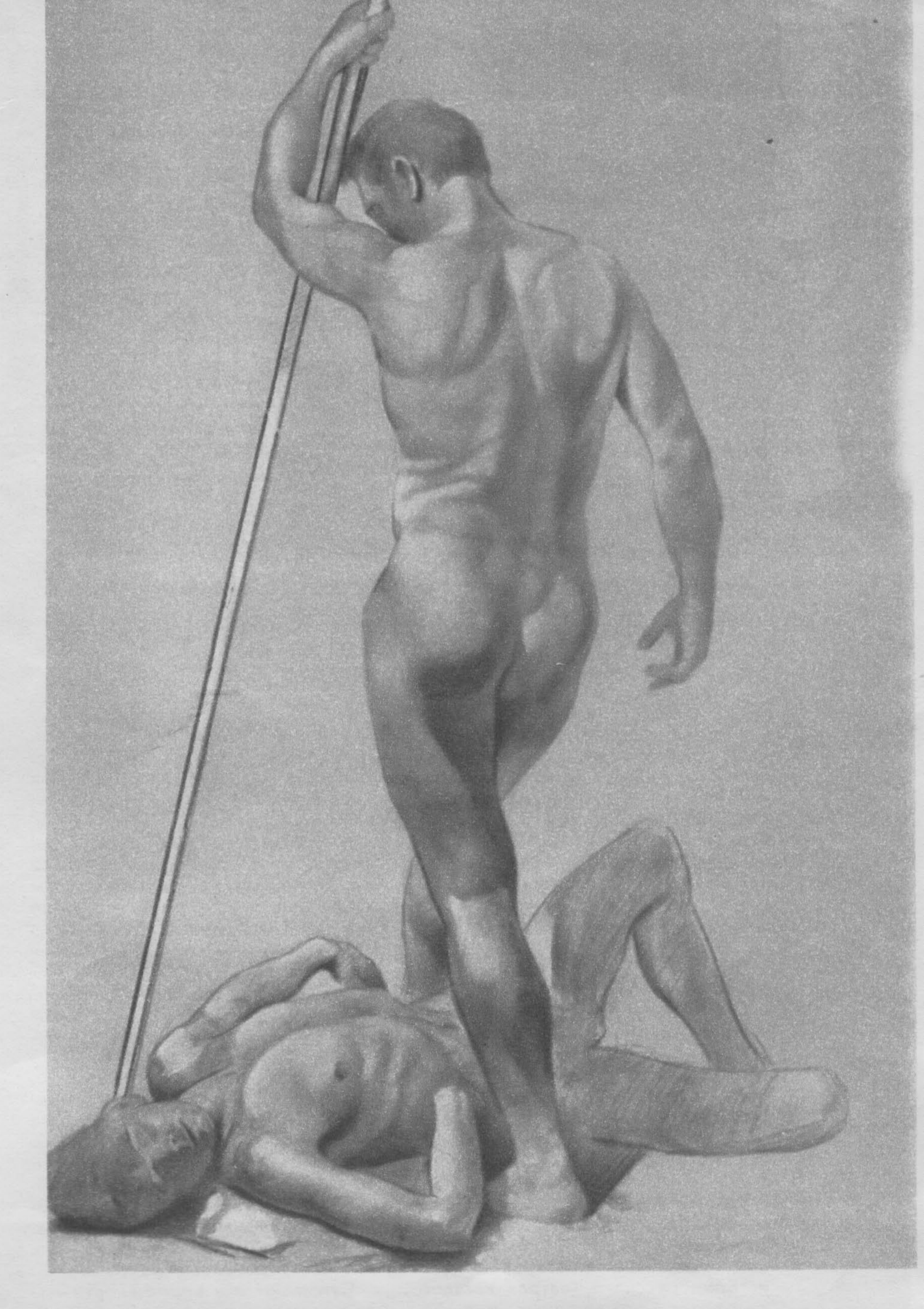
В качестве примера можно привести ряд картин дипломантов, увлекшихся ложно понятой живописностью, не уделивших нужного внимания рисунку, форме и потерпевших вследствие этого неудачу.

Значительный интерес представляют учебные рисунки, показанные студентами Д. Жилинским, В. Лойко, П. Корниенко и другими.

Рисунок Жилинского красной сангиной «Два натурщика» (руководитель — А. Грицай), к сожалению, неоконченный, показывает упорное изучение формы, знание анатомии и перспективы, уменье тщательно отработать детали и вместе с тем не только сохранить свежесть рисунка, но и обобщить детали в цельный образ.

Ученики художников В. Ефанова, П. Малькова, В. Яковлева, А. Соловьева—в Москве, Б. Иогансона, Г. Павловского, А. Ефимова, Ю. Непринцева — в Ленинграде радуют отличной профессиональной техникой.

Интересный опыт провел Московский институт нынешним летом. Группа учащихся под руководством Я. Ромаса и П. Малькова ездила в Переяславль-Залесский и здесь работала над

Д. Жилинский (Институт имени Сурикова. Москва, мастерская В. Яковлева). «Два натурщика» (нижняя фигура не окончена).

композиционными эскизами и картинами. Эта попытка с первых же курсов приучить студентов к самостоятельному творчеству в значительной степени себя оправдала. Незаурядны эскизы В. Медведева «Жатва», М. Анчарова «Сын рыбака», И. Игнатьева «Перекур».

Восхищение посетителей вызывает зал, где экспонированы произведения учащихся средней художественной школы при Ленинградском институте имени Репина. Работы юных художников (преподаватели — Н. Андрецов, Г. Рысина, В. Горб, В. Подковырин, Л. Шолохов, М. Перепелкина, М. Козелл, А. Кузнецов и другие) отличаются живостью и четким рисунком.

Многие школьные работы могут конкурировать с произведениями учащихся институтов. Если попытаться проанализировать успехи молодых рисовальщиков, то прежде всего надо обратиться к одному яркому факту — некоторые из преподавателей школы учились в свое время у И. Бродского, мастера-реалиста, ученика И. Е. Репина. Налицо преемственность реалистических традиций русской школы. К ней-то и нужно отнести успехи ленинградцев.

В заключение несколько слов о скульптурных произведениях. Среди дипломных работ выделяется отличная статуя П. Бондаренко «Богдан Хмельницкий» (мастерская блестящего художника и педагога В. Лишева). Бондаренко — одаренный художник, умеющий выразить свою мысль в ясной пластической форме.

В отдельных учебных работах радует упорное штудирование натуры. Но вот дипломная статуя «Непокоренная» А. Протопопова. В ней нет ничего от жизни, все из головы, все от фантазии.

Такие работы на выставке, к счастью, единичны. Мне кажется, что сегодня в наших учебных заведениях твердо принимают за основу мысли, высказанные П. Чистяковым:

«Гоняться за эффектом, за тем, что не есть суть, а наносное, — не высоко. Колорит не есть тот поверхностный блеск красок, неразлучный со свето-тенью. Сущность колорита состоит в умении угадать краски, из которых состоит данный цвет».

И наконец:

«Без идеи нет высокого, поэтому все — краски, свет и прочее, должны быть подчинены смыслу...»

Отблески ТЕАТРА

Н. ВОЛКОВ

Уголок А. Н. Островского в Ленинградском театральном музее.

У последнего директора императорских театров Теляковского была отличнейшая квартира, просторная, удобная и притом в самом центре Петрограда, как раз «за спиной» нынешнего Пушкинского (тогда Александринского) театра. Семнадцатый год дал чистую отставку директору; пришлось покинуть и роскошные казенные аппартаменты. И вот теперь в этих комнатах, похожих на залы, разместился Ленинградский театральный музей.

По своему возрасту он младший брат Московскому центральному театральному, «бахрушинскому» музею, которому в этом году исполняется 55 лет. Но и у «ленинградца» солидный стаж. Ему перевалило за 30. Он был основан в первые годы Великого Октября.

Впрочем, у ленинградского театрального собирательства есть своя небезынтересная предистория. Еще в 1891 году был издан под названием «Материалы для истории русского театра» каталог портретов, помещенных в фойе Александринского театра. Каталог этот составил и самые портреты собрал Иван Горбунов, артист русской драматической труппы, тот самый Иван Федорович Горбунов, который прославился своими колоритнейшими юмористическими рассказами, до самых последних лет исполняемыми Иваном Михайловичем Москвиным.

Однако после Горбунова, являвшегося подлинным знатоком русской театральной старины, театральное собирательство в Петербурге не выходило за рамки любительского коллекционирования и не имело общественного значения. Никто из тогдашних коллекционеров не обладал размахом москвича Бахрушина, имя которого по справедливости присвоено основанному им музею.

И все же ленинградские музейные работники за сравнительно короткий срок сумели наполнить до краев свой «сундук». Как трудолюбивые пчелы, несут они в свой театральный улей все, что относится к прошлым дням русского театра и к советской театральной современности: афиши и программы, макеты и эскизы, фотоснимки актеров и мизансцен.

Все это в конце концов и дало возможность развернуть сейчас в музее выставку по истории русского драматического театра — от его истоков до наших дней. Посетитель музея, проходя по анфиладе зал, как бы совершает путешествие на машине времени. Только что он был в XVIII веке, а переступил порог — и перед ним XIX век, и с каждым шагом мелькают годы и десятилетия, как «версты полосаты». И вот незаметно для себя он уже среди тех спектаклей, которые видел сам и которые нашли свое отражение в экспозиции самого музея.

Надо заметить, что театральная экспозиция — вещь весьма и весьма сложная, и не только научно-методологически. Выставляются не самые «спектакли», а их отражения и изображения. А ведь далеко не все изображено и отображено, не все даже и в наши дни заснято, наконец, не все заснятое выпукло и выразительно. Отдадим должное московскому и ленинградскому музеям. Они умеют путем изобретательного использования материалов показать значительность и яркость того или иного театрального факта.

Суживают эти возможности музея размеры площади. Как ни обширна была директорская квартира, ленинградскому музею в ней тесновато. И потому много эскизов, гравюр, литографий и т. п., дожидаясь выхода на белый свет, хранится в «запасниках».

В летние месяцы у музея есть «отдушина». Как раз наискосок, у самого Невского, в тенистом саду отдыха стоит павильон, сооруженный знаменитым зодчим Росси. Тут время от времени музей и устраивает специальные выставки, приуроченные к той или иной знаменательной дате или юбилею.

Вот исполнилось в прошлом году столетие со дня кончины Белинского, и на стендах павильона ожила театральная жизнь 30-х и 40-х годов прошлого столетия. И рядом с великим русским критиком появились герои его пламенных статей: мягко улыбающийся Щепкин и русский Гамлет—Мочалов. А в этом году в пушкинские дни открылась выставка «Пушкин и театр», и в течение каких-нибудь 20—30 минут можно было воочию увидеть, как огромен вклад величайшего поэта в драматический и музыкальный театр, какое множество пушкинских тем и образов сверкает в наших драматических, оперных и балетных спектаклях.

...Очень много мыслей возбуждает у каждого, кто любит наш театр, неспешная прогулка по залам музея или по его филиалу. Смотрят со стен на вас лица наших прославленных драматургов и актеров, тех, кто камень за камнем воздвигал величественное здание русского сценического искусства: Фонвизин и Грибоедов, Пушкин и Гоголь, Мартынов, Давыдов, Ермолова, Савина — всех не перечтешь. Золотая цепь премьер — звенья в развитии мощного сценического реализма: «Горе от ума» и «Ревизор», «Гроза», «Чайка» и «На дне», а в недавние годы «Бронепоезд» на сцене МХАТ и «Любовь Яровая» на сцене Московского Малого театра.

А вот совсем особые премьеры. На фотографиях и зарисовках перед зрителем возникают массовые празднества и инсценировки, устроенные в Петрограде в первые годы революции. Третья годовщина Великого Октября в 1920 году была отмечена массовым представлением взятия Зимнего дворца на Дворцовой площади.

И вот в Ленинградском театральном музее мы видим и самый дворец и те громадные площадки, на которых развернулись бои. Яркими плакатными приемами показана борьба петроградской Красной гвардии с белогвардейщиной. А на Неве, как и в 1917 году, стояла легендарная «Аврора», принявшая участие в этом интереснейшем своеобразном спектакле. Обо всем этом и рассказывает один из стендов музея.

Дальше идут разделы, посвященные героическим дням обороны Ленинграда, годы блокады. На стендах фотографии, запечатлевшие выступления артистов и концертных бригад на переднем крае обороны...

А когда вы обошли все залы и ваш взгляд остановился на заключительном экспонате последней новой постановки,— вы почувствовали: ведь никакого конца, в сущности, нет, и внизу последней страницы музейной повести может быть поставлено обещающее: «Продолжение следует».

Это «продолжение» создается от сезона к сезону нашими драматургами и режиссерами, актерами и актрисами, зрелыми мастерами и театральной молодежью. Обращаясь к ним, музей как бы говорит: «Все истинно полноценное и истинно достойное мы обещаем сохранить в наших сокровищницах на радость нам и будущим поколениям».

Чувство будущего, чувство непрерывного роста — одно из драгоценнейших качеств советских музеев. Потому и в наших театральных музеях вы слышите не только эхо прошедших времен, но поступь грядущего. Здесь есть чему поучиться, здесь есть и на что надеяться. Вот потому о прошлом в стенах музея думаешь словами будущего.

Фарфоровая статуэтка «Руслан и голова» на выставке музея «Пушкин и театр».

Два спектакля

Карело-финский театр в городе Олонце

Один из лучших театров Карело-Финской ССР — Государственный национальный драматический — поставил в этом году два интересных спектакля: «Куллерво» — пьесу классика финской литературы А. Киви по мотивам народного эпоса «Калевала», и «Ветер с юга» — инсценировку одноименной повести советского писателя Э. Грина.

В пьесе А. Киви выведен один из героев «Калевалы», Куллерво, восставший против рода Унтамо — виновника порабощения и гибели рода Куллерво. «Ветер с юга» — инсценировка А. Грина и Б. Филиппова — показывает финского батрака Эйнари, который в поисках выхода из нужды и угнетения включается в коллективную борьбу батраков против кулачества. Перед нами простые люди Финляндии, пробужденные ветром с юга, ветром из Страны Советов.

Постановщики спектакля «Куллерво», заслуженные артисты Карело-Финской ССР С. Туорила и В. Суни, сумели донести до зрителя и суровую эпичность и героический дух «Калевалы». Идея борьбы предка карело-финского народа Куллерво против угнетения и порабощения, борьбы, которая происходила еще в родовой период, оказалась понятной современному зрителю.

Яркие, правдивые образы Куллерво и его сестры Айникки, насыщенные большими человеческими чувствами, мечтой о лучшем будущем, создали заслуженные артисты Карело-Финской ССР С. Туорила и Д. Карпова. Заслуженные артисты республики Т. Ромпайнен в роли Калерво (отец Куллерво) и К. Севандер в роли мудрого Унтамойнена помогли воссоздать на сцене один из эпизодов «Калевалы».

«Ветер с юга» поставлен заслуженным артистом В. Суни. Это спектакль большой идейной глубины. Убедительно показывает он классовые противоречия, разъедающие буржуазную Финляндию, постепенный рост самосознания финского народа, который был обманут националистической пропагандой и прозревает теперь в борьбе с реакцией.

В спектакле выступают две борющиеся силы: забитый батрак Эйнари и кулак Куркимяки, который, предчувствуя неизбежную гибель, крепко цепляется за свое место в жизни. Эти роли блестяще исполняют заслуженные артисты республики Т. Ромпайнен (Эйнари) и Т. Ланкинен (Куркимяки).

Артист Т. Ромпайнен за внешней угрюмостью и угловатостью Эйнари показывает дремлющие в нем силы сопротивления. Эйнари — тяжелодум, но он начинает активно действовать, когда осознает настоящую правду.

Долго лелеет Эйнари мечту о том, что когда-нибудь жалкий клочок земли, сдавленный скалами, станет его собственностью. Много труда вложил он в обработку этой земли и наивно рассчитывает получить ее из рук своего хозяина Куркимяки. Но при первом же появлении Куркимяки на сцене зритель сразу узнает в нем жадного эксплоататора, стоящего на страже своего богатства и прижимающего к земле все, что ему противится.

Но вот батрак Эйнари поднял голову, и до него дошла великая правда о советских порядках. Куркимяки еще пытается удержать в повиновении своего батрака, однако тот, отталкивая руку хозяина с купчей на землю, кричит: «Я сам возьму ее, когда мне будет нужно!»

Образы Эйнари и Куркимяки — большие творческие удачи актеров. Ярко и впечатляюще играют заслуженные артисты республики Е. Томберг (Эльза, жена Эйнари), С. Туорила (Вилхо, брат Эйнари), Д. Карпова (Хильда Куркимяки) и другие.

Музыка к обеим пьесам написана композитором К. Раутио, им удачно использованы народные мелодии.

На республиканском смотре современных советских спектаклей «Ветер с юга» занял первое место.

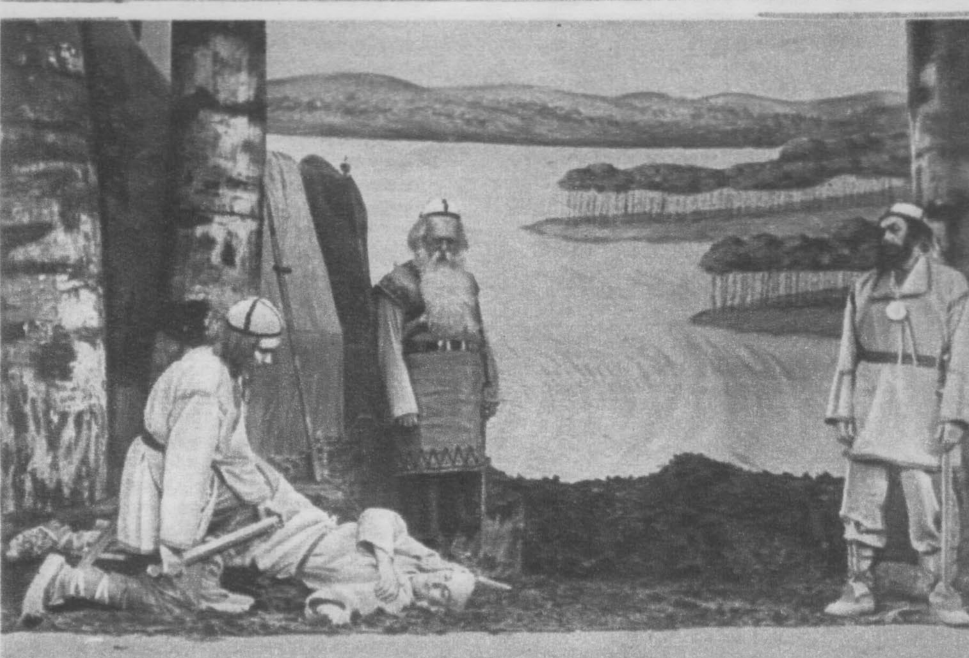
Спектакли «Куллерво» и «Ветер с юга» — творческое достижение национального драматического театра Карело-Финской ССР. Они свидетельствуют о горячем стремлении постановщиков, художников и актеров к реалистическому воспроизведению действительности.

Ст. КОЛОСЕНОК

На фото сверху вниз:
«Ветер с Юга» Э. Грина на сцене Государственного национального драматического театра Карело-Финской ССР. В доме Эйнари. Справа налево: Эйнари — Т. Ромпайнен, Хильда Куркимяки — Д. Карпова, Эльза — Е. Томберг, Вилхо, брат Эйнари, — С. Туорила.

Эйнари (Т. Ромпайнен) просит землю у своего хозяина Куркимяки (артист Т. Ланкинен).

Сцена из пьесы А. Киви «Куллерво» Смерть Куллерво.

Фото слева: Куллерво — артист С. Туорила, его сестра Айникки — Д. Карпова.

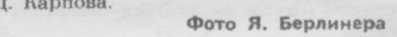

Фото Я. Берлинера

ЛИЧНОЕ МЕСТОИМЕНИЕ

Фельетон

Арк. ВАСИЛЬЕВ

Рисунки И. Семенова

Однажды вечером судьба свела нас за один стол в вестибюле гостиницы ожидать, когда освободится номер.

От нечего делать мы разговорились. Больше всего мне понравилась история, рассказанная кооперативным работником товарищем Бирюлевым. Вот она вся, целиком, без всяких прикрас и поправок.

...С Алексеем Ивановичем Брыкиным я впервые встретился на заре нашей хозяйственной деятельности. Оба мы, окончив торгово-кооперативный техникум, в один и тот же день предстали перед комиссией по распределению молодых специалистов. В техникуме мы с Брыкиным были в разных компаниях и близко не сходились. Первый наш откровенный разговор состоялся в коридоре, в ожидании, когда нас пригласят за заветную дверь. Кроме нас у этой же двери ожидали решения своей участи еще несколько выпускников, и все, понятно, ужасно волновались.

Спокойнее всех был Брыкин. Он подошел ко мне и уверенно сказал:

— Видал, как наша мелюзга расходилась? Разговоров-то сколько? А ты не волнуйся. Я знаю, куда тебя направят.

— Куда?

— В один район со мной.

— Почему ты так думаешь?

— Нехитрое дело — догадаться. Вызывают по алфавиту и посылают в каждый район по два человека. Я давно это предусмотрел. Я это еще вчера предвидел.

Он оказался прав. Через несколько дней мы очутились в одном райпотребсоюзе. Я был назначен товароведом на базу, а Брыкин на такую же должность в засоло-мариновочный пункт. Признаться, я даже был обижен за моего нового приятеля и пытался утешить его, начав популярно объяснять значение маринадов в общественном питании. Но Брыкин как-то странно усмехнулся и загадочно произнес:

— Маринады хороши на закуску для возбуждения аппетита...

Через месяц Брыкин был уже заведующим пунктом, в конце квартала возглавлял всю заготовительную контору, а к новому году его прочили в заместители председателя райпотребсоюза.

Откровенно говоря, я не понимал, чем объяснить столь быстрое восхождение Брыкина по нашей кооперативной лестнице. В техникуме он слыл середняком, особой любви ни к чему у него никогда не замечалось.

Заместитель председателя райпотребсоюза — ведь легко только сказать, а на деле — это больше, чем дирижер оркестра. Надо вовремя за всем усмотреть, чтобы нигде фальши не было. С непривычки за один день на этой должности голову потерять можно. Товарооборот — миллионы, в ассортименте тысяча названий. Утро начинается со звонка — в Зименках керосина в сельпо нехватает и спички на исходе; затем из Бойтова трезвонят — затоварились с бобриком, почему нет юбилейного драпа; в полдень принесут районную газету, а в ней нас пробирают — почему в Озерках давно книгоноши не были. А там как пойдут звонки да вызовы: почему беден ассортимент кондитерских изделий, почему селедок только два сорта, зима на носу, а в сельпо ватин не забросили... Затем обязательно позвонят из санитарной инспекции. После полудня жди звонков из райкома и райсовета. Потом начнутся приглашения на совещания...

Боже ты мой! И какую же надо сноровку иметь, чтобы все вкусы потребителей знать и суметь их удовлетворить!

А у Брыкина за душой, кроме самоуверенности, ничего не было. Очень я удивился, как он соглашался на такой ответственный пост становиться. И что вы думаете? Встал. Дня через три после своего назначения собрал Брыкин совещание и начал его собственной речью.

Как он говорил! Откуда он только слов набрался. Надо было попросту сказать, что не повезло нам с заготовками овощей, особенная неудача вышла с луком. Эх, и покатался же Брыкин на этом самом репчатом овоще! Сначала рассказал, сколько видов лука есть на всем земном шаре. Потом взялся за историю, сообщил, что лук был известен еще древним египтянам и что даже сам Тутмос третий обожал луковую похлебку. Покончив с историей, перешел Брыкин к ботаническому описанию, и когда он дошел до шаровидных соцветий, был объявлен перерыв.

Удивительное дело. Никто не ушел, все остались дослушать, как он из лука эфирные масла добывать будет. Председатель райпотребсоюза Василий Васильевич Кошкин сидит и во всю ширь улыбается. Смотрите, мол, люди добрые, какого я певуна вырастил! А певец понес что-то уже из другой оперы. Начал он свою речь закруглять как-то по-особенному...

— Брыкин умеет работать! Брыкин любит работать! Брыкин всю душу в работу вкладывает! Брыкин...

Народ начал переглядываться. Слышу шопот в зале:

— О ком это он?

А мой Алексей Иванович не стесняется и знай себе шпарит:

— Брыкин... Брыкин... Брыкин...

Потом он перешел к практическим делам. И здесь он повел песню опять на свой лад:

— Я дал команду. Я решил, что тару надо заказывать в Ермолинском...

Между прочим, тару всегда в Ермолинском заказывали, лет двадцать подряд. Но никто Брыкину не возразил, а кое-кто даже пытался ладошками постучать.

Пришел я домой с совещания и не могу понять, что со мной. Туман в голове и ничего больше. Есть у меня привычка перед сном срывать с календаря листочек и прочитывать, о чем на сегодняшний день там рассказано. Сорвал. Читаю и глазам не верю. Весь листочек про лук. Все, что Брыкин говорил, — и про Египет, про разные виды и шаровидные соцветия. Ну, думаю, вот ты откуда вдохновения нахлебался!

Вскоре я заметил у Брыкина еще одну привычку: он подолгу на одном месте не задерживался. Как-то он в минуту откровенности по этому поводу мне свои афоризмы высказал:

— Поясница у меня слабая — устает, если я на одном месте сижу. Это полезно тем, у кого спина чугунная.

К лету следующего года он расстался с кооперацией и переметнулся в контору Главрыбсбыта. Встретился я с ним однажды на совещании. Кто-то из ораторов упрекнул его в том что мало, мол, в районе рыбных товаров. Встал Брыкин с места и пошел к президиуму бледный и записочку в руках терзает. Кто-то в зале громко сказал:

— Ну, сейчас наш главсудак воды намутит!

Дали Брыкину слово. И началось:

— Брыкин... Брыкин... Брыкин... Я дал... Я взял... Я помог... Я предусмотрел... Я предупреждал...

О торговле рыбой только одно из его речи и запомнилось, что судак для икрометания заходит из морей в реки, очень прожорливый и корма ему надо много.

После Брыкина выступал директор торга Сыроваров. Он у нас мужчина ядовитый и начал свою речь с подходцем. Сначала пару слов о наивных карасях, а потом о том, что есть, дескать, в море такая рыба, у которой только один глаз. Вот и наш товарищ Брыкин с одним зрачком живет, только себя и видит...

Но Сыроварова из президиума быстренько поправили:

— Товарищ Брыкин никогда никого не подводил. Товарищ Брыкин умеет работать. Товарищ Брыкин любит работать. И вообще сравнения с морскими зверями и чудовищами неуместны. Это критика не дружественная...

Вскоре я уехал учиться в институт и встретил Брыкина только через два года. Был я тогда депутатом Областного совета. Приехал я однажды на сессию с опозданием на час. Вхожу в зал и вижу: стоит на сцене толстый человек в одежде военного покроя. Лицо круглое, так и лоснится, весь в поту. Голос самоуверенный, с хрипотцой:

— Я дал команду... Я это заранее спланировал...

Я соседа спрашиваю:

— Кто это выступает?

— Заместитель заведующего областным отделом торговли Брыкин. Поприжали его немножко, вот он и вертится.

Не узнал я Алексея Ивановича. Был он раньше худощавым и голос имел чистый, а тут, извините, туша какая-то хрипит:

— Я никогда никого не подводил. Брыкин умеет работать...

Но на этот раз случилась у него осечка. Взошла на трибуну секретарь райкома Анна Тимофеевна Малышева и начала рассказывать, как Брыкин в пионерские лагери вместо чайных чашек заслал пивные кружки.

— Вот они, ваши кружечки! С мерой — ноль пять!

В зале, конечно, так и грохнули, а Малышева продолжает:

— Как это вы никого не подводили? А не по вашей ли вине в городе нет спичек? Вы только подумайте: спичек! А кто на окраинах хлебные палатки позакрывал? Вы, товарищ Брыкин. Не любите вы работать, не умеете вы работать.

В конце заседания дали слово для справки опять Брыкину. И тут случилось совсем странное: Алексей Иванович вдруг слабым голосом прошелестел:

— Да, **мы** тут действительно допустили ошибку. **Мы** тут действительно не доглядели...

Режьте меня на куски, что хотите со мной делайте, но клянусь, что я впервые услышал, как Брыкин личное местоимение упомянул во множественном числе.

С тех пор я его больше не встречал.

НАСТУПЛЕНИЕ на рекорды

Л. ЛИБКИНД,
заслуженный мастер спорта

Спортивное лето кончилось. Опустели стадионы и площадки. Легкоатлеты перешли к занятиям в спортивных залах.

Каковы же итоги прошедшего сезона?

Центральный Комитет ВКП(б) в декабре прошлого года в своем постановлении отметил, что главными задачами являются развертывание массового физкультурного движения в стране, повышение уровня спортивного мастерства и на этой основе завоевание советскими спортсменами в ближайшие годы мирового первенства по важнейшим видам спорта.

В нынешнем сезоне были введены новые спортивные нормы. Для того чтобы получить звание мастера или спортивный разряд, нужно было выполнить повышенные требования. Это, несомненно, улучшило результаты.

Наступление началось еще весной. Матч трех городов, затем заочные легкоатлетические состязания, матч с легкоатлетами Чехословакии, студенческие игры в Будапеште, содержательные соревнования на первенство страны и, наконец, выступления легкоатлетов в Тбилиси — все это дало возможность выявить большое число молодых способных спортсменов и значительно повысить рекорды.

Советские спортсмены в нынешнем сезоне установили 118 всесоюзных достижений и в том числе шесть рекордов мира.

Если внимательно взглянуть на таблицу мужских рекордов, то можно сделать заключение, что наступление на рекорды почти во всех дистанциях бега началось, что советские скороходы сделали заметные успехи и установили три мировых рекорда из четырех.

Следует отметить успех ленинградской копьеметательницы Наталии Смирницкой. Еще два года назад Людмила Анокина и Клавдия Маючая метнули копье за 50 метров. Это превышало официальный мировой рекорд. В нынешнем сезоне копье Н. Смирницкой пролетело 53 метра 41 сантиметр. На таблице видно, что этот результат больше чем на 5 метров превышает мировой рекорд.

Отличная техника Н. Смирницкой, К. Маючей, быстрый рост молодых метательниц, среди которых следует отметить Галину Зыбину, дают основания ждать новых высоких результатов.

Порадовали нас спортсменки О. Подолякина, Г. Жильцова и Е. Васильева, установившие новый мировой рекорд в эстафетном беге 3 по 800 метров.

В октябре на соревнованиях в Тбилиси советские легкоатлетки внесли еще ряд существенных поправок в таблицу рекордов. Анна Андреева толкнула ядро на 14 метров 75 сантиметров, превысив мировой рекорд Татьяны Севрюковой. Александра Чудина также установила мировой рекорд по пятиборью, набрав 4934 очка. Шестнадцатилетняя тбилисская спортсменка Надежда Хныкина показала выдающийся результат по прыжкам в длину — 5 метров 82 сантиметра. Она на два сантиметра превысила всесоюзный рекорд Галины Туровой, установленный 15 лет тому назад.

Наконец, в самые последние дни, продолжая наступление на рекорды, наши сильнейшие мастера снова добились выдающихся результатов, которые уже не смогли найти своего отражения в диаграммах.

Мировой рекорд А. Андреевой в толкании ядра, установленный в Тбилиси, продержался всего одну неделю. Его улучшила К. Точенова, толкнув ядро на 14 метров 86 сантиметров.

Васильева, Жильцова и Дмитрук улучшили мировой рекорд в эстафете 3 по 800 метров, пройдя дистанцию в 6 минут 53,8 секунды.

Л. Щербаков установил новый всесоюзный рекорд в тройном прыжке — 15 метров 43 сантиметра.

Чрезвычайно интересно развернулась борьба двух наших выдающихся легкоатлетов Тимофея Лунева и Евгения Буланчика. Как известно, нынешним летом Т. Луневу удалось улучшить всесоюзные рекорды в барьерном беге на 200 и 400 метров. И вот в Тбилиси Е. Буланчик побил рекорд Т. Лунева в беге на 200 метров, пройдя дистанцию за 23,8 секунды. Через несколько дней Лунев в свою очередь улучшил рекорд Буланчика на две десятых секунды. Наконец, большое наступление наших легкоатлетов на рекорды завершилось выдающимся достижением Феодосия Ванина. Замечательный советский спортсмен побил мировой рекорд в беге на 30 километров, принадлежавший финну Хиетанену — 1 час 40 минут 46,4 секунды. Ванин прошел дистанцию за 1 час 39 минут 14,6 секунды.

Несколько раз в течение прошедшего лета улучшал всесоюзный рекорд по метанию молота Александр Канаки. На последних соревнованиях на первенство страны его снаряд пролетел 58 метров 59 сантиметров. Только 43 сантиметра отделяют теперь результат советского метателя от официального мирового рекорда.

Результаты Нины Думбадзе в метании диска продолжают оставаться недосягаемыми для всех дискоболок мира.

Одно из самых интересных событий сезона — улучшение рекорда в беге на 5 километров. Девять лет этот рекорд принадлежал Серафиму Знаменскому, а в течение прошедшего сезона он был побит дважды. В мае Никифор Попов улучшил рекорд страны на 3,2 секунды, а летом на матче с легкоатлетами Чехословакии в борьбе с Эмилем Затопеком Владимир Казанцев сумел улучшить рекорд еще на 3,8 секунды. Новый рекорд страны — 14 минут 30 секунд — входит в число лучших результатов мира в этом сезоне.

На дистанции в 1500 метров отличился Эрик Веетыусме. Он одержал победу над В. Чевоной (Чехословакия) и установил новый рекорд страны, ранее принадлежавший Александру Пугачевскому.

Большой рост мастерства показали бегуны на короткие дистанции. Целая группа молодежи близко подошла к всесоюзному рекорду на 100 и 200 метров.

Владимир Сухарев несколько раз пробежал стометровку за 10,5 секунды. Такой же результат дважды показал Леван Санадзе.

Рост скорости в сочетании с хорошо отработанной техникой передачи эстафеты позволил несколько раз улучшать рекорды в эстафетном беге 4 по 100 метров, 4 по 200 метров, 4 по 400 метров.

Два новых рекорда в эстафетном беге установили женщины. Результат сборной команды СССР в эстафете 4 по 200 метров только на одну секунду хуже мирового рекорда, а в эстафете 3 по 800 значительно превысил мировое достижение французских спортсменок.

На две десятых секунды побили рекорды Евгений Буланчик (110 метров с барьерами) и Елена Гокиели (80 метров с барьерами).

Все более и более популярной становится легкая атлетика в нашей стране.

Плановая работа с молодежью, правильно организованная тренировка помогут быстро пополнить ряды лучших мастеров, смело и уверенно идущих на штурм мировых рекордов.

	БЕГ 100	БЕГ 200	БЕГ 400	БЕГ 800	БЕГ 1500	БЕГ 5.000	БЕГ 10000	БЕГ С БАРЬЕРАМИ 110	БЕГ С БАРЬЕРАМИ 200	БЕГ С БАРЬЕРАМИ 400	БЕГ НА 3000 С ПРЕП.	ЭСТАФЕТНЫЙ БЕГ 4 по 100	ЭСТАФЕТНЫЙ БЕГ 4 по 200	ЭСТАФЕТНЫЙ БЕГ 4 по 400	ХОДЬБА 10000	ХОДЬБА 20000	ХОДЬБА 30000	ХОДЬБА 50000	ХОДЬБА ЧАСОВАЯ	ПРЫЖКИ В ВЫСОТУ	ПРЫЖКИ В ДЛИНУ	ПРЫЖКИ ТРОЙНОЙ	ПРЫЖКИ С ШЕСТОМ	ТОЛКАНИЕ ЯДРА	МЕТАНИЯ ДИСКА	МЕТАНИЯ КОПЬЯ	МЕТАНИЯ МОЛОТА	МНОГОБОРЬЕ
МИРОВЫЕ РЕКОРДЫ	сек. 10,2	20,3	45,9	1466	34 3	13.58,7	39.35,4	13,6	22,3	50.6	8596	39,8	1.25	3082	час. 42396	1ч35 06,6	2.28 3.24	4.32 03,6	13км. 59,3	метр. 211	813	16,0	477	174	5533	787	59,02	7900
РЕКОРДЫ СССР УСТАНОВЛЕННЫЕ в 1949 г.			48,5		351,4	1430		142	24,0	52,7		41,6	127,0	3162	44458				13км. 061								5859	
РЕКОРДЫ СССР УСТАНОВЛЕННЫЕ до 1949 г.	10,4	21,6	48,6	152,1	353	1437	30352	14,4	24,3	53,8	9064	42,2	1.29	3208	46048	1ч3 54м		1ч35 48,8	12км. 57,3	199	746	1523	430	1673	52,18	64,68	56,13	7780

	БЕГ 100	БЕГ 200	БЕГ 800	БЕГ С БАРЬЕРАМИ 80 МЕТРОВ	ЭСТАФЕТА 4 100	ЭСТАФЕТА 4 200	ЭСТАФЕТА 3 800	ПРЫЖКИ В ВЫСОТУ	ПРЫЖКИ В ДЛИНУ	ТОЛКАНИЕ ЯДРА	МЕТАНИЯ ДИСКА	МЕТАНИЯ КОПЬЯ	ПЯТИБОРЬЕ
МИРОВЫЕ РЕКОРДЫ	11,5	23,6	21,2	11,0	46,4	141,0	654,0	1,71	625	14,75	53,25	53,41	4934
РЕКОРДЫ СССР УСТАНОВЛЕННЫЕ в 1949 г.				11,3	47,8	142,0			5.82				
РЕКОРДЫ СССР УСТАНОВЛЕННЫЕ до 1949 г.	1,19	24,9		11,5	48,4	143,0		1,65	580				

На верхней диаграмме показан рост рекордов по легкой атлетике у мужчин; на нижней диаграмме — рост рекордов у женщин.

Об американской демократии

Петролиум В. Нэсби.

Нэсби (настоящее имя — Дэвид Росс Локк) умер более 60 лет назад, но его творчество осталось настолько актуальным, что этот американский сатирик и ныне считается в США «опасным» писателем. Издатели стараются предать его имя и его произведения забвению, не переиздают его, не упоминают о нем в каталогах. Но тот успех, который сегодня имеют фельетоны Нэсби (их иногда перепечатывает прогрессивная пресса США), доказывает, что передовые люди Америки любят и ценят Нэсби, что его голос и поныне служит делу демократии, делу свободы, делу мира.

Публикуем выдержки из фельетонов Нэсби.

...Политические небеса покрываются тучами. Молнии народного гнева прорезают их, а гром, еще недавно еле слышный, гремит теперь все ближе, все громче... Старая галоша демократической партии беспомощно болтается на волнах политики. Парус разорван в клочья, и вода (кстати сказать, совершенно чужеродный элемент в желудках трезвенников из демократической партии) хлынула в трюм... Старая, испытанная в боях за свободу часть команды бросила капитана-изменника и спустила шлюпки, а оставшиеся, обезумев от страха, борются за руль... Как будто это может их спасти!

А галоша тем временем стремительно удаляется от бухты Благополучия и несется прямо на скалы Разрухи...

* * *

...Демократия протянула свои ножки, произнесла последние лозунги и испустила дух. Она мертва. Наши лидеры или умирают от белой горячки или гибнут от невозможности прожить без теплого местечка.

* * *

...Если в наше время человек занимает государственный пост, это безусловно доказывает, что по нему плачет одиночная камера исправительной тюрьмы — столько он совершил преступлений. А тот, кто устроил такому «деятелю» победу на выборах, наверняка заслуживает чести быть его соседом по местожительству...

* * *

Наша демократия — особого сорта. Это очень нежный цветок — он не выносит холода и поэтому греется возле костров, на которых линчуют негров.

* * *

...Братья и сестры! Сегодня я хотел рассказать вам притчу о блудном сыне, но моя библия — единственная в нашем городе — сейчас в аренде у судьи Гэвитта. Вчера судья выпросил ее у меня на один только сегодняшний день: нынче у него слушается дело одного негра, а понятно, что в таком важном деле нельзя допускать свидетелей клясться в юмористическом альманахе, то есть своде законов, как это обычно делал изобретательный судья...

Но я не понимаю, что изменится, если в деле принесения клятв будет наведен порядок и восторжествует библейский способ, а юмористический альм..., то есть свод законов, встанет на полку? Ведь библия, как и наша конституция, — вечная ей память! — созданы только для белых людей!

* * *

Америка чернее всех стран, ибо она страна для белых.

* * *

...Однажды кто-то вспомнил обо мне, о том, что я был капелланом последней агитационной поездки нашего президента по стране. Все решили немедленно, что я состою, по сану своему, хранителем президентской совести. Но я убедил присутствующих, что они ошибаются: так как совести в Белом доме давно нет и в помине, следовательно, не может быть и хранителя ее...

* * *

Политика демократов дает человеку блестящую подготовку для торговли патентованными средствами. И наоборот, торговля патентованными средствами полностью подготавливает человека к проведению политики демократов. Кто более щедр на ложную рекламу — аптекари или демократическая партия, — судить не мне... Но если Великая демократическая партия не пройдет на ближайших выборах, надо немедленно всем демократам заняться торговлей лекарствами. Если их побьют теперь, когда власть в их руках, и суд в их руках, и все в их руках — особенно казначейство, — тогда конец, игра проиграна! После этого останется только одно: вперед, на желудки избирателей, которые не захотели подчинить свои мозги демократическому руководству!

Я уверен в успехе, ибо если у всех без исключения избирателей имеются желудки, то очень немногие обладают мозгами (в качестве вещественного доказательства моих слов могу продемонстрировать вам результаты предыдущих выборов).

* * *

ИЗ «ЛЕКЦИИ О ЖЕНСКОМ ВОПРОСЕ»:

...Разве можно уважать наших женщин после того, как они произвели на свет такое количество ничтожеств, что нам стыдно перед всем миром! Вы не верите? Посмотрите на конгресс Соединенных штатов! По его делам вы можете судить о мощи интеллекта конгрессменов! Стыдно, достопочтенные лэди!

...Равноправие женщин не приведет к хорошему. Я слишком большого, слишком высокого мнения о женщине, чтобы позволить ей окунуться в ту грязь, которая у нас называется государственной политикой... Судите сами — ведь женщина потеряет всякое уважение к себе, если станет политиканом. Разве можно быть членом сената и одновременно уважать себя? Наши сестры будут брать взятки от лоббистов! Представьте себе ваших дочерей, дерущихся за «теплое местечко» или терроризирующих избирателей! Представьте себе ваших жен, идущих на подлоги, спаивающих избирателей (чтобы обеспечить себе победу), ворующих народные деньги и занимающихся прочими мерзкими делами, из которых состоит так называемая «государственная деятельность»!*

Нет! Я против равноправия! Пусть политикой занимаются мужчины!

* * *

...Что и говорить — президент, который смог выгнать на улицу раненого ветерана войны, оставить его без работы и без средств к существованию, а на освободившееся место назначить своего знакомого, достойно считается человеком вне подозрений, апостолом демократии!

* * *

Когда во время своей предвыборной поездки президент пытался преподнести фермерам звездный флаг и экземпляр конституции — как гарантию гражданских свобод и прав человека, — то фермеры смеялись ему прямо в лицо.

* * *

... — Не волнуйтесь, глубокоуважаемый сэр, — сказал я, выслушав нервного джентльмена. — Вы такой идиот, что наверняка получите государственной должность, так как именно сейчас в нашей великой республике огромный спрос на людей такого жанра, как вы!

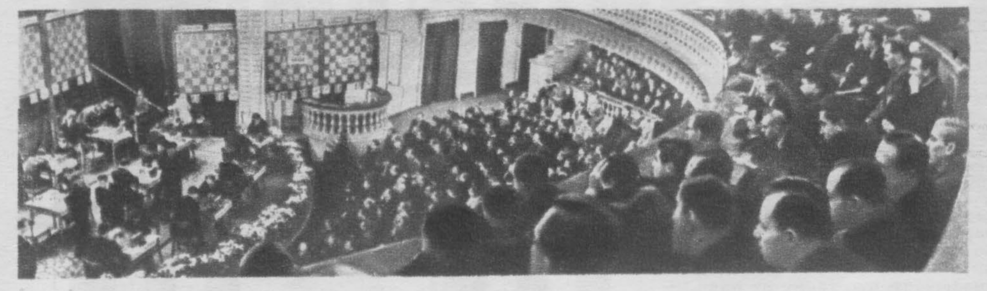
«Господи! — подумал я, отходя от него. — Что за президент у нас, если ему приходится покупать таких скотов... И какой же из этого кретина получится государственный деятель, если даже у меня от его гнусности выворачивает нутро! А я видал виды!»

Перевели
Б. ПРИВАЛОВ и И. САВИЦКИЙ

* Темные дельцы, агенты капиталистов, орудующие в кулуарах Конгресса.

ШАХМАТЫ

Под редакцией чемпиона мира гросмейстера М. БОТВИННИКА

В зале Центрального дома культуры железнодорожников, где проходит XVII Всесоюзный шахматный чемпионат.

Боевая партия

Участники финала XVII первенства СССР по шахматам сыграли на старте турнира немало хороших партий. Да это и понятно — не каждое первенство СССР столь интересно по составу участников.

Четыре поколения шахматистов играют в первенстве Союза: мы видим 60-летнего гросмейстера Г. Левенфиша, представителя дореволюционного поколения русских мастеров, 41-летнего гросмейстера В. Рагозина, представителя первого поколения советских мастеров, 28-летнего гросмейстера В. Смыслова, представителя следующего поколения советских мастеров и, наконец, 20-летнего мастера Т. Петросяна...

На турнире. Д. Бронштейн - В. Смыслов за партией.

Разумеется, «задают тон» на турнире представители двух средних поколений, ибо для «трудоемкого» шахматного творчества, как правило, наиболее благоприятен возраст 25 — 45 лет.

Приведенная ниже партия и сыграна между шахматистами, которые по возрасту находятся в этом «счастливом» периоде.

ЗАЩИТА АЛЕХИНА

В. Смыслов — В. Микенас.

1. e2 — e4 Kg8 — f6

Эта оригинальная защита была введена в турнирную практику А. Алехиным в партии против А. Штейнера на турнире в Будапеште (1921 год).

2. e4 — e5 Kf6 — d5
3. d2 — d4 d7 — d6
4. c2 — c4 Kd5 — b6
5. e5 : d6 ....

Если опровержение защиты Алехина и существует, то только в варианте 5. f4 de 6. fe Kc6 7. Ce3, который обычно ведет к большим осложнениям. В. Смыслов не рискнул сыграть этот вариант в данной партии, ибо литовский мастер, вероятно, является лучшим знатоком защиты Алехина.

5. ... e7 : d6
6. Cf1 — e2 d6 — d5

Подобный план был проведен за черных еще в партии Зубарев — Торрэ (Москва, 1925 год). Чтобы создать себе на поле d5 опорный пункт в центре, черные согласны примириться с потерей нескольких темпов.

7. c4 — c5 Kb6 — d7
8. Kg1 — f3 Cf8 — e7
9. 0 — 0 Kd7 — f8

Черные играют очень внимательно. После 9. ... 0 — 0 10. Kc3 c6 11. Cf4 слон белых на f4 занимал бы очень сильную позицию, и белые с успехом провели бы пешечную атаку ферзевого фланга черных (b2 — b4 — b5).

Теперь же на 10. Cf4 черные могут ответить 10. ...Kg6 (или 10. ...Ke6) 11. Cg3 f5 с контринициативой.

10. Kf3 — e5 Kb8 — d7
11. f2 — f4 Kd7 : e5
12. f4 : e5 Kf8 — e6

Хорошо сыграно! Современные мастера стремятся в начале партии не только к развитию, мобилизации сил «вообще», а к проведению конкретного плана игры.

В лагере белых слаба центральная пешка d4. Черные и пытаются связать фигуры белых защитой этой пешки.

13. Cc1 — e3 0 — 0
14. Kb1 — d2 f7 — f5
15. e5 : f6 . . .

Поскольку центральная пешка белых e5 надежно заблокирована, белым невыгодно предоставлять черным пешечный перевес на фланге

15. .... Ce7 : f6
16. Kd2 — f3 Фd8 — e7

Угрожая 17. ... K : c5.

17. Фd1 — b3 c7 — c6
18. Лa1 — e1 Фe7 — c7
19. Ce2 — d3 Cc8 — d7
20. Фb3 — c2 g7—g6

Положение определилось: у белых попрежнему слаба пешка d4, а тем временем черные сумели мобилизовать свои силы. Угрозу 21. ... Kf4 белые могут легко парировать, но ходу 21. ...Лae8, вводящему в бой последний резерв черных, воспрепятствовать много трудней. Какое же решение следует принять белым?

21. Ce3 — h6! ...

Белые немедленно переходят в наступление, не дожидаясь, пока последняя фигура черных вступит в игру.

Поскольку продолжения 21. ...Cg7 22. C : g7 или 21. ... Kg7 22. Ke5 связаны с ослаблением поля e5, а на 21. ... Лf7 с успехом может последовать 22. C : g6! hg 23. Ф : g6+ Cg7 24. Kg5, черным ничего другого не остается, как принять предложенную жертву пешки.

21. .... Ke6 : d4
22. Kf3 : d4 Cf6 : d4 +
23. Kpg1 — h1 Лf8 : f1 +
24. Лe1 : f1 Фc7 — e5!

Опасно было 24. ...Cg7 25. C : g7 Kp : g7 26. Фc3 +; теперь ввиду угрозы 25. ...Фh5 белые не могут медлить.

25. Cd3 : g6 h7 : g6
26. Фc2 : g6+ Kpg8 — h8

На первый взгляд, пожертвование слона было неправильным, так как на 27. Cf8 черные отвечают 27. ... Фe4!, спасаясь от вечного шаха, а 27. Лf7 невозможно ввиду 27. ... Фe1 +.

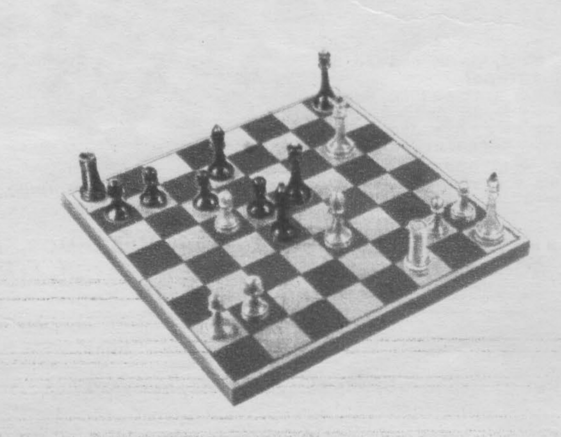
После 20-минутного обдумывания В. Смыслов находит удивительное продолжение атаки.

27. Ch6 — e3!!

Одним выстрелом убивая двух зайцев: белые и защищают первую горизонталь (27. ...C : e3 28. Лf7 Фe4 29. Лh7 x! и обеспечивают себе вечный шах. (27. ...Ф : e3 28. Фh5 + Kpg8! 29. Фf7 +).

Вся прелесть комбинации состоит в том, что черный ферзь связан защитой слона d4 и вследствие этого не успевает придти на помощь своему королю. Поэтому — ничья!

Заключительная позиция весьма эффектна.

ЧИКАГО В ПАРИЖЕ

От маршаллизации французской экономики США переходят к маршаллизации французского искусства и французского образа жизни. Вместе с низкопробной американской литературой и кинопродукцией они насаждают во Франции и свои нравы. Эта американизация встречает полную поддержку со стороны всех уголовных элементов Франции. Случаи грабежей и убийств во Франции настолько участились, что одна из парижских газет, кстати, не отличающаяся какими бы то ни было прогрессивными взглядами, недавно назвала Париж «Чикаго на Сене».

Взгляните на эти фотографии. Вот, например, витрина одного из модных магазинов, расположенного в самом центре Парижа — на так называемых «Больших бульварах». Знаменитый портной рекламирует «сенсационную» новинку: плащ-пальто «гангстер». А вот и другие снимки. На них изображены афиши, заснятые фотокорреспондентом одного из парижских журналов в течение часа. Как видите, гангстер и все его атрибуты украшают стены многих парижских зданий.

Л. ВИДЯСОВА

Пойдемте со мной...

Знаком ли вам лес глубокой осенью, когда первый снежок слегка припудрил кое-где землю, густо устланную опавшими листьями? Как легко дышится на воздухе, освеженном первыми морозцами, еще не уничтожившими ни влажного аромата прелой листвы, ни терпкого духа хвои! Какие чудесные в это время краски в лесу! Яркая ржавчина дубов, лиловые тона ольховой поросли, блекло-зеленая листва, коегде уцелевшая на кустарниках, — и всё это запорошено голубоватой снежной крупкой.

Пусть хмурится небо — нужды нет — стоит где-нибудь в быстро несущихся по небу тучах прорваться голубому клочку, как засверкает в лучах солнца каждая капелька воды на сучьях, загорится всякий повисший на них листок... А какая бодрость разлита кругом! Она непременно передастся тому, кто побродит по осеннему лесу, нарушая тишину его легким хрустом веточек и шуршанием сухой травы, ломкой после заморозков.

Так не вытяну ли я вас за собой? Ей-ей, не скучно проведете время. Есть у меня про запас и ещё кое-что интересное... Одевайтесь полегче, однако тепло, и пойдемте со мной. Ружьецо, конечно, прихватите.

Я поведу вас недалеко — у меня давно облюбована одна опушка, где клин леса выступает в поле, покрытое изумрудной зеленью озими, пробивающейся из-под снега.

Тут я соорудил шалаш, поблизости от большущей березы со свисающими долу тонкими прутьями ветвей. Усаживайтесь поудобнее и осмотритесь. В стенках шалаша достаточно отверстий, чтобы можно было любоваться видом вокруг...

Но, любуясь природой, все же внимательно следите сквозь редкие прутья, прикрывающие шалаш сверху, за большой березой. И чутко ко всему прислушивайтесь.

Я вас оставлю одного. Ружье положите поперек колен, взведите курки и наберитесь терпенья. Помечтайте, если есть к тому склонность, покурите. Если очень заскучаете, развлекитесь счетом до тысячи или читайте про себя стихи — на ваше усмотрение, — но ни звука, ни единого движения. И следите за березой!

Усадив вас в шалаш, я достаю заранее заготовленные длинные шесты, вынимаю из мешка три черных кургузых чучела птиц с невероятными шеями и красными тряпочками бровей — это собственного изделия тетерева. Насадив на шесты, я устанавливаю их на открытом месте несколько в стороне от березы. Конечно, вы видели мою немудреную работу вблизи, и вас не проведешь, но издали чучела, право, можно принять за «всамделишних» птиц!

Так вот я ухожу — потом узнаете зачем и спасибо скажете. Первые десять — двадцать минут вы, конечно, строго следуете моим наставлениям, но потом неподвижность вам прискучивает, вы начинаете то переставлять затекшую ногу, то менять позу. И так как от этого ничего предосудительного не возникнет, вы двигаетесь смелее, станете оглядываться, дымить папиросой в кулачок. В самом деле: кого тут спугнешь, если все кругом как будто вымерло, ни шороха, ни звука?!

Так пройдет, может быть, час, а если вы не из особенно везучих, то и побольше. Вам даже почудится, что наступают сумерки, хотя до вечера еще порядочно. Словом, становится немного скучно, и кажется, что ничего путного получиться из нашей затеи не может, и вы, возможно, начнете досадовать: сидел бы лучше дома, чорт меня понес, уж эти охотники!..

Но тут-то и наступит то, от чего вашу хандру смоет, как волной.

Внезапно появившийся откуда-то тетерев со свистом и шумом крыльев усаживается на березу. И только вы успели обомлеть от неожиданности и дыхание ваше пресеклось, как вслед прилетает другой, третий, может быть, еще и еще... Ветви березы, только что пустые, оказываются населенными полдюжиной крупных черноперых красавцев с длинными раздвоенными хвостами!

Не горячитесь! Успеете выстрелить — тетерева непременно задержатся возле чучел и даже начнут кормиться... Наверняка знаю, что в этот момент вы ужасаетесь неправдоподобию моих творений и в душе крепко меня браните: не мог, мол, поскладнее сделать!

Не нервничайте! Тихонько поднимите ружье, выцельте как следует и нажимайте гашетку — добыча ваша. Можно так изловчиться, чтобы и пару и даже тройку свалить сразу, если удачно рассядутся, но лучше в одного метьте да потщательней, а потом, когда вся стайка поднимется, постарайтесь еще влет ударить. Но чур! Не выскакивать из шалаша за упавшим тетеревом: перезарядите ружье и продолжайте сидеть неподвижно. Это — только начало...

Я делаю большие круги по лесу, в радиусе полутора — двух километров от шалаша, и мне великолепно слышна ваша канонада: вот дуплет, через десять минут второй; потом один выстрел,— значит, прозевали! Что-то мне подсказывает, что толку от пальбы немного: вы, наверное, разгорячились и палите напропалую, но я вас не виню: попробуй-ка сохранить выдержку, когда то и дело подлетают краснобровые косачи, гордость наших лесов, и, сев на ветку, неспокойно шевелятся: того и гляди, сорвутся снова... Тут и опытный охотник торопится, и у него сильнее бьется сердце.

Но я доволен, что вы стреляете,— теперь вы отравлены навеки, больше вы не усидите дома в свободный день поздней осенью или в преддверии зимы...

Я добросовестно продолжаю кружить по лесу, а как завижу черные тяжелые точки тетеревов, рассевшихся на березах, захожу с нужной стороны и гоню их на вас: стреляйте на здоровье, тешьтесь вволю удалой забавой...

О. ВОЛКОВ

Нехитрые задачи

В ясную морозную ночь два друга любовались величественной картиной звездного неба.

— Открылась бездна звезд полна. Звездам — числа нет, бездне — дна... — продекламировал один из друзей.

— Наблюдая звездное небо, — продолжал он, — начинаешь лучше понимать, какой ничтожно малой является наша земля... Да и вся наша солнечная система — ничтожная пылинка в бездонном океане вселенной, среди бесконечных миллиардов солнц...

— Да, да, — рассеянно подтвердил другой. — Как-то я вот так же смотрел на ночное небо и решил подсчитать на нем звезды. Насчитал что-то около семи тысяч — сбился... Начал снова — дошел до десяти тысяч и опять сбился...

— Ты, друже, или плохой математик или неудачный остряк, — с усмешкой перебил первый.

— Почему же неудачный остряк? — обиделся собеседник.

В самом деле: почему?

ТЫСЯЧИ ГРАДУСОВ В КВАРТИРЕ

Вернувшись домой, приятели продолжали беседовать о звездах.

Зашел разговор о температуре поверхности звезд.

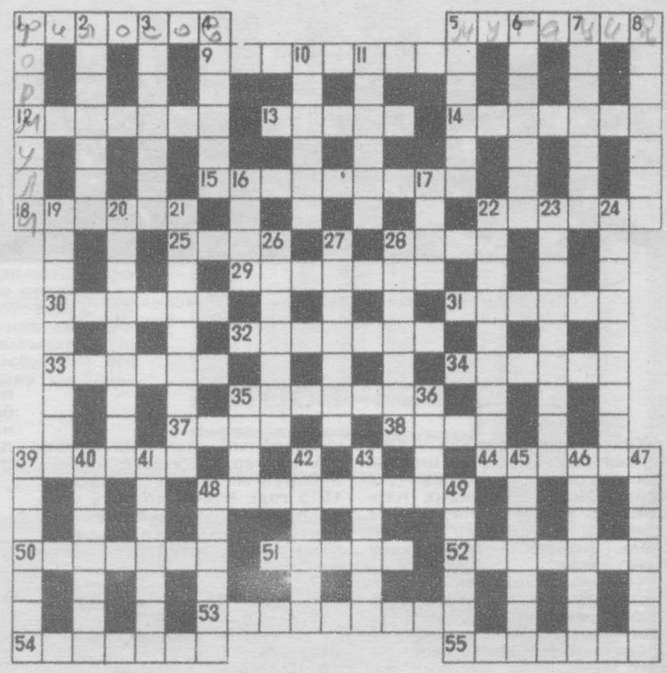
— А знаешь ли ты, — сказал один, — что почти звездную температуру — в две — три тысячи градусов — мы можем наблюдать сейчас у нас в квартире?..

— Ну, на этот раз ты перехватил, — сказал другой.

Однако ему пришлось немедленно согласиться, что его друг был прав.

Что же его убедило в правоте друга?

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Ученый. 5. Скачкообразное изменение. 9. Мастерство. 12. Порода овец. 13. Доказательство. 14. Очарование. 15. Временный перерыв. 18. Предводитель. 22. Сотрудник посольства. 25. Народный поэт. 28. Представитель африканского племени. 29. Выборный представитель. 30. Вид бобра. 31. Часть повозки. 32. Дорожный сундук. 33. Помещение. 34. Звезда. 35. Отскок. 37. Государство. 38. Подушечка. 39. Скульптура. 44. Помеха. 48. Ярлык на книге. 50. Ограда. 51. Ряд величин. 52. Физическое явление. 53. Передача текста другими словами. 54. Наборная машина. 55. Предприятие пищевой промышленности.

По вертикали:

1. Условное выражение. 2. Солодковый корень. 3. Часть мачты. 4. Неудача. 5. Неразбериха. 6. Драгоценный камень. 7. Свирель. 8. Часть акта в пьесе. 10. Изобилие. 11. Охранник. 16. Чувство смущения. 17. Принадлежность кучера. 19. Перевозочные средства. 20. Вымершее животное. 21. Судоходство. 22. Влияние. 23. Вид радиоприемника. 24. Фиглярство. 26. Минерал. 27. Работник пищевой промышленности. 28. Полог. 35. Галерка. 36. Система блоков. 39. Признак. 40. Мужское имя. 41. Мечтатель. 42. Ягода. 43. Лицо, справляющее годовщину. 45. Многолетняя трава. 46. Гриб. 47. Ловушка. 48. Снимок с гравюры. 49. Правитель в древней Персии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 45

По горизонтали:

4. Селенит. 7. Пирс. 9. Хладагент. 11. Вече. 12. Сатира. 13. Дол. 14. Крокет. 17. Гераклит. 18. Подпруга. 23. Стадо. 24. Прерогатива. 25. Гетры. 28. Четверг. 29. Агреман. 30. Кентавр. 33. Окрик. 34. Абракадабра. 35. Стило. 38. Антрацит. 39. Единство. 41. Молния. 42. Ярд. 43. Флорин. 47. Адат. 48. Абрикотин. 49. Круп. 50. Санация.

По вертикали:

1. Кенаф. 2. Педагог. 3. Шифер. 5. Тирс. 6. Счет. 8. Сатурн. 9. Харакири. 10. Терапевт. 11. Вакуум. 15. Гидрография. 16. Контрабанда. 17. Годовщина. 19. Агентство. 20. Отделка. 21. Агрегат. 22. Правило. 26. Бри. 27. Рея. 31. Образина. 32. Кринолин. 36. Стилет. 37. «Старик». 40. Приклад. 41. Мзда. 44. Неуч. 45. Аркад. 46. Стриж.

Шашки

ЗАДАЧА

Г. Н. Белянин (Москва)

Белые начинают и запирают простую черных.

ОТВЕТ НА ЗАДАЧУ «КТО ПРАВ?» (№ 45)

Оба правы. Скорость звука в воздухе, как известно, — около 340 метров в секунду. Обычно при марше делают примерно 60 шагов в минуту или один шаг в секунду. Поэтому в хвосте колонны демонстранты хотя и шагали точно в такт долетающих до них звуков марша, но шли они не в ногу с передними рядами.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, С. И. СОКОЛОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова

А — 14514. Подписано к печати 9/XI — 49 г. Изд. № 784. 5½ печ. л. Тираж 381 000. Заказ 2374. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

ВИТАМИНЫ

необходимы всем

ВИТАМИНЫ содействуют укреплению здоровья, усиливают сопротивляемость организма инфекционным заболеваниям, повышают работоспособность.

ВИТАМИНЫ особенно необходимы лицам, занятым тяжелым физическим или напряженным умственным трудом, спортсменам во время тренировок и соревнований.

ВИТАМИНЫ необходимы беременным женщинам для нормального течения беременности и развития плода, а также кормящим матерям для нормального роста и развития ребенка.

ВИТАМИНЫ особенно необходимы жителям Крайнего Севера.

ВИТАМИН «А» предохраняет от заболевания «куриной слепотой» и от других нарушений, вызванных недостатком этого витамина. Особенно он необходим лицам, профессия которых требует острого зрения — летчикам, водителям автомашин, поездов, трамваев и проч. Он необходим детям грудного, дошкольного и школьного возрастов.

ВИТАМИН «B_1» благоприятно влияет на нервную систему и особенно необходим при явлениях физического и нервного переутомления, применяется при лечении нервных и желудочно-кишечных заболеваний.

ВИТАМИН «B_2» способствует нормальному усвоению пищевых веществ и восстановлению тканей организма, участвует в зрительном процессе.

ВИТАМИН «С» улучшает общее состояние организма, содействует нормальному обмену веществ в организме, является единственным средством для предупреждения и лечения цынги.

ВИТАМИН «CB_1» сочетает действие витаминов «С» и «B_1».

ВИТАМИН «Д» регулирует фосфорно-кальциевый обмен в организме, необходим для нормального развития костей и зубов у детей, способствует сращиванию костей при переломах, является единственным лечебным средством для предупреждения и лечения рахита, необходим взрослым, работающим на Севере и в условиях полярной ночи, особенно необходим лицам, работающим под землей (шахтерам, работникам метро и другим).

ВИТАМИН «РР» способствует нормальному усвоению организмом белков, является средством для предупреждения заболевания пеллагрой, применяется при нервных и желудочно-кишечных заболеваниях.

ПОЛИВИТАМИНЫ состоят из витаминов «А», «B_1», «B_2», «С», «Д» и «РР» и сочетают их действие, являются препаратом для комплексной профилактики и витаминной терапии.

Требуйте витаминные препараты производства Главвитаминпрома Министерства пищевой промышленности СССР **во всех аптеках, диэтмагазинах и магазинах санитарии и гигиены.**

ОПТОВЫЕ ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯЙТЕ ПО АДРЕСУ: Москва, ул. 25 Октября, 7, Главвитаминпрому.

Для сохранения здоровья регулярно пользуйтесь витаминами и поливитаминами.

Норма потребления витаминов указана на этикетках.

Цена 3 руб.